

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
МОУВО
«РОССИЙСКО-ТАДЖИКСКИЙ (СЛАВЯНСКИЙ) УНИВЕРСИТЕТ»**

На правах рукописи

**АЗИЗОВ ФАРРУХ ДЖУРАБОЕВИЧ
РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТА «ГНЕВ»
В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ**

Специальность: 5.9.8 – теоретическая, прикладная и
сравнительно-сопоставительная лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Шамбезода Х.Дж.

Душанбе - 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА	11
1.1. Понятие « <i>концепт</i> » в современной лингвистике.....	11
1.2. Научные подходы в изучении концепта и методы его описания.....	22
1.3. Языковая и концептуальная картина мира.....	33
1.4. Концепт как связующее звено между языком и культурой.....	44
Выводы по первой главе.....	51
ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ (ЯДЕРНАЯ ЗОНА)	54
2.1. Исследование концепта <i>гнев</i> в лексической системе русского и таджикского языков.....	55
2.1.1. Лексико-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского языка.....	56
2.1.2. Лексико-семантический анализ концепта «Ғазаб» в лексической системе таджикского языка.....	62
2.1.3. Сопоставительный анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексической системе русского и таджикского языков.....	72
2.2. Исследование понятия <i>гнев</i> в паремиологической системе русского и таджикского языков.....	80
2.2.1. Выражение <i>гнева</i> в паремиологическом фонде русского языка.....	81
2.2.2. Выражение <i>гнева/газаб</i> в паремиологическом фонде таджикского языка.....	84
2.2.3. Сравнительный анализ концепта «Гнев» в паремиологической системе русского и таджикского языков.....	87
Выводы по второй главе.....	94

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ (ЗОНЫ БЛИЖНЕЙ, КРАЙНЕЙ И ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ)	96
3.1. Структурно-семантический анализ концепта «Гнев» в русском языке	97
3.1.1. Структура и семантика лексем ближней периферии <i>негодование,</i> <i>возмущение</i>	98
3.1.2. Структура и семантика лексем крайней периферии <i>ярость,</i> <i>бешенство</i>	101
3.1.3. Структура и семантика лексем дальней периферии <i>исступление,</i> <i>остервенение</i>	104
3.2. Структурно-семантический анализ концепта «Ғазаб» в таджикском языке	106
3.2.1. Структура и семантика лексем ближней периферии <i>хаши,</i> <i>қаҳр</i>	107
3.2.2. Структура и семантика лексем крайней периферии <i>оташинӣ,</i> <i>асабӣ/онӣ</i>	119
3.2.3. Структура и семантика лексем дальней периферии <i>чаҳл</i>	127
Выводы по третьей главе	130
Заключение	132
Список использованной литературы	140
Приложение	154

Введение

Лексико-фразеологическая система языка является основным источником в реализации когнитивной и эмоциональной природы национальной культуры. В когнитивистике самым актуальным вопросом последнего времени является вопрос концептуального анализа языковой картины, которая соединяет в себе такие научные направления, как психология, социология, культурология, философия и др. На сегодняшний день накопилось большое количество исследований, связанных с отражением эмоций в языке, и описать ту или иную эмоцию порой бывает сложно. Еще в начале XX столетия на 14 международном конгрессе лингвистов в Берлине ученые подняли вопрос о тесной связи когниции и эмоции, об огромной лингвистической значимости изучения этой стороны языка.

Концепты играют основную роль в описании индивидуального и национального языкового сознания, поэтому исследования в данной области относятся к актуальным проблемам. В лингвистическом мире существует огромное количество работ, посвященных проблемам исследования концептов. Из зарубежных ученых следует упомянуть такие имена, как Дж. Лакофф, М. Тернер и др. В русской лингвистической науке самыми известными работами в данной области являются труды Е.С. Кубряковой, З.Д. Поповой, И.А. Стернина, Ю.С. Степанова, В.И. Карасика и др. В таджикской лингвистической науке этот вопрос начали исследовать только в начале XXI века на базе Российско-Таджикского (Славянского) университета (РТСУ). Основной вклад в развитии системы корпусного анализа языка и когнитивной лингвистики в таджикском языке принадлежит профессорско-преподавательскому составу кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ Д.М. Искандаровой, Х.Д. Шамбезода, Н.И. Каримовой, М.Б. Давлатмировой и др., которые в корне изменили представление о национальной специфике данной лингвистической научной дисциплины. Под руководством перечисленных

выше ученых и других профессоров Академии наук и Национального университета Таджикистана за последние несколько лет были защищены кандидатские и докторские диссертации по проблеме когнитивного анализа таджикского языка и концептуальной системы лингвокультурного мышления.

В когнитивной лингвистике существует множество лингвокультурных концептов, которые рассматриваются как эмоциональные, однако концепт «Гнев» относится к базовым эмоциям и имеет негативную семантику, описывающуюся состоянием высокой напряженности организма, когда внешние раздражители оказывают влияние на психику и сознание человека. Гнев является универсальным концептом и имеет как индивидуальный, так и национальный характер, который реализуется во всех слоях лингвокультурных сообществ, вне зависимости от их расы, цвета кожи, религии и др. Семантические признаки гнева описываются в структурных слоях лексем периферийной системы, которые представляют собой код языка, дифференцированный по динамике проявления эмоции в словарной системе русской и таджикской языковых картин.

Актуальность настоящего диссертационного исследования обусловлена тем, что концепт «Гнев» не подвергался тщательному исследованию в таджикской концептосфере. Такая работа позволит выявить национальные и специфические особенности концепта «Гнев» в двух разносистемных языках. Кроме того, анализируемый концепт, который относится к базовым эмоциям и описывает психическое состояние не только отдельного индивида, но и целых этнических групп, еще не подвергался сравнительному исследованию в русской и таджикской языковых картинах.

Степень научной разработанности темы. Концепт «Гнев» рассматривался многими исследователями с лингвокогнитивной, лингвокультурной и эмоциональной позиции. Различные аспекты

изучения образных и ценностных представлений гнева и его метафорические особенности затронуты в трудах многих лингвистов, которые относят анализируемый концепт к отрицательным категориям человеческого характера. В русском языке гнев подвергался анализу в трудах М.В. Маркиной, Д.Г. Гайдаровой, Н.А. Красавского, Е.В. Комарова, К.О. Погосовой, И.А. Вотяковой и др. В таджикской лингвистической науке гнев еще не подвергался подробному анализу.

Целью исследования является комплексный сопоставительный анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков, а также выявление периферийных лексических единиц, описывающих семантические признаки исследуемого концепта.

Для выполнения поставленной цели в работе необходимо решить следующий круг **задач**:

- 1) исследовать специфику понятия *концепт* и особенности его анализа в современных лингвистических источниках;
- 2) выявить специфические признаки языковой и концептуальной картины мира;
- 3) провести лексико-семантический анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в словарной системе русского и таджикского языков;
- 4) провести лексико-семантический анализ исследуемого концепта в паремиологической системе русского и таджикского языков;
- 5) установить полевую зону концептуальной репрезентации «Гнев/Ғазаб» в русском и таджикском языках;
- 6) определить структурно-семантические признаки периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» в русском и таджикском языках;
- 7) определить лингвокогнитивные признаки концепта «Гнев/Ғазаб» в анализируемых языковых картинах.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что в ней впервые в сопоставительном аспекте исследуются лингвокогнитивные

признаки концепта «Гнев/Ғазаб» в двух разносистемных языках, которые относятся к одной индоевропейской языковой семье. Анализируются структурно-семантические признаки лексических средств в репрезентации эмоции гнева и описываются вербальные и невербальные признаки изучаемого состояния, что позволяет определить лингвокогнитивные особенности для характеристики национальной специфики концепта.

Объектом данного исследования является изучение структурно-семантической специфики концепта «Гнев/Ғазаб» в лексико-фразеологической системе русского и таджикского языков.

Предметом исследования является определение когнитивной структуры эмоционального концепта «Гнев/Ғазаб» и способы его вербализации в русском и таджикском языковом сознании.

Теоретической и **методологической** базой диссертационного исследования послужили методологические основы и положения, выдвинутые в трудах таких зарубежных и таджикских лингвистов-концептологов как: Дж. Лакофф, Р. Лангакер, Р. Карнап, В.Н. Телия, Г.Г. Герц, М. Планк, Л. Витгенштейн, В. Гумбольдт, Р.И. Павленс, А. Кизюкевич, И. Горбач–Пазэра, Я. Гримм, Р. Раск, Э. Сепир, Б Уорф, Р.М. Уайт, Э. Холленштейн; Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев, Н.Д. Артунатов, А.Г. Бабушкин, Б.А. Серебряников, Ю.С. Степанов, А. Вержбицкая, Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов, Г.В. Колшанский, М.И. Пименова, В.А. Маслова, В.И. Карасик, С.А. Аскольдов, А.Н. Лукин, М.В. Никитина, Е.Ю. Белашова, В.И. Красных, Н.Ф. Алефиренко, Е.В. Куликова, В.Г. Костомаров, Т.Г. Орлянская, А.А. Залевская, Р.М. Фрумкина, Ю.Н. Караулов, Ю.Д. Апресян, А.Ю. Корнеев, В.В. Воробьева, Ю.В. Крылов, И.А. Вотякова, В.В. Рублева, Ж.С. Головки, О.Ю. Любимова, Д.Г. Гайдарова, Н.А. Красавский; Н.И. Каримова, М.Б. Давлатмирова, Х.Х. Курбанова, Ф.Ш. Аминова, М.М. Имомзода, З.А. Чоршамбиева, Д.С. Шоназарова, М.Д. Мамедова, Ш.К. Бойматова и др.

Материалом для исследования послужили лексикографические источники и фразеологические словари.

Методы исследования обусловлены спецификой собранного материала и характером поставленных задач. В работе использованы следующие методы: описательный, сравнительно-исторический, сопоставительный, метод структурного анализа, метод семантико-когнитивного анализа, метод сплошной выборки иллюстративного материала из словарей и текстов.

Теоретическая значимость диссертационной работы заключается в том, что её результаты позволят включить в научный оборот большой материал, который будет способствовать подкреплению теоретических основ исследования семантической природы лексических единиц, связанных с концептом «Гнев» в таджикской лингвистической науке. Кроме того, теоретическую значимость можно наблюдать в том, что работа вносит определенный вклад в исследовании лингвокогнитивного концепта «Гнев», который носит эмоциональный характер, и данный подход можно будет позаимствовать в исследовании других эмоциональных концептов.

Практическая ценность исследования заключается в том, что основные положения и выводы предлагаемой работы могут быть использованы в практике лингвокультурологических, социолингвистических и когнитивных исследований национально-культурной специфики языкового сознания. Результаты предлагаемой работы можно будет использовать в лекционных курсах по сопоставительному языкознанию, в спецкурсах по когнитивной лингвистике, теории перевода и теории межкультурной коммуникации, а также при разработке тематики научных работ и при изучении других концептов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Гнев является эмоциональным концептом, природная основа которого заключается в силе управления разумом и действиями индивида, когда внешние раздражители влияют на его психику. В результате анализа

лексикографических и паремиологических единиц русского и таджикского языков было выявлено, что концепт «Гнев/Ғазаб» имеет сложную семантику, которая связывает его с понятием *огонь*, обладает индивидуальными и национальными особенностями и в анализируемых языках имеет как общие, так и отличительные признаки.

2. Гнев, выражая внутреннюю тревогу и беспокойство, представляет собой состояние высокой напряженности организма. Метафора гнева имеет три стадии развития, которые взаимодополняют друг друга: начальная стадия проявляется в невербальной форме и определяется по мимике (индивид краснеет, глаза горят, брови сдвинуты друг к другу и др.), вторая стадия выражается в грубых словах и выражениях, а третья стадия находит свою вербализацию в конкретном действии или эмоциональном состоянии, которое может довести индивида до состояния аффекта.

3. Структурные признаки концепта «Гнев» имеют свою системную особенность, которая проявляется в частеречных формах, функциональные признаки и семантические особенности которых зависят от их синтаксической роли в предложении. Анализируемый концепт может вербализоваться в семантических признаках именных частей речи, обладает субстантивной и адъективной формой и выполняет функцию всех членов предложения.

4. Концепт «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской паремиологических системах характеризуется с отрицательной стороны, так как описывает то эмоциональное состояние, которое преобладает над разумом. Особенности вербализации анализируемого концепта указывают на причинно-следственные признаки, которые всецело зависят от окружающей реальности, кроме того, гнев характеризует абстрактную и теологическую категорию действительности, которая проявляется в культурно-нравственных и индивидуально-физиологических особенностях человеческой природы.

5. Структурно-семантические признаки лексем периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» имеют свою полевую особенность, которая связывает эмоциональную категорию с различными признаками, состояниями, явлениями и свойствами человеческой природы. Периферийная система в зависимости от динамики проявления эмоции выражается в последовательном порядке таким образом: ближняя периферия концепта репрезентируется в понятиях *негодование*, *возмущение* в русской и *қаҳр*, *хаши* в таджикской языковых картинах; крайняя периферия реализовывается в понятиях *ярость*, *бешенство* в русской и *оташинӣ*, *асабонӣ* в таджикской языковых картинах; дальняя периферия находит свою вербализацию в понятиях *исступление*, *остервенение* в русской и *чаҳл* в таджикской языковых картинах.

Апробация работы. Основные результаты и промежуточные итоги работы были представлены и обсуждены в виде докладов на международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы филологии и лингводидактики» (2017, 2018, 2019), на конференциях совета молодых учёных РТСУ (2021, 2023), межвузовских и республиканских конференциях (2022).

По теме исследования опубликовано 9 статей, из которых 5 статей опубликованы в журналах, входящих в реестр ВАК РФ.

Диссертационное исследование обсуждено и рекомендовано к защите на заседании кафедры теоретического и прикладного языкознания Российско-Таджикского (Славянского) университета (протокол №10 от 29 мая 2023 года).

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОБЛЕМЫ

1.1. Понятие *концепт* в современной лингвистике

В последние годы в лингвистическом мире стало актуальным изучение такого научного направления, как когнитивная лингвистика, которая рассматривает большой круг вопросов, связанных с языком, мышлением, культурой и т.д. Возникновение данного научного направления связано с трудами таких иностранных авторов, как Джордж Лакофф, Рональд Лангакер и другие. Эти труды были детально рассмотрены в работах Е.С. Кубряковой и являются фундаментом в становлении и развитии когнитивной лингвистики в русской лингвистической науке [Попова, Стернин, 2001: 6].

Только в середине 20-го века в лингвистической науке России появился термин *концепт*. Это произошло в тот момент, когда на место сциентистской (от лат. *scientia* – наука, абсолютизирующая свою роль в системе культур и в идейной жизни социума) парадигмы пришла антропоцентрическая, т.е. функциональная парадигма. В связи с этим интерес лингвистов уже стало привлекать человеческое мироздание. В результате усилился интерес к использованию языка человеком, а не только изучение его структуры, как это было до эпохи возрождения.

Русские лингвисты лишь в начале 20-го столетия осознали, что именно носитель языка является носителем определённых концептуальных систем. Как же понимается *концепт* в лингвистическом мире, что он собой представляет, и как его репрезентировать. В современной лингвистике, в частности, в таком научном направлении, как когнитивная лингвистика, термин *концепт* интерпретируется по-разному, и каждый учёный представляет данный термин по-своему.

Прежде чем рассматривать толкование понятия *концепт* с точки зрения российских лингвистов, мы обратимся к словарям, чтобы дать более полную характеристику данного термина. Понятие *концепт* в Большом лингвистическом словаре 1993 года репрезентруется следующим образом:

«Концепт (от лат. *conceptus* - мысль, понятие) - смысловое значение имени (знака)» [Прохоров, 1993: 94]. Иначе говоря, это содержание понятия, объект, у которого есть предмет (денотат) этого имени.

В кратком словаре когнитивных терминов Е.С. Кубряковой концепт рассматривается как «ментальный или психический ресурс нашего сознания, в котором отражаются знание и опыт человека» [Кубрякова, 1997: 90].

В толковом словаре иностранных слов Л.П. Крысина понятие *концепт* объясняется следующим образом: «лат. *conceptio* система, совокупность, сумма - *concipere* содержать; представлять себе; формулировать, филос. понятие» [Крысин, 2003: 356].

Если рассматривать понятие *концепт* с философской точки зрения, то можно привести пример трактовки данного термина последователями научных взглядов Огюста Конта, представителя доминирующего философского течения *постпозитивизма* Р. Карнапа, который считает, что концепт – это грань между языковыми высказываниями и соответствующими им денотатами. При помощи нахождения минимальных связей между определёнными концептами образуется познавательная концептуализация. Все концепты имеют свой определённый уровень в системе концептуальных схем, и каждый из них выполняет свою определённую функцию. Если рассматривать общие философские взгляды относительно понятия *концепт*, то можно отметить, что с философской точки зрения данная лексема представляет собой некий союз различных научных направлений в сознании социума, образующий в единстве свободную мыслительную деятельность для творения искусства в целом.

В лингвистическом мире термин *концепт* имеет тесную связь с такими семантическими категориями, как *понятие* и *универсалии*, которые имеют почти вековую историю. Бурное развитие когнитивистики и исследования концептуальной системы языка и сознания начинается с имён таких учёных, как Д.С. Лихачёв, В.В. Колесов, И.А. Стернин, А.Д. Шмелев, Н.Д. Арутюнова, А.Г. Бабушкин, Б.А. Серебренников, Ю.С. Степанов, И.А., Т.Б.

Булыгина, А. Вежбицкая, В.И. Постовалова, Г.В. Колшанский. Они первыми начали говорить о теории концептуальной картины мира, о когнитивной лингвистике, о лингвокультурологии и др. Но о сопоставлении концепта и сознания впервые упоминается в 1928 году в статье С.А. Аскольдова «Концепт и слово», в которой он утверждал, что: «концепт есть мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределённое множество предметов одного и того же рода» [Маслова, 2008: 42].

На данном этапе развития языка, мышления, информационных технологий, литературы и культуры существует огромное количество определений и толкований понятия *концепт* и методов его описания.

Под понятием *концепт* можно представить некий способ коммуникации народа, посредством определённых факторов. Эти факторы могут описывать духовную культуру индивида, которая отражается в национальном менталитете, в обрядах и традициях народа. Так национальная традиция – это некий ритуал выполнения определённых обрядовых действий, которые осваиваются в воспитании с детских лет. К данным факторам, помимо национальной традиции, можно отнести жизненный опыт, религию, идеологию, фольклор, образы искусства, ощущения и систему ценностей. Таким образом, концепт превращается в некое орудие, которое помогает человеку познавать мир, и в то же время выступает в качестве посредника между человеком и его окружающей действительности. Следовательно, концепт является связующим звеном, который соединяет язык, культуру, мышление и помогает индивиду осознать действительность.

М.И. Пименова в своём исследовании «Введение в когнитивную лингвистику» даёт следующую трактовку понятия *концепт*: «Концепт - это национальный образ (идея, символ), осложнённый признаками индивидуального представления» [Пименова, 2005: 8]. Если до этого рассматривались вопросы национальной традиции, обрядов и обычаев, то в данном случае речь идёт об образе, идее и символе, которые являются идеалом в сознании любого человека, вне зависимости от его расы, религии,

цвета кожи, и которые заложены в национальной традиции и др.

В.А. Маслова рассматривает концепт как некий термин, который имеет информационную структуру, и служит для объяснения ментальных понятий нашего сознания и психических ресурсов подсознания. Он, как зеркало, отражает знание и опыт индивида. Учёный утверждает, что «концепт - оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Маслова, 2008: 42].

В.А. Маслова считает, что в концепте всегда есть составляющее, которым он определяется, значит, в нем есть какой-то шифр или код, которым можно его описать. Этому же мнению придерживается В.И. Карасик, который утверждает, что «единицами лингвокультурного кода являются концепты» [Карасик, 2009: 4]. Поэтому в мире нет простых концептов, в них всегда есть составляющий структурный код. Любой концепт затрагивает ту или иную проблему, т.е. при его исследовании не возникает проблем, без которых он не имел бы смысла.

Помимо вышеизложенного В. А. Маслова утверждает, что наиважнейшие знания о мире соединены в единое целое в каждом концепте, а несущественные представления отброшены прочь. Все эти концепты в системном единстве образуют картину мира, которая отражает объективное понимание реальности индивидом и её особый концептуальный «рисунок», а человек мыслит мир при помощи этих концептуальных «рисунков». В результате вербализации концепт становится частью семантического пространства языка и получает определённую систему языковых знаков для проявления своей сущности. Концепт может образовать оценку по мере погружения в культурное пространство того или иного этноса. Многие учёные утверждают языковое представление концепта самым достоверным материалом для его изучения. Мы придерживаемся такого мнения, что «получить доступ к концепту лучше всего через средства языка, через слово, предложение, дискурс» [Маслова, 2008: 30-41].

Не надо забывать о номинативной плотности концепта, о которой упомянуто в трудах В.И. Карасик, а З.Д. Попова и И.А. Стернин обозначали это не как плотность, а как дробность концепта. Номинативная плотность или дробность концепта представляет собой целый ряд семантических полей, которые заключены в конкретном слове, или же одно семантическое значение, которое не выходит за рамки своего поля. Однако, семантические связи между различными лексическими категориями одного и того же языка являются разнообразными, и «между лексическими и фразеологическими выражениями соответствующих концептов устанавливаются различные системные отношения» [Карасик, 2004: 111].

Д.С. Лихачев считает, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачёв, 1993: 4]. Исходя из этого, можно констатировать, что концепты не могут существовать отдельно друг от друга, а возникают и развиваются в результате жизнедеятельности человека. Они могут быть зависимы от национального и духовного богатства, от личного опыта и от мировосприятия индивида. Труды Д.С. Лихачёва в области развития и становления науки о концепте и концептосфере помогли прояснить следующие вопросы:

1) концепт замещает одно из словарных значений слова, что определяется контекстуально;

2) каждый концепт может быть по-разному расшифрован в зависимости от контекста и культурного опыта, культурной индивидуальности концептоносителя;

3) концептосфера любого языка является отражением культуры этого народа.

Следовательно, концепт следует рассматривать только в контекстуальной системе языка, и в его структуре можно разглядеть культурный опыт народа, который имеет тесную связь с сознанием и национальным менталитетом. Поэтому Д.С. Лихачёв акцентирует своё

внимание на непосредственное отношение каждого концепта в отдельности и их связи между собой в сознании определённого этноса. Об этом ещё упомянуто А.Н. Лукиным, который утверждал, что даже между понятием *небо* и *чай* существует смысловая связь, которая может быть установлена следующим образом: небо - земля, земля - вода, вода - пить, пить - чай [Попова, Стернин, 2007: 18-19].

В трудах известного русского филолога-семиотика Ю.С. Степанова концепт рассматривается с позиции лингвокультурологии и психолингвистики. Учёный считает, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека» [Степанов, 2001: 990]. В своём труде автор предлагает изучить другой аспект содержания концепта, который может иметь следующие признаки:

- доминирующий признак, где концепт может быть реализован для всех представителей одной культурной общности в данном «доминирующем» состоянии. Этот признак можно назвать средством коммуникации между людьми;
- добавочные «пассивные» признаки, когда концепт имеет ценность и является актуальным для представителей только определённой социальной группы;
- этимологический признак, который имеет скрытую форму и наблюдается только в словесной вербализации. Чаще всего признак происхождения не осознаётся носителями языка, так как наблюдается во внешних проявлениях и открывается только исследователями.

Автор считает, что для концептов, имеющих культурно-специфический характер, больше всего свойственно несоответствие в смысловом соотношении, когда сопоставление ведётся между языками разных этнических групп. Ведь только в национальном характере можно проследить национальную специфику и культурно специфические особенности, а основным фактором проявления национальной специфики концептов

является то, что при сравнении одного и того же концепта в культурном мировосприятии разных этносов выявляются его различные признаки, т.е. разные культуры воспринимают один и тот же концепт по-разному. Однако, уникальные, или эндемические концепты, так же могут выражать национальную специфику, и это может проявиться в анализе концептов, характерных лишь для отдельной определённой культуры. Если даже концепты анализируются в мировосприятии этносов близких культур, то и в этом случае национальная специфика проявляется: в результате сопоставления обнаруживается, что отличить содержание концепта можно при выявлении незначительных, но определённых дифференциальных признаков.

Необходимо подчеркнуть тот факт, что при выявлении и анализе национально-специфических особенностей концептуальной системы большую роль играет полевая структура концепта, так как ядро и периферийная система одного и того же концепта в различных языковых и культурных сообществах имеют свои специфические особенности и могут быть различными. Кроме того, национальную специфику можно наблюдать в образных компонентах интерпретационного поля, когда берутся за основу различные статусы когнитивных классификаторов в категоризации денотата - в иной, различной оценке [Попова, Стернин, 2007: 101].

К примеру, структуру концепта при помощи полевого подхода описывает М.В. Никитина, которая считает, что «внутренняя структура, содержание концептов, их системные связи обусловлены структурой действительного мира и еще более – структурой и содержанием совокупной деятельности общественного человека» [Никитина, 2004: 53-54]. Однако З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют в структуре концепта «отдельно – ядро, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию», а полевая зона, по их мнению, «ранжируется по степени их яркости в структуре концепта» [Попова, Стернин, 2007: 114]. Н.И. Каримова считает, что «структура номинативного поля концепта включает ключевое слово, его синонимический ряд, единицы,

выявленные в лексикографических источниках разных типов, устойчивые сравнения, фразеологические единицы, лексико-фразеологическое, деривационное, ассоциативное, паремиологическое поля ключевого слова-репрезентанта концепта [Каримова, 2020: 31]. Следовательно, в состав ядра можно включить лексемы, которые могут называть данный предмет и имеют одинаковую семантическую особенность, а в состав периферии следует отнести ассоциативные признаки, которые являются менее частотными по сравнению с ядром.

В своей монографии З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что понятие концепт является основной категорией когнитивной лингвистики. Ученые трактуют концепт следующим образом: «концепт – категория мыслительная, ненаблюдаемая, и это даёт большой простор для её толкования. Категория концепта фигурирует в исследованиях философов, логиков и психологов, она несёт на себе следы всех этих внелингвистических интерпретаций» [Попова, Стернин, 2001: 9]. Они основываются на толковании концепта, приведённого в кратком словаре когнитивных терминов, в котором концепт это: «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Попова, Стернин, 2007: 9]. Вместе с этим авторы реализуют задачи когнитивной лингвистики, которые системно связаны с концептом:

- чёткое разграничение когнитивной лингвистики и когнитологии, концептосферы и языковой сферы (семантического пространства языка), концепта и языковых средств его выражения;
- определение основных понятий, прежде всего, понятия концепт;
- типология концептов;
- разработка поэтапной методики лингвокогнитивного анализа, которая в опоре на собственно языковые факты и лингвистические методы давали бы когнитивную и культурологическую информацию, раскрывающую различные стороны воплощённых в языке концептов [Попова, Стернин, 2001:

17]. Таким образом, учёные утверждают, что когнитивная лингвистика всесторонне связана с понятием концепт и реализует свои научные взгляды посредством него.

Проблема вербализации концепта языковыми средствами является важнейшей задачей когнитивистики, так как она может иметь словесную форму, или же может не иметь. В конкретных языковых случаях один и тот же концепт может иметь разную трактовку, и когда концепт получает языковую оболочку, то это понятие выступает как средство «вербализации, языковой репрезентации, языкового представления, языковой объективации концепта» [Попова, Стернин, 2001: 39]. В различных этнических системах возможно отсутствие языкового выражения того или иного концепта, но это не говорит нам о том, что данный концепт не может быть вербализован в данной языковой системе, так как некоторые концепты могут иметь личное или же групповое название и не относиться к общезыковой системе.

Как уже было отмечено, наиболее актуальным способом описания концепта является описание полевой структуры, где конкретное X значение выступает в роле ядра, а множество других значений находятся в различных периферийных отношениях к X значению. Ядро – это наиболее яркие значения выбранного термина и первичные его образы, а периферия – это расстояние определённых понятий от ядра по степени их образного представления, которые образуют разнообразные слои семантических признаков X термина [Попова, Стернин, 2001: 60].

Вне зависимости от того, какой тип концепта исследуется, каждый из них имеет свой базовый слой или образ, который представляет собой конкретное чувственное представление (машина - скорость, езда, драйв; жизнь - суровая, стабильная; религия - мечеть, мировоззрение, молитва). Это можно определить как своего рода код, о котором ещё упоминала В.А. Маслова. Данный код фиксирует концепт в языковом сознании для дальнейших операций. Если представить эту X сущность как некое абстрактное понятие в форме граната, то его базовое чувственное значение

будет в форме косточек граната, его аромата и представлять собой структурный слой. Данные слои можно формулировать как когнитивные слои, так как они выражают конкретный этап способов и приёмов мировосприятия индивидом, и все эти слои в совокупности образуют представление о концепте. Однако, в некоторых концептах может и не быть конкретных когнитивных слоёв, но чувственный образ всегда присущ любому концепту, так как ядро формирует универсальный код (определенный смысл) и не может в отдельности существовать. К примеру, можно взять концепт *счастье*, как многоуровневый, где, помимо основного ядерного значения (*благосостояние*), ещё можно проследить множество когнитивных слоёв вроде *любовь*, *радость*, абстрактно-ассоциативное понятие *несчастье* и др.

Остаётся один острый и нерешённый вопрос относительно количества концептов в языковом сознании социума. К данному вопросу обращалась А. Вержбицкая, которая считает, что количество концептов всего 3 *судьба*, *тоска*, *воля*, которые, по её мнению, являются базовыми для русской ментальности и культуры. Ю.С. Степанов утверждает, что число концептов намного больше, чем мы можем себе представить; это такие концепты как: *вечность*, *закон*, *беззаконие*, *слово*, *любовь*, *вера* и др.

На данный момент число концептов растёт, и сейчас сложно с точностью определить, сколько их. В связи с этим, вопрос о количестве концептов в языковом сознании остаётся спорным, нерешённым. Концепты возникают в результате рационального познания мира индивидом, и складываются в чувственном опыте, в роде деятельности, в различных мыслительных комбинациях с существующими в его сознании концептами.

Нельзя оставить без внимания понятие «концептосфера», о котором упоминал ещё Д.С. Лихачёв. Это понятие позволяет решать множество задач, которые соприкасаются с вопросом о количестве концептов в языковом сознании. З.Д. Попова и И.А. Стернин рассматривают понятие «концептосфера» как «сфера мыслей, которые изучаются посредством

психологических, культурологических и лингвокогнитивных приёмов» [Попова, Стернин, 2001: 67], а если рассматривать концептосферу каждого индивида в отдельности, то следует отметить, что она формируется не сразу, а постепенно, последовательно. Так каким же способом формируются концепты в сознании индивидов? Ученые утверждают, что существует 5 способов формирования концептов:

- 1) из его непосредственного сенсорного опыта – восприятия действительности органами чувств;
- 2) из непосредственных операций человека с предметами, из его предметной деятельности;
- 3) из мыслительных операций человека с другими, уже существующими в его сознании концептами – такие операции могут привести к возникновению новых концептов;
- 4) из языкового общения (концепт может быть сообщён, разъяснён человеку в языковой форме, например, в процессе обучения, в образовательном процессе - ребёнок спрашивает, что значит то или иное слово);
- 5) из самостоятельного познания значений языковых единиц, усваиваемых человеком (взрослый человек смотрит толкование неизвестного для него слова в словаре и через него знакомится с соответствующим концептом) [Попова, Стернин, 2001: 68-69].

Исходя из этой последовательности формирования концептов, можно констатировать, что любое слово, имеющее конкретное словарное значение, может быть рассмотрено как концепт.

Рассмотрев различные трактовки понятия *концепт*, мы можем отметить следующие основные моменты данного феномена:

- понятие *концепт* до сих пор не имеет за собой определённой трактовки;
- количество концептов в языковой картине мира не известно;
- концепты не могут существовать в отдельности друг от друга;

- каждый ученый интерпретирует понятие *концепт* по тому культурному мировосприятию, в котором он жил и творил, и в нем отпечатан оттенок его социальной ментальности.

Если сопоставить период появления термина *концепт* в российской лингвистике (С.А. Аскольдов, 1928; статья «Концепт и слово») и нынешнее развитие когнитивной лингвистики, то можно отметить, что на данный момент понятие *концепт* уже всесторонне рассмотрен и изучен. Возможно, дальнейшее развитие этого направления науки приведёт к тому, что понятие *концепт* будет заменено ещё более сложным феноменом языка и культуры, который будет охватывать больше научных направлений, нежели когнитивистика, которая сейчас объединяет в себе такие научные направления, как лингвокультурология, психолингвистика, социолингвистика и др.

1.2. Научные подходы в изучении концепта и методы его описания

Как уже было отмечено выше, нет единого мнения в изучении понятия *концепт*. Каждый исследователь приводит свои взгляды по поводу научных подходов, использования приёмов и методов концептуального анализа. По мнению Е.Ю. Белашовой, в российской когнитивной лингвистике есть два подхода в изучении концепта: лингвокогнитивный и лингвокультурологический. Эти понятия имеют различные формулировки, и каждый исследователь трактует эти понятия по-разному. В.И. Карасик считает, что «эти подходы различаются векторами по отношению к индивиду: лингвокогнитивный – направлен от индивидуального сознания к культуре; лингвокультурологический – направлен от культуры к индивидуальному сознанию» [Карасик, 2002: 97].

Например, представители лингвокультурологического подхода исследуют концепты, направленные от культуры к сознанию (изучают – национальную специфику), они рассматривают концепт через призму «язык – сознание – культура» и занимаются изучением национальной

концептосферы. В.А. Маслова утверждает, что данное научное направление «размещается на «стыке» двух фундаментальных наук – лингвистики и культурологии» [Маслова, 1997: 11]. В.И. Красных считает, что концепт представляет собой «самую общую, максимально абстрагированную, но конкретно репрезентируемую языковому сознанию, подвергшуюся когнитивной обработке идею «предмета» в совокупности всех валентных связей, отмеченных национально-культурной маркированностью» [Красных, 2003: 268].

Представители лингвокогнитивного подхода предполагают, что концепты создают пространство для проникновения в концептосферу социума, где лежат понимания о мироустройстве. Представитель данного направления Е.С. Кубрякова в своём кратком словаре когнитивных терминов определяет концепт так «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона и языка мозга всей картины мира, отражённой в человеческой психике» [Кубрякова, 1997: 90]. Следовательно, концепт можно представить как неожиданно возникшее закономерное явление коммуникативно-речевого характера, которое связано с психическим состоянием индивида.

Именно лингвокогнитивный подход даёт нам возможность разработать полевую модель в виде ядра и периферии, о котором упоминалось в первом параграфе. К первому (лингвокультурологическому) подходу можно отнести таких учёных, как Ю.С. Степанов, В.И. Карасик, В.В. Красных, В.А. Маслова, Н.Ф. Алефиренко и др., а ко второму (лингвокогнитивный) можно отнести таких учёных, как: Е.С. Кубрякова, З.Д. Попов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.

Эти же подходы и приёмы исследования концепта, но уже в иной формулировке реализованы в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые утверждают, что есть только два направления в методике исследования концептов [Попова, Стернин, 2001: 96].

1. Первый метод - выбор концепта, выявление лексем, описывающих

данный концепт, и анализ этих лексем;

2. Второй метод предполагает выбор ключевого слова, подбор контекстуальных высказываний к данному слову и выявление семантических признаков выбранного слова.

Путём исследования слоёв концепта, перехода от ядра к другим компонентам, о котором говорилось в первом параграфе, мы не имеем те результаты, которые мы получаем в результате исследования процесса вербализации данных концептов в речи. З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, «что второй подход (от языка к смыслу) не всегда даёт те же результаты, которые получены логическим путём (от смысла к языку). Очевидно, оба подхода имеют свою ценность и дополняют друг друга» [Попова, Стернин, 2001: 96].

Они предлагают следующие методы анализа и описания концептов:

1. Выбор ключевого слова для исследования;
2. Построение и анализ семантемы ключевого слова;
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова;
4. Экспериментальные методики (свободный ассоциативный эксперимент, рецептивный эксперимент);
5. Анализ синонимов ключевого слова;
6. Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова;
7. Анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт [Попова, Стернин, 2001: 101-129].

По мнению Н.И. Каримовой, «выбор методов исследования концептов зависит от типа исследуемого концепта, от подхода изучения концепта и материала исследуемых языков» [Каримова, 2020: 37]. Исходя из анализированного материала, можно подчеркнуть, что большинство учёных в своих исследованиях используют приведённые выше методы и приёмы анализа концептов. В рамках проводимого исследования, нами также будут задействованы эти методы и приемы.

Изучая концептуальную методологию, мы получаем возможность

проследить развитие языка, сознания, культуры, а помимо этого, можно выявить новые аспекты взаимосвязи когнитивной лингвистики с психологией, культурологией и философией.

Для того, чтобы выявить значение концепта, определить его структуру, систематизировать лексемы, входящие в ядро и периферию ключевого слова, нам необходимо, в начале проанализировать материалы толковых, этимологических, частотных и синонимических словарей. Это даст нам опору для построения системы полевой организации когнитивных признаков в виде ядра, ближней, дальней и крайней периферии.

В языке концепты формируются в виде кода, о котором ещё упоминала В.А. Маслова, и эти концепты являются наиболее значимыми. При анализе лексем, фразеологизмов, афоризмов, пословиц, поговорок и даже синтаксических схем, описывающих тот или иной концепт, можно выявить вербализацию концептов на разных языковых уровнях. Если концепт имеет актуальность для культуры, то он реализуется в лексическом и грамматическом плане. В любом лингвистическом уровне имеются языковые средства, которые реализуют культурные ценности и характеризуют национальный менталитет.

Некоторые учёные предполагают, что лексикографический анализ является достаточным для выявления значения концепта и анализа ключевого слова. Однако, наиболее рациональным методом изучения концептов является анализ устойчивых оборотов речи. Примером может послужить понятие *гнев*, который нами будет всесторонне рассмотрен в лексикографическом плане, в плане его концептуальной структуры. В результате мы получим информацию о содержании понятия *гнев* в мировосприятии двух культур с разными менталитетами. З.Д. Попова и И.А. Стернин полагают, что все это мы можем назвать лишь половиной концепта, поскольку:

во-первых, концепт – результат индивидуального познания, обобщения, категоризации, а индивидуальное всегда требует комплекса

средств для своего полного выражения;

во-вторых, концепт представляет собой нежестко структурированную объёмную единицу; целиком её выразить просто невозможно;

в-третьих, ни один исследователь и ни один лингвистический анализ не может выявить и зафиксировать, а затем проанализировать полностью все средства языковой и речевой репрезентации концепта в языке; всегда что-то остаётся не зафиксированным и неизученным [Попова, Стернин, 2001: 96-97].

В рамках когнитивистики необходимо соблюдать поочередность, когда анализируется ядро концепта. В первую очередь, необходимо выявить конкретное значение понятия «гнев» в языковых картинах, которые интересуют нас. Затем основные ключевые слова, описывающие значение гнева, т.е. это те слова, которые являются семантическими дериватами понятия *гнев* и отражают его сущность. Например, семантическими дериватами гнева будут абстрактные существительные *злоба* и *злость*, глагол-инфинитив *злиться* и качественное прилагательное *злой*, которые выступают в качестве наименований данной эмоции, а периферийную основу будут составлять такие лексемы, как *негодование*, *раздражение*, *ярость* и т.д.

В рамках данной работы последующий шаг можно представить как анализ сочетаемости лексем в языковом сознании. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «анализ сочетаемости лексем, объективирующих концепт в языке, даёт возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления» [Попова, Стернин, 2001: 98]. Можно истолковать данный подход на примере исследуемого нами концепта «Гнев» в русском и таджикском языковом сознании, где анализируемая единица языка концептуализируется по следующим семантическим параметрам:

1. То, что относится к невербальным формам мышления или коммуникации, что можно анализировать по мимическим выражениям:

смотреть с гневом – бо газаб нигаристан, гневный взгляд – нигоҳи газабомез, глаза заблестели, загорели, покраснели от гнева – чашимон аз шиДДати газаб ба мисли отаиш сурх шудан, измениться в лице от гнева – дигаргун шудани чеҳра аз газаб, в порыве гнева скрипеть зубами – аз шиДДати газаб дандон ба ҳам соиш дода садо баровардан;

2. Фонетическое, или звуковое выражение данного понятия: *крикнул с гневом – газабомез дод зад, гневно сказал, произнёс – бо газаб гуфт, талафуз кард, говорить грубые, неуважительные слова в гневе – дар сари газаб гапҳои пасту баланд гуфтан;*

3. Психическое состояние души, мозга и тела, поэтому гнев может быть: *сердечный гнев – газабии дар дил ҷо шуда, засевший гнев – газабии даруни, подсознательный гнев – газабии пинҳони;*

4. Сочетание с различными частями речи, указывающими на принадлежность психического состояния к какому-либо объекту или же субъекту. Например:

а) с местоимением: *разгневало меня – маро ба газаб овард, гневаться на кого-то – нисбати касе газабнок шудан, его гнев – газабии вай/ӯ;*

б) с одушевленными существительными: *гнев народа – газабии мардум/халқ, гнев родителей – газабии волидон, гнев брата/сестры – газабии бародар/хоҳар;*

в) с прилагательными: *праведный гнев – газабии одилона/дуруст, несправедливый гнев – газабии беадолатона, гнев – плохой советчик – хашму газаб маслиҳатчи бад аст;*

5. Духовно-нравственное и догматически-религиозное представление о наказаниях за проявление гнева: *гнев Божий – газабии Худо, гнев души – газабии қалб, гневен Бог Моисеев – Худои Мусо хашмгин, нечего бога гневить... – лозим нест газабии Худоро овардан;*

6. Как природное явление: *стихийный гнев – газабии табиат, огненный гнев – газабии оташин, порыв гнева – шиДДати газаб.*

В рамках нашей диссертационной работы метод построения лексико-

фразеологического поля является наиболее значимым, потому что основной целью исследования является выявление семантических категорий вербализации эмоционального состояния в лексическо-фразеологической системе двух разносистемных языков. Именно при помощи данного метода мы проводим лексикографический анализ и изучаем все виды словарей исследуемых языков. Данный метод предполагает следующие шаги:

- статистическим методом выявить количество лексем и фразеологических сочетаний, входящих в состав номинативного поля выбранного концепта;
- охарактеризовать части речи, которыми репрезентируется интересующий нас концепт;
- иерархически расфасовать лексемы и определить ядро номинативного поля, в которое входят лексемы с высокой частотностью;
- выявить лексемы, относящиеся к ближней периферии. Это такие лексемы, которые меньше употребляются в речи.

В этой связи З.Д. Попова и И.А. Стернин утверждают, что построение лексико-фразеологического поля обязательно должно быть выявлено, так как «оно объективирует самые разные когнитивные признаки концепта» [Попова, Стернин, 2007: 128]. Следовательно, при помощи данного метода концепт будет рассматриваться в социокультурном аспекте разных поколений.

Метод построения деривационного поля ключевого слова также является немаловажным, поскольку позволяет выявлять когнитивные признаки изучаемого концепта. Например, в толковом словаре В.И. Даля приводятся такие примеры толкования понятия *гнев*, которые уже вышли из употребления. Это такие лексемы, как *гневообуздание*, *гневоудержание*, когнитивным признаком которых является «укрощение или обуздание гнева своего» [Даль, 1882: 372], или контроль над негативным эмоциональным состоянием.

Приём построения паремиологического поля концепта является основным, так как именно в паремиях «...мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени» [Попова, Стернин, 2007: 128]. Например, в пословицах и поговорках, репрезентирующих концепт «Гнев» в русском языковом сознании, можно проследить метафизические суждения о средневековой абстрактной идеологии, где мир познавался посредством религии. В связи с этим, в русском языковом сознании понятие *гнев* во фразеологизмах, пословицах, поговорках и даже в некоторых выражениях, в основном, представляет собой Божественную кару за те или иные прегрешения, т.е. является одной из форм социального запрета: «*Живет, хлеб жуёт, небо коптит, да Бога гневит*» (о бездельнике); «*Нечего бога гневить, надо правду говорить*» (об обманщике); «*На это плакаться, только напрасно Бога гневить*»; «*Аз газабӣ Худо тарсидан*», «*Ба газабӣ Худо гирифтӯр шудан*» и т.д. Или метафорические выражения гнева: «*Метать громы и молнии*» (в состоянии гнева и негодования ругать кого-либо); «*Аланга задани оташи қаҳру газаб*» (вспыхнуть пламенем гнева и ярости). Следовательно, «смысл паремии интерпретируется как отражение когнитивного признака концепта». [Попова, Стернин, 2007: 129], т.е. при их изучении мы можем освоить мировосприятие культуры того или иного этноса.

Метод анализа устойчивых сравнений с номинантами концепта позволяет выявить в устойчивых сочетаниях различные категории сравнения, которые пополняют номинативное поле. Например, в толковых словарях русского языка можно отчётливо проследить антонимическое противопоставление понятий *гнев* и *милость*: «*Гнев Божий, бедствие, постигающее человека; но пожар от грозы: Божья милость*», «*Не налагайте гнев, наложите милость*», «*Гневен Бог Моисеев, милосерд Христос*», однако в словарях таджикского языка гнев противопоставляется лексеме *страх*: «*аз газабӣ Худо тарсидан аз бими бозхост андешидан, аз андешаи охират тарсидан*» (бояться гнева Господа, задумываться о

последствиях, бояться за свою загробную жизнь).

Анализ фразеологических номинаций концепта позволяет выявить лексемы, имеющие определённые признаки исследуемого концепта. Например, фразеологизмы, объективирующие когнитивные признаки концепта «Гнев»: «Дойти до белого колена», «Прийти в бешенство», «Метать перуны».

Данный переход предлагает метод семантико-когнитивного анализа. Одним из этапов семантико-когнитивного анализа является когнитивная интерпретация, в рамках которой исследование выходит за пределы лингвистической семантики. Этот подход показывает, что способ изучения «от языка к концепту» является наиважнейшим, т.к. при нем легко можно выявить признаки концептов.

Возвращаясь к мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина о том, что «концепт индивидуален, невозможно целиком её выразить и никакой анализ и эксперимент не сможет выявить все языковые выражения концепта» [Попова, Стернин, 2007: 96-97], можно утверждать, что именно экспериментальные методы позволяют познать сущность концепта в ментальной культуре социума.

Начальным этапом экспериментального метода является анализ ассоциативного поля концепта. В данном методе используется два вида экспериментально-ассоциативных анализа – свободный и направленный. Свободный предполагает «ответ испытуемых на предъявленный стимул любым словом», а направленный связан «с ответом при помощи определённой части речи или определённой конструкцией» [Попова, Стернин, 2007: 130]. Пример данного эксперимента прост, если мы возьмём за основу концепт «Гнев», то испытуемых должно быть не менее 100 человек (в зависимости от цели можно выявить определённые категории испытуемых: возраст, национальную принадлежность, религиозные убеждения и т.д.). Результаты эксперимента образуют ассоциативное поле, которое формируется тогда, когда мы перечисляем по убыванию число

лексем, интерпретирующих выбранный концепт.

В процессе обобщения результатов в нашем распоряжении оказываются «когнитивные признаки, упорядоченные по яркости в сознании носителей языка» [Попова, Стернин, 2007: 132.]. Однако, при анализе необходимо выявить уровень существования данного концепта в социальной концептосфере. Интересующий нас концепт находится в абстрактном понимании языкового сознания, так как о гневе мы имеем только «рефлексивное, теоретическое знание», а «бытийным или фактическим применением» будет являться результат гнева.

Данные приёмы очень важны во время анализа концепта, поскольку в ходе выявления компонентов при помощи различных методов можно выявить отдельные признаки изучаемого концепта, некоторые из которых могут быть использованы лишь в одной поговорке. Именно при использовании рефлексивных методов предоставляется возможность выявить огромное количество признаков концепта, которые реально существуют в сознании людей. Это те выражения, которые используются людьми для реализации своего поведения в обществе, а не те признаки, которые реализуют понятийную структуру концепта, ведь «концепт может существовать в национальной концептосфере, но народ может не пользоваться в своём практическом поведении» [Попова, Стернин, 2007: 138].

После проведения всех вышеперечисленных процедур, полученные результаты следует подвергнуть когнитивной интерпретации, под которым подразумевается моделирование концепта как единицу мышления по языковым данным. Когнитивной интерпретации могут быть подвергнуты лексемы и паремии, описывающие изучаемый концепт, результаты ассоциативных экспериментов, метафоры.

З.Д. Попова и И.А. Стернин последним этапом анализа и исследования концепта считают метод, называемый моделированием концепта. Данный метод имеет следующие три процедуры, которые являются

взаимодополняющими:

- 1) процедура описания макроструктуры концепта;
- 2) описание категориальной структуры концепта;
- 3) описание полевой организации концепта [Попова, Стернин, 2007: 148].

Каждая из перечисленных процедур имеет свои приёмы и подходы к изучению и анализу концепта, однако взаимодополняющим является то, что во всех случаях используются экспериментальные методы и приёмы. Именно сочетание традиционного анализа (изучение теоретических представлений о концепте в тексте) и экспериментальных приёмов позволяют выявить наиболее яркие признаки изучаемого концепта посредством обеих методик.

Когда мы рассматриваем методы и приёмы изучения концепта, основное внимание следует обратить на выбор материала исследования и методику его структурирования, поскольку они не могут быть выбраны произвольно. Материал исследования должен включать в себя все основные моменты описания выбранного концепта, которые являются актуальными для носителей той группы языка, в рамках которого ведётся исследование.

Исходя из цели исследования, нами будет описана лексико-фразеологическая структура концепта «Гнев» в русском и таджикском языках. Для достижения данной цели нами будет проведён лексикографический анализ изучаемого концепта в сопоставляемых языках. Путём сплошной выборки из словарей, художественных и фольклорных текстов, фразеологических словарей будет выявлено ядро и периферия изучаемого концепта. Для выявления национально-специфических особенностей концепта «Гнев» нами будут использованы приёмы анализа сочетаемости слов, синонимов ключевого слова, устойчивых сравнений, фразеологических номинаций, чтобы выявить возможные коннотации, выражающие данный концепт.

1.3. Языковая и концептуальная картина мира

На данном этапе развития лингвистической науки можно найти указания на то, что понятие *картина мира* является фундаментальным и эксплицирует особенности человеческого сознания, его отношение с реальным миром и основные условия его существования в мире.

Понятие *картина мира* сформировалась в конце XIX-XX столетия в трудах физиков Г.Г. Герца и М. Планка как «модель (картина) мира» и заняла основное место в терминологии нашего времени. Исследователи под термином *картина мира* понимают некую связь между языком, мыслью и миром. Известный философ Л. Витгенштейн рассматривает картину мира как «модель, изображающую и отражающую действительность; это реальная картина, поскольку представляет собой факт. Картина содержит мысли, а из этого следует, что язык, языковые выражения не что иное, как схематичное выражение мысли» [Пищальникова, Стриженко, 2003: 160].

В лингвистике существует очень много определений понятия *картина мира*, и в центре внимания ученых стоит основной факт – отображение в сознании индивида окружающего мира. Одни исследователи утверждают, что картина мира – это «совокупность знаний и мнений субъекта относительно объективной реальной или мыслимой действительности» [Пименова, 1999: 182], другие, что это «упорядоченная картина знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [Пименова, 2004: 4]. По мнению Н.И. Каримовой «картина мира возникает у человека в ходе контактов и взаимодействия с окружающим его миром через чувства, ощущения, представления и мышление» [Каримова, 2020: 10]. Следовательно, анализ данного пласта лингвистической науки может иметь отношение с психолингвистикой и социолингвистикой, где в центре внимания исследователя стоят вопросы эмоциональной природы человека и мышления, а также воздействие окружающей среды на нашу психику.

Изучив множество теорий, можно остановиться на определении картины мира как «сетки координат, посредством которой люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» [Гуревич, 1972: 64].

Понятие *картина мира* является универсальным явлением в современной науке о языке, так как всю окружающую действительность можно отнести к языковой картине. Впервые термин был введен немецким учёным Л. Вайсгербером в статье «Связь между родным языком, мышлением и действием», который был составлен на основе исследования В. Гумбольдта «О внутренней форме языка». Сейчас «под языковой картиной мира традиционно понимается совокупность знаний о мире, которые отражены в языке» [Каримова, 2020: 11]. Однако, для выявления структуры концепта в том или ином языковом сознании следует дать толкование понятию *концептуальной картины мира*, т.к. она «признается более глобальной и объёмной, представляя собой совокупность концептов, она шире и богаче языковой картины мира, поскольку сведения о мире кодируются не только вербально, но и невербально» [Каримова, 2020: 15].

Всем известно, что человек – это субъект познания, и он является носителем определённой системы знаний, представлений, мнений об объективной действительности. Этот механизм обозначается как картина мира, концептуальная система мира, модель мира, образ мира. Термин *картина мира* репрезентирует взаимоотношения индивида с окружающей действительностью. Картина мира позволяет усвоить то, как соотносится человек с действительностью, что оказывает влияние на формирование его представлений о мире.

Одним из первых, кто обратил внимание на национальную специфику содержания языка и мышления, по мнению В.А. Звегинцева, был В. фон Гумбольдт, который считал, что «процесс употребления языка обусловлен требованиями, которые предъявляет мышление к языку» [Звегинцев, 1960: 77]. В мире существуют те универсалии, которые объединяют различные

языки: «язык – орган, образующий мысль, ему принадлежит ведущая роль в становлении личности, в образовании у неё системы понятий, в присвоении ей накопленного опыта» [Гумбольдт, 1985: 63]. Каждый индивид имеет своё представление об определённом предмете, который не сходится с представлением того же предмета другим индивидом, и объективировать данное понятие можно только тогда, когда человек прокладывает «себе путь через уста во внешний мир» [Гумбольдт, 1985: 168]. В результате слово несёт на себе ношу субъективных представлений, различия которых можно проследить в определённых рамках или системах, потому что носители языка являются представителями одного и того же языкового коллектива, обладают определённым национальным характером и сознанием. В связи с этим В. фон Гумбольдт полагал, что язык влияет на формирование системы понятий и системы ценностей, и под формой следует «понимать не его структуру, не лексику и грамматику, не правила словообразования и синтаксическую сочетаемость, а то, что идёт от корней этого языка, что, вероятно, можно назвать принципом соединения звуковой оболочки со значением» [Гумбольдт, 1985: 92].

По мнению Э.Д. Сулейменовой, «картина мира создаётся благодаря познающей деятельности человека и отражающей способности его мышления» [Сулейменова, 1989: 125]. Исследователь полагает, что важнейшим свойством картины мира является его целостность. Кроме целостности автор приводит такие формулировки картины мира, как космологическая ориентированность (масштабы образа мира), духовная безусловная достоверность для субъектов, стабильность и динамичность, образность, качество облика элементов. Э.Д. Сулейменова не утверждает, что понятие *концептуальная картина мира* (ККМ) и *языковая картина мира* (ЯКМ) одинаковы: «Языковая картина мира как терминологическое сочетание возникло благодаря включению языка в непосредственное взаимодействие (минуя мышление) с действительностью. На самом деле такого непосредственного контакта языка и действительности нет»

[Сулейменова, 1989: 125]. Относительно данного вопроса Б.А. Серебренников утверждает: «Язык не отражает действительность, а отображает ее знаковым образом» [Серебренников, 1988: 6]. Из этого следует, что концепт является последствием отображения, а картина мира – это сложное и изменчивое явление.

З.Д. Попова и И.А. Стернин в своём труде «Язык и национальная картина мира» утверждают, что картину мира следует понимать как: «упорядоченную совокупность знаний о действительности, сформировавшуюся в общественном, групповом и индивидуальном сознании» [Попова, Стернин, 2002: 10]. Таким же образом характеризуется понятие *картина мира* в трудах В.И. Карасика: «целостная совокупность образов действительности в коллективном сознании» [Карасик, 2002: 104]. Значит, в самом общем виде картину мира можно представить как результат познания мира, который выступает как совокупность упорядоченных знаний (концептосферу).

Если рассматривать такие понятия, как *картина мира* и *языковая картина мира*, то можно определить, что картина мира имеет более сложную структуру, чем языковая картина мира, которая является частью концептуального мира индивида и имеет зависимость от языка. По мнению Е.С. Кубряковой, «не все, воспринятое и познанное человеком, не все прошедшее и проходящее через разные органы чувств и поступающее извне по разным каналам в голову человека, имеет или приобретает вербальную форму. Не все отражается с помощью языка и не вся информация, поступающая извне, должна быть пропущена через языковые формы» [Кубрякова, 2004: 42].

Необходимо взять во внимание тот факт, что членение языков мира у разных этносов отличается. В сознании людей в процессе жизнедеятельности появляется субъективное отражение существующего мира. Язык осваивается индивидом так же, как и окружающая действительность, и наряду с

понятийной (логической) картиной мира возникает и языковая, и эта картина мира не противоречит понятийной, но и не тождественна ей.

Понятие ЯКМ Е.М. Верещагиным и В.Г. Костомаровым определяется, как: «языковые образы реальных предметов и отношений, периферийные участки вербальных представлений, которые становятся источником дополнительных сведений об окружающей нас действительности. Причём они часто производят стойкие отложения в сознании познающего субъекта в силу образного характера их информации» [Верещагин, Костомаров, 1980: 168]. А по мнению Е.С. Кубряковой, понятие концептуальная система или структура – это «тот ментальный уровень или та ментальная (психическая) организация, где сосредоточена совокупность всех концептов, данных уму человека, их упорядоченное объединение» [Кубрякова, 1996: 94].

Рассматривая ККМ с точки зрения логико-философских позиций можно привести пример трактовки Р.И. Павиленса, использующего такие термины, как: «концептуальная система» и «концепт», понимая под ними непрерывно конструируемую систему информации (мнений и знаний), которой располагает индивид о действительном или возможном мире [Павиленис, 1983: 280]. Значит, при помощи ККМ можно представить мир, которого нет, и эта система может отражать познавательный опыт носителя языка, как на языковом уровне, так и на доязыковом.

В своём труде «Национальная культура через призму пословиц и поговорок» Т.Г. Орлянская утверждает, что «ещё до знакомства с языком человек в определённой степени знакомится с миром, познает его; благодаря известным каналам чувственного восприятия мира он располагает определённой (истинной или ложной) информацией о нем, различает и отождествляет объекты своего познания. Усвоение любой новой информации о мире осуществляется каждым индивидом на базе той, которой он уже располагает. Образующаяся таким образом система информации о мире и есть конструируемая им концептуальная система» [Орлянская, 2003: 43]. Можно предположить, что основными свойствами концептуальной системы,

по мнению учёного, являются континуальность и последовательность введения концептов. Значит, понимание системы концептов непосредственно связано с анализом сущности процесса понимания языковых выражений, которые репрезентируют содержание концептуальной системы.

Рассматривая процессы реализации языковых выражений, необходимо обратить внимание на отношение между мыслью, языком и миром, потому что понимание «является процессом образования смыслов или концептов» [Павиленис, 1983: 101]. Следует ещё отметить, что восприятие берет начало из перцептивного и концептуального понимания объекта, «из среды других объектов путём придания этому объекту определённого смысла, или концепта, в качестве ментальной его репрезентации» [Павиленис, 1986: 383].

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, языковая картина мира включает в себя следующие признаки:

- описание «членения действительности», отражённого языком в языковых парадигмах (лексико-семантических, лексико-фразеологических и структурно-синтаксических группах и полях);
- описание национальной специфики значений языковых единиц (какие семантические различия выявляются в сходных значениях в разных языках);
- выявление отсутствующих единиц (лакун) в системе языков;
- выявление эндемичных (выявляющихся только в одном из сравниваемых языков) единиц [Попова, Стернин, 2007: 127].

Следовательно, в результате описания данных параметров можно выявить сущность концептуальной картины мира того или иного этноса.

Если рассматривать этот вопрос с позиции Р.И. Павилениса, то можно отметить, что концептуальная система может охарактеризоваться следующими свойствами:

- последовательность введения концептов; имеющиеся в системе концепты являются основой для введения новых;

- непрерывность конструирования концептуальной системы;
- континуальность концептуальной системы: вводимый концепт интерпретируется всеми концептами системы, хотя и с разной степенью совместимости, что и обеспечивает его непрерывную связь со всеми другими концептами [Павиленис, 1983: 214].

Все представления и система информации о мире и ее объектах, которые, так или иначе, отражаются в деятельности людей, можно назвать ККМ, а основной единицей данной системы является концепт. Таким образом, основная функция концепта состоит в фиксации и реализации понятийного, эмоционального, ассоциативного, вербального, культурологического или другого содержания существующих объектов, которые включены в структуру ККМ.

Следует обратить внимание на тот факт, что ККМ непосредственно связана с понятием *концептуализация*, потому что концептуализация является основным этапом познавательной деятельности индивида: получение и осмысление новой информации приводит к возникновению новых концептов, которые имеют свои определённые структурные слои во всей концептуальной системе человеческой психики.

С позиции когнитивной психологии основная задача мозга – это способность классифицировать и категоризировать предметы и явления жизни. Как отмечает исследователь А. Кизюкевич, категории составляют «часть нашего когнитивного аппарата и могут пониматься как ментальные концепты (понятия), хранящиеся в области долговременной памяти» [Кизюкевич, 2003: 241].

Основные вопросы категоризации рассматриваются и в трудах А.А. Залевской, которая считает, что категоризация – это «процесс опознавания воспринимаемых сущностей через отнесение их к уже имеющимся группам, характеристики членов которых приписываются той новой сущности и учитываются на разных уровнях осознаваемости как выводное знание» [Залевская, 1999: 99], а Р.М. Фрумкина под категоризацией подразумевает

«познавательную операцию, позволяющую определить объект через его отнесение к более общей категории» [Фрумкина, 2001: 62].

Концептуальная система является изменчивой, так как ее состав можно пополнять путём изучения и усвоения новой информации. С.Е. Кубрякова отмечает, что «концептуальная система – это динамическое образование в сознании человека, служащее обработке информации о мире и одновременно накапливающее эту информацию в обобщённом виде, – сложнее по своему субстрату и своему устройству, нежели система значений известных человеку языковых единиц. Основу концептуальной системы создаёт вся чувственная, вся предметно–познавательная деятельность человека» [Кубрякова, 1988:142].

Как уже отмечалось выше, по мнению Н.И. Каримовой ККМ, в сравнении с ЯКМ является богаче и шире, потому что в её создании используются вербальные и невербальные представления: мысль может быть различна, и не всегда возможно выразить эту мысль языковыми средствами [Каримова, 2020: 15]. Однако, З.Д. Попова считает, что некоторые явления концептуализации находят своё отражение именно в языке, потому что «значительная часть концептосферы народа представлена в семантическом пространстве его языка, что и делает семантическое пространство языка предметом изучения когнитивной лингвистики» [Попова, 2002: 13]. Учёные утверждают, что «когнитивная картина мира существует в виде концептов, образующих концептосферу народа, а языковая картина мира – в виде значений языковых знаков, образующих совокупное семантическое пространство языка» [Попова, Стернин, 2001: 7].

Что же касается связей между ними, то об этом ещё отмечается в трудах В. Гумбольдта, который утверждал, что концептуальная модель мира «складывается из группы и классов понятий. Formой её выражения является языковая модель мира в виде семантических полей, классов и отношений между ними» [Гумбольдт, 1984: 57].

Понятие ККМ можно представить как имеющийся в памяти отдельного человека целостный образ, целостное представление о существующем мире и статусе человека в нем. Однако, каждый индивид имеет своё представление о том или ином предмете и свою картину представлений об окружающей действительности. Индивидуальное представление об окружающем мире мы можем назвать картиной в прямом смысле этого слова (неподвижное изображение, выполненное в двухмерном пространстве) с небольшой долей условности.

Исходя из изложенного, можно утверждать, что в современной лингвистике сложилась традиция трёхуровневого изучения концептуальной картины мира:

- на уровне индивидуального сознания (сознания отдельного человека);
- на уровне группового сознания (сознания больших и малых социальных групп);
- на уровне общественного сознания (национального сознания).

В. фон Гумбольдт отмечает, что наиболее актуальной и существенной проблемой в современной лингвистике является проблема «моделирования картины мира, мира знания, присущего тому или иному этносу. Картина мира, интегрируемая нередко как концептуальная модель мира, включает в себя сумму знаний индивида, этноса о предметах объективной действительности. В конечном счёте, концептуальная модель мира и представляет тот или иной уровень народного знания о внешнем мире» [Гумбольдт, 1984: 57].

По мнению Ю.Д. Апресяна, ЯКМ – это часть ККМ, которая не полностью совпадает с ней, но они «взаимовлияют друг на друга, поэтому выяснение содержательных особенностей языка возможно лишь с учётом взаимоотношения факторов человека и действительности» [Апресян, 1995: 29]. Учёный утверждает, что ЯКМ появляется в результате освоения окружающей действительности индивидом, т.е. с момента рождения в человеке заложено понятие страха и голода, и в ней находят своё отражение

особенности национальной и духовной деятельности социума. Значит, языковая форма содержит специфические знания для данного этноса, которые считаются одной из форм хранения информации вообще.

Если исследовать ККМ на уровне общественного сознания, то необходимо учесть мнение А.Ю. Корнеевой, которая считает, что концептуальная картина мира, «рассматриваемая на уровне общественного сознания, является почти зеркальным отражением языковой картины мира, хотя языковая картина мира создаётся исключительно языковыми средствами, а концептуальная – средствами ментальными» [Корнеева, 2003: 251].

ЯКМ по мнению В.Н. Телия представляет собой «информацию, рассеянную по всему концептуальному каркасу и связанную с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» [Телия, 1988: 177].

Как уже было отмечено выше, ЯКМ является вербальной частью ККМ. Эти два понятия тесно взаимосвязаны между собой и репрезентируются как «первичное и вторичное, как содержание сознания и средства доступа исследователя к этому содержанию» [Попова, Стернин, 2003: 8].

Таким образом, изучение языковой картины мира необходимо при описании и моделировании концептов и, следовательно, концептуальной картины мира, составляющими которой они и являются, поскольку в этом случае языковые знаки являются средством доступа к концептосфере человека, а также способствуют выявлению когнитивных структур сознания, обозначенных языком. Семантическая система языка помогает в понимании концептуальной картины мира.

Однако, нельзя оставить без внимания и тот факт, что культура оказывает сильнейшее влияние на возникновение концептуальной, а затем и

языковой картин мира. Б.А. Серебряников предполагает, что «картина мира формирует тип отношения человека к миру – природе, другим людям, самому себе, задаёт нормы поведения человека в мире, определяет его отношение к жизненному пространству» [Серебряников, 1988: 26].

Одной из разновидностей КKM является научная картина мира и наивная картина мира. Различия между ними в том, что они имеют различные способы познания окружающей действительности. Наивная картина мира – это отражение материального и духовного опыта того или иного этноса, говорящего на каком-либо языке, формируемая под влиянием культурных особенностей и традиций народа, которые были актуальны в определённую эпоху. Однако, научная картина мира может существовать в независимости от языка, и являться общей для разных людей. По мнению Н.И. Каримовой, «развитие современной научной картины мира показывает, что происходит ослабление влияния атеизма и материализма» [Каримова, 2020: 15].

В последние годы основной проблемой русской и таджикской лингвистической науки стала репрезентация понятия научной картины мира, которая отражает быт и атрибуты отдельного индивида, и его взаимоотношение с окружающей действительностью. Эти понятийные категории составляют основу языковой картины мира, а концептуальная картина мира помогает реализовать эту основу в вербальной форме. Однако, следует не забывать и о том, что в анализируемых языках (русском и таджикском) имеется одинаковый исторический и социально-бытовой опыт, способствующий созданию познавательной картины мира, а «культура формирует индивидуальную и коллективную познавательную картину мира, основным элементом которой является понятие» [Шоназарова, 2020: 35]. Следующий параграф нашей работы будет посвящён данной проблеме.

1.4. Концепт как связующее звено между языком и культурой

Наиболее часто встречаемым вопросом в лингвистической науке последних десятилетий, является вопрос о взаимосвязи изучения языка и культуры, потому что любая культура изучается и анализируется одновременно вместе с языком народа, который является носителем культуры. В данном случае язык выступает в качестве механизма, а культура без помощи языка не в силах найти своё выражение, поэтому необходимо знать соотношение языка и культуры и степень их влияния друг на друга.

Понятие *язык и культура*, или отношения между ними, можно рассматривать как отношение между частью и целым, потому что язык можно воспринимать как компонент культуры и как орудие культуры. Однако, язык является автономным по отношению к культуре в целом, и он может рассматриваться как отдельная семиотическая система.

Появление взаимного подхода в области изучения языка и культуры началось ещё в начале XIX в. в трудах таких учёных, как Я. Гримм, Р. Раск, В. Гумбольдт, А.А. Потебня и др. В наше время проблема соотношения языка и культуры, или такое научное направление, как лингвокультурология, стоит в центре внимания многих лингвистов, однако первые серьёзные шаги в изучении данного вопроса были сделаны во фразеологической школе, которую возглавляла В.Н. Телия, и в трудах таких учёных, как В.А. Маслова, А.Д. Артюнатова, В.В. Воробьева и др. Например, по мнению В.А. Масловой, «лингвокультурология – это отрасль лингвистики, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке». В качестве объекта лингвокультурологии учёный выделяет «взаимодействие языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с ее установками и предпочтениями и человека, который создаёт эту культуру, пользуясь языком» [Маслова, 2001: 28-36].

Следовательно, исследование концептов, которые имеют лингвокультурную направленность, имеет большую значимость в контексте

проводимого анализа, так как концепт имеет понятийный, образный и ценностный компоненты, и основой для его появления служат только те реалии, которые являются предметом оценки. Например, для оценки объекта необходимо пропустить его через себя, именно данный момент анализа является моментом появления новых концептов в сознании носителя определённой культуры. Таким образом, Ю.С. Степанов предполагает, что «концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек - рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» - сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё» [Степанов, 1997: 51].

На сегодняшний день с уверенностью можем утверждать о тесной связи между языком и культурой. Существенные особенности и различия языков и, соответственно, культур проявляются при сопоставительном анализе, при сравнительном изучении языков (соответственно, и культур). Интегральные и дифференциальные особенности языков так же, как и культурный барьер, не видны на уровне только одной культуры и языка. Языковой и культурный барьер становится явным, очевидным только при столкновении родной культуры с чужой ментальностью и мировоззрением иного порядка, которые отличаются от собственного мировосприятия. В лучшем случае эти различия воспринимаются как удивительные, однако чаще они представляются просто странными и шокирующими.

Заклѳченныѳ в рамки собственной культуры люди укрепляются в прочной иллюзии своего особого видения мира, менталитета и образа жизни. Этот свой мир и образ жизни воспринимаются как единственно возможный и единственно приемлемый. Однако, возникновение «антропоцентрической парадигмы привело к развороту лингвистической проблематики в сторону человека и его места в культуре, ибо в центре внимания культуры и культурной традиции стоит языковая личность во всем её многообразии» [Маслова, 2001: 7].

Большинство людей не осознают себя порождением своей культуры, даже если они понимают, что поведение представителей других этносов определяется их иной культурой. Значит, никто не считает нужным что-либо менять в своём сознании. Решить проблему межкультурной коммуникации можно только выйдя за рамки своей культуры. Иными словами, только при столкновении с другим мировоззрением, мироощущением и т.п. можно понять специфику своего общественного сознания и увидеть воочию различие или конфликт культур.

Таким образом, становится совершенно ясно, что культурный барьер является гораздо более опасным, чем языковой, и он не ощущается до тех пор, пока человек не столкнётся с этой невидимой до определённого момента преградой. Опасность межкультурной коммуникации заключается ещё и в том, что языковые ошибки воспринимаются не так болезненно, как ошибки культурные, несмотря на то, что к неосведомлённости человека о чужой культуре относятся более снисходительно, поскольку различия культур не обобщены в своды правил: по вопросам культуры не выпускаются словари, как в языке. Языковые ошибки иностранцев, связанные с интерференцией, акцентом и пр., как правило, встречаются носителями языка с улыбкой, тогда как культурные ошибки зачастую производят куда более негативное впечатление.

Человеческой сущностью заложено понимание только того, что уже известно и понято, нежели познание нового. Ведь коммуникативные системы, в том числе и язык, в определённой степени были созданы из страха перед непознанной нерасчленённостью окружающего мира. А познанный, обозначенный и расчленённый мир воспроизводится в ежедневных дискурсах как свой – неагрессивный и комфортный - мир.

Если мы хотим понять сущность культуры - науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формирующиеся подобно тому, как формируется язык. Это связано с тем, что естественный язык как классическая семиотическая система имеет лучшую

из существующих разработанных моделей. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только через посредство естественного языка.

Значит, язык – это и продукт культуры и основная составляющая ее часть, которая отражает в себе условия бытия культуры и является необходимым фактором появления культурных кодов. Таким образом, В.И. Карасик считает, что «содержательные единицы языка образуют лингвокультурный код – систему взаимосвязанных значений, отражающих специфическое, присущее определённому языковому сообществу исторически обусловленное мировосприятие. Единицами лингвокультурного кода являются концепты» [Карасик, 2009: 4].

Язык и культуру можно рассматривать как часть целого. В таком случае язык может выступать и как компонент культуры, и как орудие культуры. Но язык, как отмечалось выше, является автономной структурой в отношении к культуре вообще и может рассматриваться как независимая знаковая система. Важность данной концепции заключается в том, что любой носитель языка непосредственно является носителем определённой культуры, т.е. знаковая функция языка включает в себе и знаковую функцию культуры. Значит языковой код – это средство представления важнейших установок культуры, и по этой причине язык способен выражать культурно-национальную ментальность своего носителя.

Следует отметить, что раньше примитивные культуры были материальными или вещественными, а современные подходы становятся все более вербализованными, и в языковом сознании мы можем наблюдать развитие культуры. Обслуживание культуры происходит посредством языка, однако, язык не может определить сущность культуры. Язык при помощи определённых понятий создаёт некую иллюзию реальности, и при их помощи создаются социальные стереотипы. Например, такие понятия как *армянин*, *поляк*, *немец* создают национальные предрассудки, которые основываются на разговорах вокруг индивида. В конечном итоге в сознании народов

создаются словесные штампы, которые окрашивают мир вокруг нас в «нужный цвет»: *великие победы, светлое будущее, дружба народов* и др. Только посредством языка индивид может воспринимать конкретные предметы и описать их, проводить через себя и переживать за абстрактные понятия. Естественно, в мире существует множество языков: язык кино, язык форм, язык красок, язык жестов, мимический язык и т.д., однако именно естественный язык доминирует среди данных знаковых систем, потому что только языковой знак может стать показателем культуры.

Исследования показывают, что язык и культура неразрывно связаны между собой, и именно концепт считается этим соединительным звеном. По этой причине концепт необходимо рассматривать в рамках таких специализаций, как межкультурная коммуникация, перевод, дипломатия и т.д., потому что знание культурных особенностей позволит избежать межкультурных конфликтов. По мнению Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, «посредством хранения и передачи культуры, общественного самосознания и традиций определённого речевого коллектива язык образует нацию. Дело в том, что, даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной тому часто является именно расхождение культур» [Верещагин, Костомаров, 1990: 98].

Невозможно назвать сходство между языком и культурой абсолютной. Исследования показывают, что соотношение языка и культуры является крайне сложной и многоаспектной проблемой. На данный момент существует несколько подходов к решению этой задачи. Первый подход разработан российскими философами С.А. Атановским, Э.С. Маркаряном, Е.И. Кукушкиной, Г.А. Брутяном. Основной постулат данного подхода заключается в том, что язык и культура развиваются по одному вектору, в одном и том же направлении. Значит, культура – это неотъемлемая часть реального быта, и индивид ежедневно сталкивается с ней, а язык является частью данной действительности, следовательно, язык является отражением культуры [Головкин, 2008: 175]

Из этого следует, что культура имеет непосредственное влияние на язык. Однако, представители второго подхода В. фон Гумбольдт, А.А. Потебня утверждают обратное, и считают, что язык является духовной силой. Учёные предполагают, что язык является своего рода определённой действительностью, без участия которой невозможно существование человека, и он находится между внутренним и внешним миром индивида. Значит, язык не может существовать вне человека и находиться в его сознании и памяти. Любое движение мыслей, социально-культурная роль может изменить очертание языка.

Этот подход был подробно разработан представителями лингвистической школы Э. Сепира и Б Уорфа, которые разработали так называемую гипотезу лингвистической относительности. Данная гипотеза утверждает, что все люди имеют своё представление о мире, причём разное представление, и каждый индивид видит этот мир сквозь призму своего родного языка. Представители данной гипотезы предполагают, что мир существует только тогда, когда он находит своё отражение в языке. Основные положения гипотезы Сепира-Уорфа заключаются в следующем:

- от языка зависит способ мышления говорящего на нём народа;
- способ познания реального мира находится в прямой зависимости от того, на каких языках мыслят познающие этот мир субъекты.

Данную гипотезу в своих трудах развивали большинство российских учёных, которые утверждают, что существует функциональная относительность языков, и различия между мировыми языками находятся в характере их коммуникативной функции. Следует отметить и тот факт, что не все исследователи разделяют данную гипотезу лингвистической относительности. Например, в исследованиях Е.В. Головки приводится утверждение Б. А. Серебренникова, который характеризует гипотезу следующим образом:

1) источником понятий являются предметы и явления окружающего мира. Любой язык в своём генезисе – результат отражения человеком окружающего мира, а не самодовлеющая сила, творящая мир;

2) язык приспособлен в значительной степени к особенностям физиологической организации человека, но эти особенности возникли в результате длительного приспособления живого организма к окружающему миру;

3) неодинаковое членение внеязыкового континуума возникает в период первичной номинации. Оно объясняется неодинаковостью ассоциаций и различиями языкового материала, сохранившегося от прежних эпох [Головко, 2008: 176].

Помимо Б.А. Серебренникова, гипотезу лингвистической относительности отрицательно оценивали многие ученые, к их числу можно отнести Д. Додд, Г.В. Колшанского, Р.М. Уайт, Р.М. Фрумкина, Э. Холленштейн. Тем не менее, при анализе взаимоотношений языка, культуры и мышления большинство лингвистов обращаются к данной гипотезе.

Третий подход утверждает, что язык является фактом культуры. Основные положения данного подхода заключаются в том, что:

- язык составляет значительную часть культуры, которую мы наследуем от наших предков, предшественников;
- язык является тем самым основным инструментом, с помощью которого мы усваиваем культуру;
- язык – это самое важное явление культурного порядка, ибо если мы хотим понять сущность культуры - науку, религию, литературу, то должны рассматривать эти явления как коды, формирующиеся подобно тому, как формируется язык. Это связано с тем, что естественный язык как классическая семиотическая система имеет лучшую из существующих разработанных моделей. Поэтому концептуальное осмысление культуры может произойти только через посредство естественного языка [Головко, 2008: 176].

Значит, язык – это и продукт культуры и основная составляющая ее часть, которая отражает в себе условия бытия культуры и является необходимым фактором появления культурных кодов.

Если рассматривать вопрос о точках соприкосновении языка и культуры в контексте концептуального мышления, то можно выявить следующие основные моменты:

- человек воспринимает мир посредством языка и культуры;
- язык и культура неразрывно связаны между собой в контексте диалога;
- только индивид или социум, личность или общество могут быть субъектом культуры и языка;
- язык и культура соприкасаются в коммуникативных процессах;

Различительные черты заключаются в следующем:

- культура от языка отличается тем, что ценит интеллектуальность, избирательность и т.д.;
- культура, как и язык, является знаковой системой, однако она не способна самоорганизовываться.

Выводы по первой главе

Анализ теоретического материала по теме исследования показал, что языковая и концептуальная картины мира разных этносов тесно связаны друг с другом в лингвокогнитивном аспекте и выявляются в результате сопоставительного анализа, семантические признаки которого репрезентируют нравственную природу национального быта и культуры. Следовательно, когнитивная лингвистика относится к междисциплинарным предметам и связывает такие научные направления, как филология, психология, культурология, философия и др.

В последние годы исследования в области анализа концептуальной системы языка стали актуальны, а сам концепт является основным инструментом в реализации языковой картины мира. В лингвистическом мире существуют различные формулировки данного понятия, например, в

большом лингвистическом словаре *концепт* рассматривается как «знак, или символ, который несёт в себе смысловое значение имени», а в словаре когнитивных терминов лексема понимается как «ментальный или психический ресурс нашего сознания, в котором отражаются знание и опыт человека».

Ученые характеризуют понятие концепт с разных позиций, например, как оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, отражённой в человеческой психике, или как единица лингвокультурного кода языка. Таким образом, концепт можно рассмотреть как основной инструмент в реализации языкового сознания, национальной культуры и индивидуальной природы той картины мира, которая подвергается анализу.

Существуют множество различных подходов в использовании приёмов и методов изучения и анализа концептов, каждый учёный имеет своё представление о концептуальной системе языка. Наше исследование будет строиться на основе мнений тех учёных, которые рассматривают концепт с лингвокогнитивной позиции (Е.С. Кубрякова, З.Д. Попов, И.А. Стернин, В.Н. Телия и др.).

В исследовании отдельно – ядро, ближняя и дальняя периферия концепта «Гнев» будет выявляться и анализироваться на основе подхода З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые считают, что полевая зона «ранжируется по степени их яркости в структуре концепта». В качестве иллюстративного материала будут использованы различные словарные статьи (синонимические, толковые, переводные, этимологические, фразеологические и др.), разного периода издания. На основе анализа материала словарных дефиниций проводится отбор ключевых слов, анализируются их семантические признаки, выявляются особенности лексической сочетаемости ключевых слов, строится лексико-фразеологическое поле ядерных компонентов, а также анализируются

паремиологические единицы, которые объективируют концепт «Гнев/Ғазаб» в русском и таджикском языковых картинах.

ГЛАВА 2. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТА «ГНЕВ/ҒАЗАБ» В ЛЕКСИКО-ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО И ТАДЖИКСКОГО ЯЗЫКОВ (ЯДЕРНАЯ ЗОНА)

Анализ лексико-фразеологической системы русского и таджикского языков является значимым в рамках проводимого исследования, потому что представители этих этнических групп имеют тесную совместную историческую связь в определенную эпоху, что глубоко отражается в культурном и когнитивном аспекте. Сравнивая языковые особенности русской и таджикской этнолингвокультур, можно столкнуться с различными сходными явлениями в семантическом и грамматическом аспектах. Это связано с тем, что эти страны имеют почти вековую совместную историю, что глубоко отражается в языковой системе и нравственно-этических предубеждениях.

Исследования в области когнитивного анализа концепта «Гнев» имеет большую значимость, потому что лексема отражает эмоциональные признаки человеческой психики и *«представляет собой реакцию в ситуациях, когда не выполняются какие-либо обязательства и обещания, когда нас обманывают и предают, нарушают правила поведения, ограничивается личная свобода»* [Вотякова, 2015: 5]. Следовательно, гнев можно рассматривать и как реакцию организма на внешние раздражители, и как психическое состояние, и как способ защиты, но главное, гнев относится к негативным эмоциям и имеет отрицательный характер.

Лексические единицы способны объективировать семантическое поле анализируемого концепта и дать точную формулировку интегрального признака гнева, который отражается в лексических единицах периферийной системы, а фразеологическую или паремиологическую репрезентацию можно отнести к ключевым факторам в анализе концепта, потому что в них иллюстрируются культурные и исторические ценности социума, особенности обрядов и традиций народа, и в них отражается «исторический или духовный опыт языкового коллектива, который, безусловно, связан с его культурными

традициями» [Телия, 1996: 214]. Анализируя метафорические признаки лексико-фразеологического строя грамматической системы языка, можно прийти к мысли, что окружающая действительность отражается в семантической природе языковой картины, которая закреплена в сознании социума как «след, отпечаток материальной культуры носителя, отражающий действительность через переносное значение некоторых слов» [Телия, 1996: 147].

2.1. Исследование понятия *гнев* в лексической системе русского и таджикского языков

В лингвистическом сообществе существует огромное количество научных трудов сопоставительного характера, в которых рассматриваются различные концепты. В таджикском языкознании концепт рассматривался в трудах: М.Б. Давлатмировой, Н.И. Каримовой, Х.Х. Курбановой, Ф.Ш. Аминовой, Ш.К. Бойматовой, М.М. Имомзода, Д.С. Шоназаровой, Н.К. Бойматовой и др. Наиболее близким нашему исследованию по семантической природе считается исследование Ф.Ш. Аминовой, которая рассматривает этнопсихологические особенности концепта «страх», относящийся наряду с гневом к базовым эмоциям, в таджикской и русской языковых картинах. В российской лингвистике существует огромное количество работ, посвященных анализу концепта, имеются работы, связанные с концептом «Гнев», который рассматривается с разных позиций в трудах М.В. Маркиной, которая рассматривает гнев с лингвокультурологической позиции в русском и английском языках; Д.Г. Гайдарова анализирует специфику актуализации гнева в русском и лезгинском языках; Н.А. Красавский исследует образные и ценностные признаки пословиц, выражающих эмоцию гнева; Е.В. Комаров реализовывает метафорические признаки гнева по корпусному исследованию в русском и английском языках; К.О. Погосова рассматривает гнев как эмоциональный концепт в английской и русской языковой картине и др. В

таджикском языкознании концепт «Гнев» еще не подвергался тщательному исследованию и анализу, только в работе З.А. Чоршамбиевой гнев рассматривался наряду с другими негативными эмоциями с когнитивно-прагматической позиции в таджикском и английском языках.

Сравнительный анализ структурно-семантических особенностей концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковых картинах позволил определить лингвокогнитивные признаки гнева, которые отражаются в его лексико-фразеологической системе. Анализ иллюстративного материала показал, что в русском и таджикском языках гнев имеет вербальные и невербальные признаки, невербальная форма проявляется в мимике (зажаты губы, брови опущены и сдвинуты друг к другу, покрасневшие глаза, агрессивные действия и др.), а вербальная форма проявляется в грубых и пренебрежительных словах и выражениях. Таким образом, можно утверждать, что гнев является негативным эмоциональным состоянием, являющимся нежелательным.

2.1.1. Лексико-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского языка

Понятие *гнев* в ментальной сущности русского и таджикского этносов относится к числу базовых и многоплановых понятий, что можно утверждать посредством выявления когнитивных признаков. Для выявления структурных компонентов концепта «Гнев» и определения периферийных областей нами будет рассмотрена семантика данного слова по словарным статьям и определена сочетаемость понятия гнев с другими лексическими единицами для того, чтобы выявить структурно-семантическую особенность исследуемого концепта.

В словарях дается различное толкование понятия *гнев*, и особенности его сочетания с другими лексемами, которые отражены в различных словарях (С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова Словарь русского языка 1973 г. и 2010 г. издания / Д.Н. Ушаков Толковый словарь современного русского языка

2014 г. издания). В словарях даны не только значение лексемы *гнев*, но и приводятся примеры сочетаний анализируемых лексем с другими словами, и кроме того, выявляются некоторые особенности деривационной системы исследуемого концепта по словообразовательным элементам, и анализируются особенности происхождения исследуемого концепта по этимологическим словарям.

В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема *гнев* имеет следующее значение: «*Чувство сильного возмущения, негодования*» [Ожегов, Шведова, 2010: 134]. Семантически составляющими компонентами концепта «Гнев» по данному словарю являются лексемы «*возмущение*» и «*негодование*», которые в дальнейшем будут проанализированы как отдельные номинативные единицы ближней периферийной системы анализируемого концепта.

В деривационную систему концепта «Гнев» можно включить глагол несовершенного вида «*гневаться, -ить*» и прилагательное «*гневный*», которые имеют следующие семантические признаки. Инфинитив интересен тем, что в нем заключена двоякая семантическая структура, т.е. можно самому гневаться или можно кого-либо гневить: *испытывать гнев, сердиться*, по отношению к самому индивиду, и *приводить в гнев* кого-либо [Ожегов, Шведова, 2010: 134]. Следовательно, данное эмоциональное состояние имеет связь с психикой человека и относится к базовым эмоциям, наряду с *радостью, горем, печалью* и др. эмоциями, т.к. можно радоваться самому и радовать других, горевать самому и огорчать других и т.д.

Прилагательное *гневный* по словарной структуре также рассматривается с двух позиций. Данную лексему в первом значении семантически можно связать с понятием *аффект*, когда человек «*охваченный гневом*» [Ожегов, Шведова, 2010: 134] теряет контроль над своим разумом. Во втором значении наблюдается частичное проявление гнева «*выражающий гнев*» [Ожегов, Шведова, 2010; с. 134], которое можно

анализировать по невербальным формам (взгляд, нахмуренные брови, зажаты губы и др.).

Необходимо подчеркнуть, что по словарю С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой семантика слова *гнев* дополняется лексемами *возмущение* и *негодование*, однако в толковом словаре Д.Н. Ушакова семантическое поле исследуемого концепта обогащается еще одной лексемой *раздражение* «Гнев - чувство сильного негодования, возмущения, раздражения» [Ушаков, 2014: 97]. Семантику данной лексемы Д.Н. Ушаков рассматривает, как состояние: *гнева, недовольства, озлобления, острого возбуждения* [Ушаков, 2014: 574].

Для выявления структурных признаков исследуемого концепта необходимо определить категорию сочетаемости с другими лексическими единицами. По лексической сочетаемости в словаре Д.Н. Ушакова приводится пример выражения «*Не помнит себя в гневе*» [Ушаков, 2014: 97], который ныне семантически можно выразить термином «аффект», о котором упоминалось выше. Однако, основные семантические признаки понятия *гнев* по лексической сочетаемости словаря С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет совершенно иную интерпретацию: *приводить в гнев; гневить Бога – жаловаться, сетовать, забывая, что может быть и хуже; жив, сыт и нечего Бога гневить* [Ожегов, Шведова, 2010: 134]. Как видим, одни авторы рассматривают гнев с научной позиции, связывая лексему с состоянием потери контроля, а другие рассматривают семантику данной лексемы с духовно-догматической позиции. Из материала по лексико-семантической сочетаемости в состав номинативного поля концепта «Гнев» можно включить лексему *сетовать*, который имеет семантику несогласия: *жаловаться, роптать* [Ожегов, Шведова, 2010: 714].

Общая лексико-семантическая сочетаемость понятия *гнев* по словарям выглядит следующим образом: «*Вспышка гнева. Быть в гневе. Гнев плохой советчик (афоризм). Сменить гнев на милость (перестать сердиться; ирон.). Не во гневе будь сказано – пусть сказанное не рассердит, не вызовет раздражения. Ты, не во гневе будь сказано, поступаешь неумно.*» [Ожегов,

Шведова, 2010: 134]. Структурно-составляющим компонентом концепта «Гнев» по семантической сочетаемости является инфинитив «сердиться». Данная лексема является семантическим дериватом существительного *сердитость*, и может относиться и к лицу, который его совершает, и к лицу, которого приводят в данное состояние: *почувствовать негодование, гнев, раздражение* [Ушаков, 2014: 584] и *возбудить в ком-нибудь негодование, довести кого-нибудь до состояния гнева, раздражения* [Ушаков, 2014: 585].

Словообразовательные признаки имеют большое влияние на объем концепта «Гнев», например, в лексемах *гневлю* и *гневишь* из абстрактного существительного (гнев) появляется глагол совершенного вида, а изменение вида глагола – эта, прежде всего, изменение его грамматического значения. По мнению И.А. Вотяковой, «словообразовательное гнездо концепта гнев включает 28 производных» основ, которые распределены по категориям «признак» и «действие» [Вотякова, 2016: 47]. Следовательно, посредством понятия *гнев* описываются психические состояния человека и его действия в этот момент.

По структурным признакам инфинитив *гневаться* по словообразовательному словарю А.Н. Тихонова имеет несколько словообразовательных форм. Эти формы в словаре реализованы посредством приставок «за-, о- по-, про-, раз-, без-» и суффикса «-а-, -н-, -лив-» [Тихонов, 1985: 229]. Например:

ГНЕВ

гнев-н(ый)

гневн-о

гневн-ость

гнев-лив(ый)

гневлив-о

гневлив-ость

без-гнев-н(ый)

безгневн-о

безгнев-иј-е [безгнебие]

гнев-а-ть-ся

за-гневаться

о-гневаться

по-гневаться

про-гневаться

про-гневать

раз-гневаться

раз-гневать

разгнева-**нн**(ый), прич. -прил.

разгневанн-**о**

разгневанн-**ость**

ГНЕВ-И-ТЬ

гневить-ся

по-гневиться

по-гневить

про-гневить

прогневить-**ся**

прогневл-**я-ть**ся

прогневл-**я-ть**

раз-гневить

Для выявления структурно-семантических особенностей концепта «Гнев» в русском языковом сознании мы рассмотрели данную лексему по толковым и словообразовательным словарям, а происхождение исследуемой единицы языка все еще осталось нераскрытым. Этимологически слово *гнев* происходит от православного «gnêvъ» и имеет несколько вероятных значений. В этимологическом словаре М. Фасмера есть вероятность родства с глаголом-инфинитивом гнить: *«Принимая во внимание два последних примера (русский и церковно-славянский), можно считать вероятным родство с гнить. В таком случае за исходное придется принять значение гниль, гной, яд»*, т.е. одно из предпосылок происхождения или родства слова *гнев* можно рассмотреть, как то, что убивает человека, имеет негативную окраску и неприятный запах. Там же другого мнения придерживаются другие авторы (Коржинек, Голуб), *«которые исходят из значения гореть и пытаются связать это слово с гнетить»*, который обозначает *«зажигать, поджаривать хлеб, раздувая огонь... искра»* [Фасмер, 1986: 420-421].

избран словарь синонимов и антонимов Д.Н. Ушакова. В данном словаре можно проанализировать более полную картину лексических средств, выражающих семантику понятия *гнев*. Это такие лексемы, как: *негодование, возмущение, ярость, бешенство, исступление, остервенение* [Ушаков, 2014: 46].

2.1.2. Лексико-семантический анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в лексической системе таджикского языка

Анализ лексико-семантического строя русской и таджикской языковой картины на основе толковых словарей показал, что концепт «Гнев» в таджикском языке можно реализовать посредством лексемы *Ғазаб*, которая по своим структурным признакам и семантическим особенностям указывает на данную эмоцию.

В таджикском языке структурно-семантический анализ концепта «Ғазаб», а также выявление и анализ лексем периферийной системы еще не проводился. Нами проводится комплексный анализ особенностей репрезентации эмоционального состояния гнева и динамика его развития, что позволит выявить его лингвокогнитивные особенности в сопоставительном аспекте. Проблема лексико-семантического поля негативных эмоций в когнитивно-прагматическом аспекте рассматривался в исследовании Чоршамбиевой З.А. Автор, рассматривая негативные эмоции в сопоставительном аспекте таджикского и английского языков, в одном из параграфов отмечает, что гнев может иметь отношение как к субъекту, который его совершает, так и к объекту, которого доводят до данного состояния. Кроме того, автор рассматривает проблему реализации эмоции гнева с двух позиций: когда сам злишься, и когда кого-то доводишь до данного состояния. Причинами гнева могут быть грубые слова и выражения, которые говорят во время ссор: *дашном додан, ҳақорат кардан* (говорить грубые слова, ругаться) [Чоршамбиева, 2020: 114].

Анализ структуры и семантики концепта «Ғазаб» в лексической системе таджикского языка и выявление лексико-семантических единиц периферийных областей проводится на материале толковых (Фарҳанги тафсири забони тоҷики 1-2 ҷ. 2010 с., зери таҳрири С. Назарзода, А. Сангинов и др.; Фарҳанги забони тоҷики 1-2 ҷ. 1969 с., зери таҳрири М.Ш. Шукуров, В.А. Капранов и др.), переводных (Мирбобоев А. Фарҳанги тоҷикӣ-русӣ 2006 с.; Я. Калонтаров Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ 2008 с.), синонимических (Бозори Тилавзод Луғати мухтасари синонимҳо 2006 с.; М.Мухаммадиев Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷики 1975 с.) и этимологических (Ғ.Мухаммад Ғиёс-ул-луғот 2 ҷ. 1988 с.; Мухаммадхусайни Б. Бурҳони котеъ 1993) словарей разного периода издания, что позволит выявить семантические особенности и структурные признаки изучаемого концепта.

В толковом словаре таджикского языка X – начала XX в.в. под редакцией М.Ш. Шукурова и В.А. Капранова 1969 г. понятие *газаб* реализуется посредством двух лексем, как *хаши* и *қаҳр* [ФТЗТ, 1969: 642], которые являются семантически составляющими компонентами анализируемого концепта. Однако в словаре 2010 года издания семантическое поле лексемы *газаб* обогащается еще одной лексемой – *оташиинӣ* [ФТЗТ, 2010: 377], которая имеет более сложную структуру и семантику. Как видим, семантика концепта «Ғазаб» в двух толковых словарях реализуется посредством существительных *хаши*, *қаҳр* и *оташиинӣ*, которые в дальнейшем будут анализироваться как отдельные лексико-семантические единицы периферийной системы изучаемого концепта.

Структура словаря 2010 г. по словообразовательным признакам указывает на множество семантических слоев концепта «Ғазаб», которые реализовываются посредством различных суффиксов, придающих эмоциональному состоянию пеструю окраску. Например: 1. *газабангез*, 2. *газаббор*, 3. *газабнок*, 4. *газабнокӣ*, 5. *газабовар*, 6. *газаболуд*, 7. *газабомез* [ФТЗТ, 2010: 378]. При анализе существительного *газаб* были выявлены

определенные деривационные лексемы, репрезентирующие анализируемый концепт морфологической формой имен прилагательных.

По структуре словаря первое и пятое слово имеют одинаковую семантику, т.к. в словарной системе лексема *газабангез* ссылается на лексему *газабовар* и реализуется посредством данной лексемы, а *газабовар* понимается, как: *он чи боиси хашигини мешавад, хашимовар* (то что приводит человека в гнев и злит) [ФТЗТ, 2010: 378]. Лексемы *газабангез* и *газабовар* указывают на причину проявления негативной эмоции посредством влияния внешних раздражителей, и в результате индивид начинает злиться. Внешними раздражителями могут быть то, что действует на нервную систему индивида, следовательно, лексема *асаби/асабони*, которая переводится, как *нервный* и *нервозный* [Калонтаров, 2008: 19], является еще одной лексемой периферийной системы концепта «Гнев/Газаб», наряду с *хаши*, *кахр* и *оташини*.

Семантическая особенность второй деривационной лексемы, выраженная именем прилагательным *газаббор*, по своим структурным признакам в сочетании с существительным *нигоҳ/взгляд* имеет мимическую окраску: *нигоҳи газаббор*; *нигоҳе, ки аз он асари хашиму газаб пайдост* (гневный/сердитый взгляд, который является результатом гнева) [ФТЗТ, 2010: 378]. Следовательно, гнев по мимическим признакам можно выявить во взгляде, появляющиеся в результате сдвига бровей друг к другу: *абру ба ҳам кашидан – хашиму газаб зоҳир кардан* (насупить брови – проявлять гнев и негодование); *абру гиреҳ задан – ба газаб омадан* (нахмурить брови – разгневаться); *абру чин кардан – изҳори норозият кардан, қиёфаи ҷидди ба худ гирифтан* (свести брови к переносице – проявлять несогласие, принять серьезный вид); *бар абру чин доштан – хашимноқ будан* (приподнять брови ко лбу – прийти в ярость) [ФТЗТ, 2010: 32].

Третья лексическая единица деривационной системы *газабнок*, выраженная именем прилагательным, имеет объективную и субъективную модальную особенность, так как описывает состояние и объекта, который

находится в данном состоянии, и субъекта, которого доводят до данного состояния. По динамике развития эмоции гнева лексема *газабнок* находится в ближней периферийной системе и описывает момент, когда у индивида предел терпения доходит до максимального уровня, и в результате выступает гнев как форма защиты от внешних раздражителей. Эта форма защиты может относиться к самому объекту, когда он злится за то, что совершил сам, или же может быть направлена против какого-либо субъекта, которого довели до данного состояния. Эти особенности можно проанализировать в семантике перевода прилагательного *газабнок*, который понимается, как: *гневный, яростный, разгневанный, рассерженный* [Мирбобоев, 2006: 164]. Объективная и субъективная модальность выражается в сочетаниях *газабнок кардан* и *газабнок шудан*, что в переводе на русский язык передаются посредством инфинитива *разгневать* и *разгневаться*. Например:

- *газабнок кардан* – *ба хаиму газаб овардан* (разгневать – приводить кого-л. в гнев, в ярость, разозлить кого-л.);
- *газабнок шудан* – *ба хаиму газаб омадан, хаимгин шудан* (разгневаться – прийти в состояние гнева и ярости, разозлиться) [Мирбобоев, 2006: 164].

Грамматическая категория лексемы *газабнок* по морфологическим признакам выражается одной лексемой *гневный*, таким же образом сочетание *газабнок кардан/шудан* реализовывается посредством одной лексемы, выраженной глаголом в начальной форме *разгневать/разгневаться*. Следовательно, в таджикской языковой картине структурная особенность объективной и субъективной модальности концепта «Гнев/Газаб» может быть выражена гибридной формой глагола и прилагательного.

Четвертая деривационная лексема *газабнокӣ*, выраженная именем существительным и образованная посредством словообразовательного суффикса – *ӣ*, в отличие от третьей лексемы *газабнок* имеет отношение только к самому объекту, когда его раздражают, или когда он злится на самого себя. Лексема *газабнокӣ* означает крайнюю стадию гнева, и в словаре

2010 г. издания реализовывается в семантике существительных *хаимгинӣ*, *қахролудӣ*, *оташинӣ* [ФТЗТ, 2010: 378], которые также образованы посредством суффикса – *ӣ*.

Последующая стадия развития эмоции проявляется в 6 и 7 лексемах (*газаболуд*, *газабомез*), которые репрезентируют исследуемую лексему в конкретных реакциях организма и последующих действиях сознания на ответ полученной информации, в нашем случае отрицательной информации. Понятие *газаболуд* по толковому словарю реализовывается посредством 2 семантических признаков, каждый из которых имеет непосредственную связь с концептом «Гнев/Газаб». В первом значении лексема описывает начальную стадию гнева и реализовывается посредством понятий *газабнок*, *хаиммогин*, *қахролуд* (гневно, раздраженно, сердито) [ФТЗТ, 2010: 378]. Во втором значении описывается психическое состояние, при котором находиться рядом с человеком опасно, а лексема *газаболуд* находит свою реализацию в понятиях *бо газаб*, *хаимгинона*, *дар ҳолати хаимгинӣ* (с гневом, рассержанно, в момент гнева) [ФТЗТ, 2010: 378]. Как видим, в первом значении для описания лексемы *газаболуд* используются отдельно взятые слова, а во втором значении анализируемая лексема описывается посредством сочетания словоформ, которые указывают на дальнейшие стадии развития эмоции.

Седьмая деривационная лексема концепта «Газаб» по словарной структуре реализовывается следующим образом *газабомез* – *хаимгинона*: *газабомез гап задан* (гневно – сердито: говорить с гневом и яростью) [ФТЗТ, 2010: 378]. Данное толкование указывает на последнюю стадию проявления эмоции гнева, упомянутое в работе Чоршамбиевой З.А., которая утверждает, что причинами гнева являются грубые слова и оскорбление, а результатом – ссора. Именно в состоянии *газабомез* индивид начинает говорить грубые слова, которые оскорбляют честь и достоинство других, в результате чего собеседник также злится, в конечном итоге, люди ссорятся между собой.

Структуру концепта «Гнев» дополняют лексемы *даргазаб* (в гневе) и *пургазаб* (полный гнева), которые образованы посредством добавления приставок *дар-* и *пур-*. Семантические особенности лексемы *даргазаб* по толковому словарю выражается посредством лексем *газабнок*, *хаимгин*, *қахролуд* (гневно, сердито, раздраженно) [ФТЗТ, 2010: 428], которые являются составляющим компонентом анализируемой лексемы в таджикском языке. Семантическая особенность лексемы *пургазаб* реализуется в понятиях *хаимгин*, *газаболуд*, *қахрнок*, *пурхаим* (злостный, гневый, раздраженный, полный злобы) [ФТЗТ, 2010: 121], которые указывают на высокую степень проявления эмоции. Следовательно, *қахр* так-же можно рассмотреть в качестве лексемы периферийной системы.

Одним из основных компонентов контроля гневом является эмоциональная категория *сабр/терпение*, которая в сознании любого индивида имеет свои границы, т.е. когда *косаи сабр лабрес шуд* (чаша терпения переполнена) [ФТЗТ, 2010: 188] выступает гнев. По мнению Курбановой Х.Х., одним из отрицательных признаков лексемы *сабр/терпение* в сознании носителей таджикского языка является *хаиму газаб* (гнев и ярость), т.к. когда действуют на нервы или у человека стресс, он может впасть в состояние гнева. Эти данные были выявлены в результате ассоциативного эксперимента о национально-специфических особенностях концепта «Сабр» (Терпение) в этнолингвокультурах русского и таджикского народа [Курбанова, 2021].

Для выявления семантических особенностей и структурных признаков концепта «Ғазаб» в таджикской языковой картине рассмотрим некоторые особенности лексической сочетаемости анализируемого слова по толковому словарю 2010 года издания: *аз шиддати газаб* (в порыве гнева), *газаби халқ* (гнев и возмущение народа), *ба газаб овардан* (разозлить/разгневать), *ба газаб омадан* (разозлиться/разгневаться), *аз газаб дандон хоидан* (из-за гнева скрипеть зубами), *аз газаб фуромадан* (успокоить свой гнев), *ба газаб овардан* (разозлить/разгневать кого-либо), *дар газаб шудан* (быть в гневе,

разозлиться), *оташи газаб наст кардан* (потушить пламя гнева), *аз газаб* *Худо тарсидан* (бояться гнева Божьего), *ба газаб* *Худо гирифтор шудан* (навлечь на себя гнев Божий) [ФТЗТ, 2010: 377-378]. Семантические признаки лексической сочетаемости концепта «Газаб» репрезентируют отрицательную и негативную сторону эмоционального состояния индивида и имеют как вербальные так и невербальные признаки. Например, к невербальным признакам можно отнести выражение: *аз шиддати хаиму газаб дандон ба ҳам соиш дода садо баровардан, дар ниҳояти хаиму газаб будан* (из-за гнева и злости скрипеть зубами так, чтобы выходил звук, прийти в состояние неистового гнева и ярости) [ФТЗТ, 2010: 377].

Следует отметить, что лексико-семантическая сочетаемость понятия *гнев* указывает на его связь с метафизическим миром людей, где лексема рассматривается со следующих позиций: *Аз газаб* *Худо тарсидан*, *аз бими бомхост андешидан*, *аз андешаи охират тарсидан*; *ба газаб* *Худо гирифтор шудан*, *ба кайфар расидан*, *ба чазои Худо гирифтор шудан* (бояться гнева Божьего, задумываться от ожидания страшного завтра, пугаться судебного дня; навлечь на себя гнев Божий, стать неверующим, навлечь на себя Божье наказание) [ФТЗТ, 2010: 378]. Приведенные примеры словарной статьи имеют догматический характер, рассматриваются с духовно-культурологической позиции и имеют отношение к ментальному миру людей. Кроме того, метафизическую связь можно проследить и в примере фразеологизма *оташи газаб* (пламя гнева), который имеет семантику огня, а огонь в мусульманстве (большая часть носителей таджикского языка) и в христианстве (большая часть носителей русского языка) является наказанием в аду за грехи. Что же касается понятия *гнев*, то данная эмоция в православном мире является одним из 7 видов смертного греха, и стоит на третьем месте после *гордыни* и *зависти*, а после – *похоть* и другие. А в исламе говорится, что «*поистине, гнев – от шайтана (сатаны) и, поистине, шайтан (сатана) сотворен из огня, и если кто-нибудь из вас охвачен гневом, пусть он совершит омовение*» (Абу-Хурайра, Абу Дауд) [Ан-навави, 16

хадис]. Следовательно, гнев и огонь в таджикской языковой картине имеют тесную связь в семантическом аспекте, т.к. в момент гнева человек начинает изнутри пылать огнем, а кожа человека начинает краснеть. На это еще указывает лексема периферийной системы концепта «Гнев» *оташинӣ*, которая переводится, как состояние *гнева и негодования* или *горячность* [Калонтаров, 2008: 205].

На основе материала словарной статьи под редакцией М.Ш. Шукурова и В.А. Капранова 1969 года издания лексическая сочетаемость концепта «Гнев» также указывает на его семантическую связь с понятием огонь, например:

Гарми газаб чи мекуни нарциси масти нозро?

Нозу карашма бас бувад дилшудаи ниёзро (Махфӣ) [ФТЗТ, 1969: 692].

(отчего (к чему, зачем) в порыве гнева (суровости) плавиль ты хмельные нарцисы (глаза) кокетства.

Ведь кокетства и игривости достаточно для сердца, жаждущего желания).

Как видим, для создания образности автор использует сочетание имен существительных *гарми газаб*, которое характеризует свойство и качество предмета описания и придает образность и поэтичность стиху. При помощи эстетических ресурсов языка автор описывает и сопоставляет эмоцию гнева с такими экспрессивно-окрашенными лексическими единицами, как *ноз* и *карашма*, которые также относятся к эмоциональной природе человека и образуют эмотивную картину реальности.

Для раскрытия семантических признаков концепта «Газаб» в таджикском языке нами были выявлены некоторые особенности анализируемого концепта по словарю Фиёс-ул-луғот, где семантика гнева реализуется посредством лексем *газуб* и *газбон*. Лексема *газуб* понимается, как – *бисёр газабнок ва хашигин* (крайнее состояние гнева и ярости) [Фиес-ул-луғот, 1988: 89], и указывает на крайнюю степень возбужденности организма, когда индивид находится на пределе и готов

совершить какое-то необдуманное действие. Слово *газбон* имеет двоякую структурно-семантическую природу. В первом значении лексема описывается прилагательным, которое образовано от существительного *газб*, и понимается, как состояние *қаҳрнок ва хашимнок* (гневный, злой) [Ғиес-уллуғот, 1988: 89]. Во втором значении лексема имеет иную семантическую природу и относится к орудью, при помощи которого рушат стены: *санге, ки аз манчалақ ба суи қалъаи хасм андозанд* (камень, который забрасывается из катапульты в сторону стен вражеской крепости). Следовательно, в стиле арабского произношения лексему можно понять, как гневный или яростный камень, которым забрасывают врагов.

В словаре Мухаммадхусайн Бурхона, который описывает языковую картину таджикского языка относительно XVII-XVIII в.в., прослеживается семантическая связь *гнева* с *огнем* в примере фразеологизма *отаи нишондан* и лексемы *отаифеъл*. Фразеологизм *отаи нишондан* имеет семантику успокоения гнева и понимается, как *фуру нишонидани қаҳру газаб ва хаши* (потушить пламя гнева, ярости и злости) [Бурхони қотеъ, 1993: 43]. Следовательно, метафора гнева может заключаться в семантике огня, которая в сознании верующего человека понимается как одна из моделей форм жизни после смерти, куда попадают за грехи (аид, ад, чистилище, приисподняя, чаханнам, дузах и др.). Лексема *отаифеъл* (грозный) иносказательно понимается, как *асаби қалд, тунд ва тез* (суровый, зажигательный нрав) [Бурхони қотеъ, 1993: 43]. Семантическая особенность лексем *тунд* и *тез* по толковому словарю раннего периода издания в одном из значений указывает на непосредственную связь с гневом. Например: в третьем значении понятие *тез* понимается, как состояние *хашигин, қаҳролуд, оташин* (гневный, злой, яростный), а понятие *тунд* во втором значении имеет следующую семантическую категорию гнева – *хашигин, газабнок, бадҷаҳл, тезмизоч* (злой, гневный, грозный, суровый) [Шукуров, 1969: 359, 377]. Как видно, структурная особенность лексических единиц *тез* и *тунд* имеют

семантическую связь с гневом и выражают отношение индивида к окружающей действительности.

Семантические признаки анализируемого концепта по словарю 2010 года издания могут быть реализованы в следующих лексемах: *арганд//арганда* (злостный, гневный с. 78), *гайз* (гнев – книжн. с. 379), *гарош* (гнев, раздражение, негодование с. 392), *дамдама* (гнев, злость, раздражение с. 420), *дижам* (гневный, злой с. 463) *жаён* (злой, свирепый, раздраженный с. 515), *жак/гур-гур* (гневные и грубые слова, которые говорят у себя под носом с. 515), *казм* (успокоение гнева и ярости с. 603), *козим* (заглушение или успокоение гнева с. 644), *магзуб* (попасть под горячую руку в момент гнева с. 771), *мақхур* (попасть в состояние гнева и ярости с. 784), *чазаба* (гнев, злость, негодование с. 603). Данные единицы лексической системы таджикского языка относятся к группе малоупотребительных слов, т.к. они в настоящее время редко употребляются среди носителей таджикского языка и не используются в современном обществе. Эти лексемы чаще всего встречаются в произведениях писателей классической литературы, таких как «Шахнаме» А. Фирдавси и др.

Лексические единицы, относящиеся к периферийным областям концепта «Гнев/Газаб» в таджикской языковой картине, были сгруппированы по определенным структурно-семантическим классам, каждый из которых по динамике развития эмоции гнева в иерархическом порядке относится к определенной группе. К лексемам ближней периферии относятся понятия *хаим* (раздражение) и *қахр* (негодование), которые в толковых словарях выступают в качестве составляющего семантического компонента анализируемого концепта и выражают начальную стадию проявления эмоции гнева. Крайняя периферия гнева реализуется в семантике лексем *оташинӣ* (горячность/ярость), *асабӣ/онӣ* (нервный/бешеный), указывающие на вторую стадию развития эмоционального состояния, которая считается негативной и даже вредной для здоровья человека. Лексическая единица, относящаяся к дальней периферии концепта «Гнев/Газаб», является *шӯриш*

чаҳл (злоба). Это слово описывает крайнюю степень проявления эмоции гнева и имеет отношение и к отдельному индивиду, и к социальной группе людей, которые недовольны и возмущены чем-либо.

2.1.3. Сравнительный анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского и таджикского языков

Понятие «концепт» в современной лингвистической науке является доминирующим в аспекте когнитивистики. Основной вклад в возникновение и развитие данного научного направления принадлежит таким ученым, как Джордж Лакофф, Рональд Лангакер и др. В русской лингвистической науке их труды были подробно проанализированы С.Е. Кубряковой. Она рассматривает концепт как «ментальный или психический ресурс нашего сознания, в котором отражаются знание и опыт человека [Кубрякова, 1996: 90].

Проблему возникновения концептов в языковой картине разных этносов можно рассмотреть по следующим признакам: «при восприятии действительности органами чувств, при мыслительных операциях с уже существующими в сознании концептами, при языковом общении или объяснении и при самостоятельном изучении по материалам словарей» [Попова, Стернин, 2007: 68-69]. Помимо этого, в когнитивной лингвистике существует множество принципов анализа и исследования концептов, что приводит к еще одному сложному вопросу – к вопросу методики и методологии исследования концептов. Данный вопрос разделяет лингвистов на две группы, каждая из которых предлагает свои подходы в изучении концепта. К первой группе (лингвокультурологическая) относятся такие ученые, как Ю.С. Степанова, В.И. Карасик, В.А. Маслова и др., во вторую группу (лингвокогнитивная) входят Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, И.А. Стернин и др.

Наиболее приемлемой для нас является лингвокогнитивная методология исследования концепта, разработанная учеными З.Д. Поповой и

И.А. Стерниным, которые предлагают два направления исследования концепта. По первому методу необходимо выбрать ключевое слово (определённый концепт, который будет исследоваться), классифицировать лексемы, описывающие исследуемый концепт, а затем провести подробный анализ выявленных лексем. Однако второй метод предполагает анализ ключевого слова при помощи выявления семантических признаков изучаемого концепта посредством контекстуальных высказываний. Исходя из этого, ученые предлагают следующие методы анализа и описания концептов:

1. Выбор ключевого слова.
2. Построение и анализ семантемы ключевого слова.
3. Анализ лексической сочетаемости ключевого слова.
4. Экспериментальные методы (свободный ассоциативный эксперимент, рецептивный эксперимент).
5. Анализ синонимов ключевого слова.
6. Построение лексико-фразеологического поля ключевого слова.
7. Анализ паремий и афоризмов, объективирующих концепт.

[Попова, Стернин, 2001: 101-129].

В рамках данного параграфа применяются первые три метода анализа концептов, где ключевым словом является *гнев*, а материалом для анализа служат примеры из словарных статей.

Дальнейшая задача заключается в том, чтобы выявить конкретную семантику концепта «Гнев» в русской и таджикской языковых картинах; затем определить и проанализировать основные значения ключевых слов, которые описывают значение гнева. Таким образом, выявлено, что основные семантические признаки гнева отражаются значениями следующих понятий:

- 1) абстрактное существительное *злоба* или *злость* в русском языковом сознании и существительное *хаим* в таджикском;
- 2) глагол-инфинитив *злиться* в русском языковом сознании и масдар *хаимгин будан* в таджикском;

3) качественное прилагательное *злой* в русском языке и *хаимгин* или *хаимовар* в таджикском языке.

Данные лексические единицы служат для обозначения эмоции гнева и выражают основную семантику исследуемого концепта. Однако для полного анализа и выявления структурно-семантических особенностей изучаемого концепта необходимо выявить лексическую сочетаемость понятия *гнев* с другими лексемами. По мнению З.Д. Поповой и Стернина, «анализ лексической сочетаемости дает возможность выявить некоторые составляющие концепта. Из сочетаемости можно определить способы категоризации концептуализируемого явления» [Попова, Стернин, 2007: 98]. Рассмотрим данный подход на примере изучаемого концепта «Гнев» в русском и таджикском языковом сознании, где лексему гнев можно концептуализировать по следующим семантическим параметрам:

1. То, что относится к невербальным формам мышления или коммуникации, что можно определить по мимическим признакам: *смотреть с гневом – бо газаб нигаристан, гневный взгляд – нигоҳи газабомез, глаза заблестели, загорелись, покраснели от гнева – чаимон аз шиддати газаб ба мисли оташ сурх шуданд, измениться в лице от гнева – дигаргун шудани чеҳра аз газаб; аз шиддати газаб дандон ба ҳам соии дода садо баровардан – в порыве гнева скрипеть зубами* [ФТЗТ, 2008: 406].

2. Фонетическое, или звуковое, выражение данного понятия: *крикнул с гневом – газабомез дод зад, гневно сказал, произнес – бо газаб гуфт, талаффуз кард; дар сари газаб гапҳои насту баланд гуфтан – говорить грубые, неуважительные слова в гневе* [ФТЗТ, 2008: 301].

3. Психическое состояние души, мозга и тела, поэтому гнев может быть: *поселившийся в сердце – газабӣ дар дил ҷо шуда, внутренний гнев – газабӣ даруни, скрытый гнев – газабӣ пинҳонӣ.*

4. Сочетанием с различными частями речи, указывающими на принадлежность психического состояния к какому-либо объекту или же субъекту. Например:

а) с местоимением: *разгневало меня – маро ба газаб овард, гневаться на кого-либо – нисбати касе газабнок шудан, его гнев – газабии вай/ӯ;*

б) с существительными: *гнев народа – газабии мардум/халқ, гнев родителей – газабии волидон, гнев брата/сестры – газабии бародар/ана;*

в) с прилагательными: *праведный гнев – газабии одилона/дуруст, несправедливый гнев – газабии беадолатона, гнев – плохой советчик – хашму газаб маслиҳатчи бад аст;*

5. Духовно-нравственное и догматически-религиозное представление о наказаниях за проявление гнева: *гнев Божий – газабии Худо, гнев души – газабии қалб, гневен Бог Моисеев – Худои Мусо хашмгин, нечего бога гневить... – лозим нест газабии Худоро овардан [Даль, 1882: 416].*

6. Как природное явление: *стихийный гнев – газабии табиат, огненный гнев – газабии оташин, порыв гнева – шиддати газаб.*

Анализ лексической сочетаемости показал, что лексема *гнев* может иметь различные признаки и категории и может сочетаться с различными частями речи. Морфологический анализ вышеуказанных примеров в русском и в таджикском языках показал, что концепт «Гнев» 19 раз употребляется в роли существительного, 3 раза в роли прилагательного, 3 раза в роли глагола и 2 раза в роли наречия. Следовательно, основным морфологическим признаком можно считать то, что гнев репрезентируется посредством существительных, прилагательных, глаголов и наречий, в которых выражаются основные семантические признаки анализируемого концепта.

Анализ структуры концепта «Гнев» зависит от его синтаксической роли в предложении. Иллюстративный материал словарных статей по лексико-семантической сочетаемости показал, что гнев 15 раз выступает в роли подлежащего, 3 раза – в роли сказуемого, 3 раза – в роли дополнения, 5 раз – обстоятельства и 1 раз – определения. Из этого можно сделать вывод, что гнев реализовывается при помощи 4 частей речи и выступает в роли всех членов предложения.

Кроме того, в данных сочетаниях отражены наследственные геномы, которые развиваются вне зависимости от природных или биологических явлений и осваиваются с самого рождения, пока ребенок не станет самостоятельно логически мыслить и созерцать окружающий его мир. В результате этого перехода индивид начинает свободно мыслить и творить свою жизнь, чувствует свободу от воздействия каких-либо иных сил и становится творцом своей культуры.

Следует отметить, что на основании иллюстративного материала русско-таджикских словарей концепт «Гнев» реализуется посредством лексем *газаб* и *хаим*, следовательно, лексема *злость/ся* в русском языке и *хаим/гин шудан* в таджикском языке могут выступать в качестве ядерного компонента к основному значению эмоции гнева. Эти лексемы могут обозначать состояние индивида в момент гнева, или по-другому субъект, который совершает действие, или объект, на которого направлено это действие, однако понятие *хаим* в 3 главе рассматривается в качестве лексемы ближней периферийной системы гнева и не может конкурировать на роль ядерного значения. В связи с этим, данная классификация строится на основании иллюстративного материала русско-таджикских словарей.

Отношения между сопоставляемым концептом в различных лингвокультурах весьма разнообразны, потому что на материале словарей в русском языке были выявлены две лексемы, имеющие семантические признаки ядерного компонента *злиться* и *сердиться*, в то время как в таджикском языке ядро концепта репрезентируется только одной лексемой *газаб*. Анализ показал, что имеются различия в семантике изучаемых языковых единиц, потому что при переводе на таджикский язык глаголы реализовываются посредством двух лексем, например: *злиться* на таджикском языке будет *хаимгин (оташин) шудан*, а *сердиться* переводится, как *қаҳр кардан* или *хафа шудан*, что обозначает обиду. Следовательно, в русском языке ядро концепта реализуется посредством двух лексем – *гнев* и *злость*.

Для более полного анализа семантических признаков концепта «Гнев», выявления его дифференциальных особенностей дальнейшая работа будет построена в рамках анализа сочетаемости лексем. В качестве иллюстративного материала задействованы лексемы *злость* в русском языке и *хаим* в таджикском языке. Основные признаки, составляющие номинативное поле концепта «Гнев» в реализации понятий *злость* и *хаим*, были разделены на следующие семантические группы:

1. То, что относится к невербальным формам мышления или коммуникации, что можно анализировать по мимическим признакам: *злое лицо, злая улыбка* [Ушаков, 2014: 175]; *аз рӯи хаим ба гӯшаи чаим нигаристан – от злости косо смотреть, сих барин рост хестани мӯй (аз хаим) – со злости волосы дыбом встали, нигоҳи хаимолуд – злобный взгляд, аз ҳадақа баромадани чаим хаимгин шудан – глаза на лоб лезут от злости* [ФТЗТ, т.1, 2008: 17-253; т.2: 477-553];

2. Фонетические, или звуковые, выражения данного понятия: *бо қахру хаим гап задан – говорить со злостью и упреком, гур-гур... овози пасти хаимгинонаи касе – злостное бормотание у себя под носом, худ ба худ гап задан аз рӯи хаим – от злости разговаривать самому с собой, нешханд, хандае, ки аз рӯи хаим мекунанд – злобная усмешка* [ФТЗТ, т.1, 2008: 389-495; т.2: 355];

3. Психическое состояние души, мозга и тела, когда злость может быть вызвана по любой причине: *ба андак гапу коре бахаимоянда – разозлиться по малейшей причине* [ФТЗТ, 2008: 678]; *испытывать злобу – хаимгин шудан, злой характер – феълу рафтори хаимгин, злой умысел – мақсади бад, хаимгин* [Ушаков, 2014: 175];

4. Сочетания с различными частями речи, указывающими на принадлежность психического состояния к какому-либо объекту или же субъекту. Например:

а) с местоимением: *хаимгин шудани касе – кто-то становится злым, таскин ёфтани хаимгинии касе – успокоение злости кого-либо* [ФТЗТ, т.1,

2008: 678; т.2: 587]; *злился на меня, тебя, них – нисбати ман, ту, онҳо хашишгин буд, я начинаю злиться – ман ба хашиш меоям* [Ушаков, 2014: 174];

б) с существительными: *хашишу эътирози халқ – злость и недовольство народа* [ФТЗТ, 2008: 363]; *злой человек – одами пурхашиш, злая собака – саги газанда, злиться на жизнь – аз зиндаги хашишгин шудан* [Ушаков, 2014: 175];

в) в форме глагола: *перестань злиться – хашишро бас кун, начинаю злиться – ба хашиш омада истодаам, зачем злиться – барои чи хашиш бояд кард.*

5. Духовно-нравственные и догматически-религиозные представления о формах проявления злости: *злая доля- қисмати бад, нохуш; злой дух – шарир, зиён/руҳи ноором; злая сила – қудрати бад, зараровар* [Ушаков, 2014: 175-611].

Следует отметить, что при переводе сочетаний, как самого концепта «Гнев», так и его лексико-семантических составляющих компонентов *злость* и *хашиш* возникают небольшие сложности в плане выражения. Сложности связаны с морфологической целостностью лексем, когда одна часть речи при переводе переходит в другую.

При анализе морфологических признаков и синтаксических функций концепта «Гнев» было выявлено, что в русском и таджикском языках лексемы *злость* и *хашиш* имеют различные семантические признаки и сочетаются с различными частями речи. Именно эти сочетания будут подвергнуты морфолого-синтаксическому анализу для определения структурно-семантических признаков. Частота употребления лексем по морфологическим признакам в обеих лингвокультурах: 7 раз в роли существительного, 3 раза – прилагательного, 3 раза – глагола, 2 раза – наречия. Частота употребления лексем по синтаксическим параметрам: 2 раза в роли подлежащего, 8 раз – сказуемого, 2 раза – дополнения, 5 раз – обстоятельства, 10 раз – определения. Следовательно, лексемы выражаются посредством существительных, прилагательных, глаголов и наречий и могут выступать в роли любого члена предложения.

Анализ показывает, что гнев является разноструктурным, может выступать в роли всех членов предложения и применять формы 4 частей речи. Семантически эти части речи обозначают различные признаки действия и состояния, которые вызваны конкретными внешними раздражителями (чьё-либо действие, слово, поступок, оскорбление).

Касательно схожих понятий в русском и таджикском языках можно выдвинуть гипотезу о сходстве выражения *гнева* с *огнем*. В русском языке данное сравнение выдвинуто в этимологическом словаре Макса Фасмера, где автор пытается «связать это слово со словом *гнетить*», который рассматривается, как «зажигать..., раздувать огонь» [Фасмер, 1986: 420-421]. Или же другой пример фразеологизмов: «вспыхнуть гневом», «пылать гневом» [Ушаков, 2014: 76-565], в которых заключена семантика огня. Возможно, в русском языковом сознании изначальное понимание гнева реализовывалось по невербальным (мимическим) признакам, т.е. когда человек находится в состоянии гнева, он краснеет, как огонь, и кипит, как вулкан.

Относительно таджикского языкового сознания данную гипотезу можно выдвинуть исходя из толкования слова *оташангез*, которое репрезентируется, как: «...гӯяндаи суханони тезу тунд; хашмгин» (говорящий грубые, неуважительные, острые и злые слова; разгневанный) и из значений фразеологизмов: «**оташи ғазаб афрухтан** – бисёр ғазабнок шудан» (разжечь пламя гнева – сильно разгневаться); **оташи ғазоби касеро паст кардан** (фурӯ нишондан) касеро аз ғазаб фурувардан, хашми касеро бартараф кардан (потушить пламя гнева в ком-либо, успокоить кого-либо в состоянии гнева, устранить злость); **оташи ғазоби касе паст шудан**, аз ғазаб фуромадан, бартараф шудани хашми касе (потушить пламя гнева в ком-либо – успокоиться от гнева и злости); **об бар оташи касе рехтан**, хашми касеро фурӯ нишондан» (залить водой пламя гнева – успокоить гнев в ком-либо) [ФТЗТ, т.1, 2008: 94-364; т.2: 6-39]. В данных фразеологизмах отчетливо

прослеживается пересекаемая линия сопоставления гнева и огня в таджикской ментальности.

Исходя из проделанной работы, можно сделать выводы о том, что концепт «Гнев» по структуре может реализоваться при помощи существительных, прилагательных, глаголов и наречий, выступать в роли всех членов предложения, а по семантическим параметрам имеет значение негативного эмоционального состояния, что делает его семантику пестрой. Кроме того, было выявлено, что гнев можно структурно сопоставить с понятием *огонь* в лексемах *огненный/оташин*, в которых заключена семантика гневного, злого человека. Это еще одна сторона семантической близости понятия *гнев* в русской и таджикской лингвокультурах.

2.2. Исследование понятия «Гнев» в паремиологической системе русского и таджикского языков

Особенности репрезентации лингвокогнитивного мира людей следует анализировать во фразеологическом фонде языка, где отражаются особенности традиций, нрава, быта и некоторых канонов верования народа. Анализ фразеологических единиц позволит воспроизводить национально-культурные особенности нравственного мира этноса и определить их языковую репрезентацию, ведь только «в языке закрепляются и фразеологизируются именно те образные выражения, которые ассоциируются с культурно-национальными эталонами» [Телия, 1996: 233]. Следовательно, в анализе фразеологического фонда русской и таджикской языковой картины следует обратить особое внимание на вербализацию лингвокогнитивной природы концепта, которой посвящены труды многих ученых.

На современном этапе развития лингвистической науки были исследованы все основные проблемы анализа фразеологических единиц. Еще в 1977 г. В.В. Виноградов в своем фундаментальном труде «Об основных типах фразеологических единиц в русском языке» изложил основные

критерии деления фразеологических единиц на различные группы и подсистемы, которые послужили основой для дальнейшего развития науки о фразеологии. Но фразеологические единицы, описывающие эмоциональную природу человека, заключают в себе особую семантическую природу, которая соединяет в себе ментальный и психический мир людей, связывая эти миры в национальную психолингвокогнитивную картину реальности. Ведь исследуя фразеологическую природу языка, можно провести анализ развития всей истории того или иного народа, начиная от появления традиционных обрядов и обычаев до развития науки и техники, так как «фразеологический состав языка – это зеркало, в котором лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [Телия, 1996: 9].

Метафорическое представление о гнев имеет связь с природой, когда сравнивается гнев и огонь, как разрушительная сила, гнев и стихия или буря, как истребляющая все на своем пути, гнев и свет, подобно молнии появляющаяся в сознании человека, или тьма, которая является возмездием и затуманивает разум человека. В нашем исследовании гнев рассматривается как жидкость или вещество, которое может нахлынуть потоком или волной и закипеть как вулкан в сознании человека.

2.2.1. Выражение гнева в паремиологическом фонде русского языка

Язык является неотъемлемой частью культуры, и посредством него индивид реализовывает свои мысли и идеи. Слова, употребляемые в отдельности, не могут передать всей прелести окружающего мира, и для этого они в сочетании друг с другом образуют определенный культурно-семантический слой, который и является основным номинантом мировосприятия.

Паремиологический фонд языка репрезентирует мир в свою кодовую систему, которая понимается как система мышления и мировосприятия

народа. Любой народ имеет свою индивидуальную картину мира, посредством которой совершаются коммуникативные акты, а «через пословицы и поговорки раскрываются жизненные стремления людей конкретной культуры» [Корнилов, 2003: 113]. Следовательно, основные когнитивные признаки, национально-культурные ценности, опыт и мудрость народа могут быть отражены во фразеологическом фонде языка.

По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина, «анализ паремий и афоризмов дает исследователю информацию прежде всего о содержании интерпретационного поля концепта» [Попова, Стернин, 2001: 129]. Следовательно, исследуя паремиологическую систему концепта, можно выявить совокупность когнитивных признаков, которые интерпретируют образ концепта и его энциклопедическое строение, представляющее собой осмысление этого концепта сознанием индивида.

Понятие *паремиологическая система* имеет разную интерпретацию, чаще всего термин репрезентируется как совокупность всех афоризмов, пословиц, поговорок и фразеологизмов, которые закреплены в языковой системе. По структуре словарей понятие *паремия* имеет яркую интерпретацию, например, в толковом словаре паремия понимается как «*нравоучительное слово*» [Даль, 1882: 14]. Таким образом, паремиологию можно представить как форму духовного восприятия мира индивидом, где хранятся особенности нрава, быта и культурные ценности народа.

Некоторые ученых анализируют гнев с позиции психолингвистики, связывая его с эмоциональным миром людей, а эмоциональная природа и паремиологическая система относительно концепта «Гнев» реализуется в метафорических моделях, которые, по мнению О.Ю. Любимовой, могут быть заключены в таких признаках, как «контейнер, опасное животное, противник в борьбе, ноша, помутнение рассудка и др.» [Любимова, 2015: 98]. Таким образом, метафорически гнев можно представить, как некий сосуд, который, лопнув, приводит к помутнению разума и превращает человека в опасное животное, которое в любой момент может напасть на других.

Концепта «Гнев» относится к базовым эмоциям и описывает психическое состояние индивида, когда он сердится по причине негативного воздействия окружающей среды на его психику. В этой связи многие исследователи доказывают тот факт, что гнев относится к негативным эмоциям и описывает состояние психического расстройства (О.Ю. Любимова, В.В. Рублева, И.А. Вотякова и т.д.). Таким образом, паремиологические единицы, описывающие концепт «Гнев», имеют негативный характер и описывают ситуации, которые имеют плохие последствия. Например, выражение *кровь закипела* метафорически описывает ситуацию, когда индивид впадает в состояние ярости и способен совершить необдуманные поступки, о которых потом будет жалеть.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие группы фразеологизмов, пословиц и поговорок, лексико-семантические признаки которых описывают состояние гнева:

1. Гнев является нежелательной эмоцией для разумного существа: *«гнев гасит лампу разума и разогревает кулак; гнев – начало безумия; следуй голосу ума, а не гнева; у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах; гнев – враг, разум – друг; гнев шагает впереди, ум – сзади»;*

2. Гнев имеет причинно-следственные признаки: *«правдивое слово бога радует, а человека гневит; правдою жить – от людей отбить, неправдою жить – бога прогневить; нечего бога гневить, надо правду говорить»;*

3. Гнев относится к культурно-нравственным и индивидуально-физиологическим особенностям человека и имеет отношение с абстрактно-теологическим представлением о мире: *«не гневи бога ропотом, молись ему шепотом; гнев божий – бедствие, постигающее человека, но пожар от грозы – божья милость; живет, хлеб жует, небо коптит да бога гневит; на это плакаться, только напрасно бога гневить, бога прогневишь – и смерти не даст; богу молись, а черта не гневи»;*

4. Гнев имеет отношение с понятиями огонь и сила:

Огонь – *«гнев разжигает фантазии, да так, что можно обжечься; в гневе ты – как огонь, а в любви – как вода; метать гром и молнии»;*

Сила – *«в бессилии гнев очень сильный; гнев – оружие бессилия; на сердитых воду возят; во гневу не наказывай/не карай во гневу; кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; господин гневу своему, господин всему; истинно могуч тот, кто побеждает самого себя»;*

Кроме того, метафорическое представление о гневе как жидкости, о котором упоминалось выше, в зависимости от степени проявления эмоции формально можно разделить на 3 этапа. Начальный этап имеет невербальную окраску и может проявляться во взгляде или в жесте, когда *действуют на нервы*. Второй этап проявляется в определённых действиях или грубых выражениях, когда *попадаешь под горячую руку*, а последний этап имеет тесную связь с понятием *аффект*, когда у индивида *сносит крышу* или *кровь кипит*, он не в силах контролировать свои эмоции.

2.2.2. Выражение гнева/газаб в паремиологическом фонде таджикского языка

Языковая картина таджикской лингвокультуры имеет большое количество неисследованных пластов, в частности, в области исследования паремиологической системы языка. Анализом фразеологических единиц таджикского языка начали активно заниматься в середине XX века такие ученые, как М. Фазылов, Р. Гафаров, Н. Маъсуми и др. Первый опыт в классификации фразеологической системы таджикского языка принадлежит М. Фазылову, который отделил именные фразеологизмы от глагольных. После него классификацию фразеологической системы таджикского языка проводит Р. Гафаров, который последовав В.В. Виноградову, разделил их на несколько групп: 1) фразеологические словосочетания; 2) обычные слова; 3) фразеологические сращения. А анализом фразеологической системы языка таджикских писателей, где хранятся неисчерпаемое количество сочетаний и

выражений, объективирующих таджикский нрав, быт и культуру, занимается Н. Маъсуми.

Первый опыт в семантической классификации фразеологической системы таджикского языка был проведен группой ученых (Х.К. Маджидов, Н.Масуми, М.Ф. Фазылов, Д.Т. Таджиев, Р. Гаффаров и др.). Они впервые дали полную классификацию фразеологической системы и поделили их на 4 основные структурные группы: 1) рехтахои фразеологӣ; 2) омехтахои фразеологӣ; 3) вобастагихои фразеологӣ; 4) ифодаҳои фразеологӣ.

Только в начале XXI столетия в Республике Таджикистан начали активно заниматься сопоставительной типологией фразеологической системы. Данное направление в языкознании возникло на фоне развития такого научного направления, как корпусная и когнитивная лингвистика, которые зародились на базе кафедры теоретического и прикладного языкознания РТСУ под руководством профессора Искандаровой Д.М. На сегодня исследования в данной области лингвистической науки имеет широкое распространение, написано много работ, посвященных анализу фразеологических единиц таджикского языка, в частности, сопоставительные исследования в рамках когнитивистики.

В нашем исследовании совершается попытка выявить и сопоставить паремиологические единицы с компонентом эмоции гнева. Анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов, выражающих эмоцию гнева в таджикском языке, показал, что лексико-семантические компоненты анализируемого концепта могут выступать в роли всех членов предложения и иметь отношение как к объекту действия, так и к субъекту, о котором идет речь.

В качестве иллюстрации были использованы материалы, собранные из следующих источников: «Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русским» [Я.И. Калонтаров, 1965], «Мудрость трех народов» [Я.И. Калонтаров, 1989], Фразеологический словарь русского языка [А.И. Молотков, 1987], «Школьный русско-таджикский фразеологический словарь» [И.А. Александров, 1984].

В результате проведенного анализа было выявлено, что эмоциональное состояние гнева может иметь метафорическую вербализацию в форме огня и стихии и является нежелательным состоянием для разумного существа. Классификация семантической системы концепта «Ғазаб» в паремиологической системе таджикского языка показала, что анализируемый концепт может быть реализован в таких номинативных группах, как:

1. То, что является нежелательным и пагубным для разумного существа: *«хашии андешаро мебарад (гнев уносит мысли, т.е. разум); ақл – дуст, ҷаҳл – душман (разум – друг, гнев – враг); ҷаҳл ақдро кунд мекунад (гнев притупляет разум); ҷаҳл ояд – ақл мегурезад (когда приходит гнев – уходит разум)»*.

2. Нравственная категория духовного мира, которая описывается посредством других эмоционально-эстетических ресурсов языка и сознания: *«аз газаби худо тарсидан (бояться гнева господня); ба газаби худо гирифторм шудан (навлечь на себя гнев божий); қарздорӣ қаҳри худо (долги – гнев божий)»*.

3. Сила, которая возникает в момент гнева, и огонь, который горит внутри индивида в этот момент:

Огонь – *«ба оташи қаҳри касе равған рехтан (подливать масло в огонь) в значении – болои сӯхта намақоб; ба деги газаб оби сард рехтан (залить холодной водой пламя гнева); ҷаҳли касеро овардан (довести до белого каления) в значении - касеро оташин қардан»*;

Сила – *«зӯр касест, ки дар вақти ҷаҳл хуздорӣ кунад (силен тот, кто в гнев умеет сдерживать себя); давои газаб – хомушӣ (лекарство от гнев – молчание); қаҳрат (ҷаҳлат) ояд, биниатро газ (если ты сердисься, укуси свой нос); худро ба даст гирифтанд (держат себя в руках/сохраняют самообладание)»*.

Также, как и в русском языке, в таджикском языке имеется представление о метафорическом пределе гнева, как кипящей жидкости. Кипение данной жидкости имеет несколько стадий своего развития и

заканчивается состоянием *хун дар чуш омад*. Начальная стадия кипения жидкости зараждается в выражении «*касоро асабони кардан; сари/асаби касоро хароб кардан* (действовать кому-то на нервы; доставать/мучать кого-либо)». Вторая стадия кипения жидкости можно реализовать в выражении «*ба аспи чаҳл савор шудан (прийти в неистовую ярость)*», а заканчивается все в значениях фразеологической метафоры «*сар/асаб вайрон шуд; хун дар чуш омад* (снесло крышу/нервный; кровь закипело)».

2.2.3. Сравнительный анализ концепта «Гнев/Ғазаб» в паремиологической системе русского и таджикского языков

Репрезентация концепта «Гнев/Ғазаб» в паремиологическом фонде языковых картин мира имеет большую значимость, так как именно в паремиях мы находим вербализацию многовековых культурных ценностей, присущих многим языкам. По мнению И.А. Стернина, именно «паремии образуют номинативное поле концепта и тем самым выступают средствами его вербализации» [Стернин, 2002: 71]. Пословицы, поговорки и фразеологизмы являются основным источником, где хранятся культурные ценности того или иного народа, национальные стереотипы, объективирующие этапы жизнедеятельности какого-либо языкового сообщества, в них можно проиллюстрировать застывшие языковые элементы, в которых хранятся особенности реализации духовного мира народа.

Прием построения паремиологического поля концепта является основным, так как именно в паремиях «...мы находим застывшие осмысления того или иного концепта, складывавшиеся на протяжении длительного времени» [Попова, Стернин, 2007: 128]. Таким образом, анализ устойчивых сочетаний с номинантами изучаемого концепта позволил выявить в структуре понятия *гнев* определенные лексическо-семантические категории, которые пополняют номинативное поле исследуемого концепта и позволяют формировать национально-специфический характер русского и таджикского

этноса. Например, *гнев/газаб* в русской и таджикской лингвокультурах имеет отрицательный оттенок и может выражаться в значениях лексем: *злоба/злость, сердитость, вспыльчивость, ярость, безумие; қаҳр/чаҳл, хаши, кина, ситеза, оташин*.

Семантическая особенность понятия *гнев* в паремиологической системе русского и таджикского языков указывает на негативную сторону данной лексемы, и большинство паремиологических единиц описывают семантику гнева с отрицательной стороны. В связи с этим в пословицах, поговорках и фразеологизмах исследуемых языковых картин эмоциональное состояние гнева считается несвойственным разумному существу, и если гнев проявился, то сознание уже не контролируется разумом, т.е. гнев преобладает над разумом. Например:

В русском языковом сознании: *гнев гасит лампу разума и разогревает кулак; гнев – начало безумия; следуй голосу ума, а не гнева; у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах; гнев – враг, разум – друг; гнев шагает впереди, ум – сзади*.

В таджикском языковом сознании: *хаши андешаро мебарад (гнев уносит мысли, т.е. разум); ақл – дуст, чаҳл – душман (разум – друг, гнев – враг); чаҳл ақлро кунд мекунад (гнев притупляет разум); чаҳл ояд, - ақл мегурезад (когда приходит гнев – уходит разум)* [Калонтаров, 1989: 142, 377, 378; Калонтаров, 1965: 309].

Причина и следствие эмоции гнева могут быть разнообразными. Возникновение эмоции русская паремиологическая система связывает с действительностью, которая нас окружает. Во время коммуникации индивид получает определенную информацию, которая может быть воспринята сознанием негативно или положительно, в случае негативного восприятия информации, например, когда говорят правду в лицо или когда обманывают, человек может прийти в состояние гнева: *правдивое слово бога радует, а человека гневит; правдою жить – от людей отбить, неправдою жить – бога прогневить; нечего бога гневить, надо правду говорить; когда человек*

сердится – он неправ. Из этого следует, что гнев проявляется в результате воздействия каких-либо внешних раздражителей на сознание и подсознание человека и имеет отношение к его внутреннему миру. Кроме того, гнев имеет непосредственное отношение к духовному миру человека и относится к базовой эмоциональной природе человека наряду с печалью, радостью и др.

В русской и таджикской паремиологической системе концепт «Гнев/Ғазаб» описывает не только действительность, которая нас окружает, но и религиозную абстракцию, которая также указывает на нежелательность проявления этого чувства. В этой связи понятие *гнев* можно отнести к культурно-нравственным и индивидуально-физиологическим особенностям человека, которые имеют отношение к абстрактно-теологическим представлением о мире. Например:

В русском языке: *не гневи бога ропотом, молись ему шепотом; гнев божий – бедствие, постигающее человека, но пожар от грозы – божья милость; живет, хлеб жует, небо коптит да бога гневит; на это плакаться, только напрасно бога гневить, бога прогневишь – и смерти не даст; богу молись, а черта не гневи.*

В таджикском языковом сознании: *аз ғазаби худо тарсидан (бояться гнева господня); ба ғазаби худо гирифтор шудан (навлечь на себя гнев божий); қарздорӣ – қаҳри худо (долги – гнев божий)* [Калонтаров, 1965: 332; ФТЗТ, 2010: 364].

В паремиологической системе исследуемых языковых картин мира гнев связан не только с эмоциональными и духовно-теологическими особенностями человека, но и с некоторыми природными явлениями. Например, семантическую особенность гнева в русском и таджикском паремиологическом фонде может определить понятие огонь:

В русском языке: *у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев разжигает фантазии, да так, что можно обжечься; в гневе ты – как огонь, а в любви – как вода;*

В таджикском языковом сознании: *ба оташи қаҳри касе равган рехтан*

(подливать масло в огонь) в значении – *болои сӯхта намакоб; ба деги газаб оби сард рехтан (залить холодной водой пламя гнева); ҷаҳли касеро овардан (довести до белого каления)* в значении - *касеро оташин кардан* [Александров, 1984: 26, 39, 61].

Следует отметить, что данная эмоция имеет семантическую связь еще и с понятием *сила*, которая духовно заложена в человеке от природы (сила духа), возникающая в момент гнева и управляющая разумом и сознанием любого живого организма. Например:

В русском языке: *в бессилии гнев очень сильный; гнев – оружие бессилия; на сердитых воду возят; во гневу не наказывай/не карай во гневу; кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; господин гневу своему, господин всему; истинно могуч тот, кто побеждает самого себя;*

В таджикском языке: *зӯр касест, ки дар вақти ҷаҳл худдорӣ кунад (силен тот, кто в гневе сумеет сдержать себя); давои газаб – хомушиӣ (лекарство от гнев – молчание); қаҳрат (ҷаҳлат) ояд, биниатро газ (если ты сердиться, укуси свой нос); худро ба даст гирифтаан (держат себя в руках/сохранять самообладание)* [Калонтаров, 1965: 211, 171, 649; Александров, 1984: 25].

Как уже было отмечено выше, некоторые выражения имеют религиозно-метафизический оттенок, в них нашли отражение средневековые абстрактно-идеологические представления. Эти выражения имеют непосредственную связь с духовностью и религией, что обостряет их культурологическую особенность. В связи с этим в русском и таджикском языковом сознании понятие «гнев» объективируется с понятием *наказание*, т.е. с божественной карой за те или иные прегрешения: *«Живет, хлеб жует, небо коптит да Бога гневит»* (о бездельнике); *«Нечего бога гневить, надо правду говорить»* (об обманщике); *«На это плакаться, только напрасно Бога гневить»* (о пустяке); *«Аз газаби Худо тарсидан»* (бояться гнева Господа), *«Ба газаби Худо гирифтор шудан»* (навлечь на себя гнев Божий) и др.

Большинство паремиологических единиц в русской и таджикской языковых картинах имеют переносное значение, в этой связи необходимо рассмотреть метафорическую интерпретацию понятия *гнев*, который, по мнению О.Ю. Любимовой, представляет собой «...контейнер с горячей жидкостью, гневаясь, человек закипает, выпускает пар» или «гнев – это огонь, человек горит, вспыхивает, гнев гаснет» [Любимова, 2015: 94]. Данное сходство можно проанализировать в выражении «*Метать громы и молнии*» [Молотков, 1987: 246]; «*Аланга задани оташи қаҳру газаб-оташи газаб афрухтан*» (раздувание пламени гнева и ярости) [ФТЗТ, 2010: 94]. Однако, поскольку гнев является эмоциональным состоянием, он имеет определенные стадии развития. В пословицах, поговорках и фразеологизмах представлены особенности вербального и невербального выражения эмоционального состояния человека в момент гнева, а также отражается динамика развития данной эмоции. Например, выражение *действовать на нервы-играть на нервах* [Молотков, 1987: 179] *касоро асабонӣ кардан* [Александров, 1984: 23] может восприниматься как начальная стадия гнева. Любое разумное существо имеет свое представление о пределе своих возможностей, и когда этот предел доходит до крайности и невозможно больше терпеть, проявляется эмоция гнева. В результате происходит переход из одного состояния в другое, т.е. индивид кардинально меняется. Данное изменение можно проанализировать в выражении: *попасть под горячую руку* [Молотков, 1987: 402]; *ба аспи чаҳл савор шудан (прийти в неистовую ярость)* [Александров, 1984: 60]. Следовательно, невербальное проявление гнева начинается в то время, когда действуют на нервы, и человек начинает кипеть, мышцы шеи начинают напрягаться, руки сжимаются в кулак и др. Постепенно гнев начинает приобретать вербальную форму, которая может сопровождаться ругательными и бранными словами, или индивид может ударить того, кто действовал на нервы, и в результате тот попадает под горячую руку.

В конечном итоге индивид приходит в состояние, когда можно

использовать выражение «*снесло крышу, кровь закипела*» [Молотков, 1987: 213] – «*сар/асаб вайрон шуд, хун дар чуш омад*» [ФТЗТ, 2010: 82]. Это последняя стадия гнева, когда индивид доходит до такой предельной крайности, что становится совершенно неконтролируемым. Однако данный предел должен контролироваться разумом, который ассоциируется с положительной стороны и является основным инструментом человеческого мышления. Например, в пословице «*гнев – враг, разум – друг / ақл дуст, чаҳл душман*» [Калонтаров, 1989: 142] гнев имеет отрицательную семантику, а разум – положительную. Однако эмоция гнева является сильнее разума, потому что «*гнев шагает впереди, ум – сзади / чаҳл ояд, - ақл мегурезад*» [Калонтаров, 1989: 378].

Следует обратить внимание на тот факт, что каждая паремиологическая единица, в зависимости от метода исследования, может относиться к той или иной системе значений. В этой связи данная классификация является относительной. Различия в суждениях зависят от менталитета и культуры народа, ареальной распространенности и ассоциативных представлений. Кроме того, если рассмотреть иллюстративный материал с точки зрения семантики, то классификация системы значений концепта будет одна, а если рассмотреть со структурной стороны, то возможны различия.

В результате проведенного анализа мы пришли к выводу, что концепт «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской паремиологических системах имеет как универсальный, так и национальный характер, что достаточно точно отражается в пословицах и поговорках. Гнев является инструментом нашего сознания, который приводится в действие в тот момент, когда других возможных вариантов для решения возникшей ситуации не находится. Когда этот предел доходит до крайности и невозможно больше терпеть, гнев начинает преобладать над разумом и сознанием. В конечном итоге человек может впасть в состояние аффекта, когда разум и сознание полностью отключаются. Не случайно эта лексема связана с таким природным явлением, как огонь, который семантически отражает гнев с отрицательной стороны.

Например, когда человек в гневе, он начинает краснеть и воспаляться изнутри, и в определённый момент индивид может взорваться, как вулкан.

Динамика развития эмоции гнева в паремиологической системе исследуемых языков является последовательной и имеет негативный характер. Общие признаки накопления и проявления негативной эмоции в паремиологическом фонде русского и таджикского языков формально были разделены в предыдущих параграфах исследования на 3 этапа, статистическая особенность которых выглядит следующим образом:

1 этап, имеющий невербальную окраску и указывающий на начальную стадию гнева, может выражаться во взгляде или жесте: «возмущённый взгляд, отмахнуть с негодованием», когда *действуют на нервы/асабонӣ кардан*. Данный этап имеет почти равное количество иллюстративного материала: 24% русских и 25% таджикских паремиологических единиц относятся сюда.

2 этап, вербализующийся в конкретных действиях или пренебрежительных словах, указывает на неконтролируемое состояние индивида, когда он не в силах сдерживать свои эмоции. На данном этапе лучше всего не *попасться под горячую руку/ба аспи чаҳл савор шудаанд* (его невежеству и злобе не было предела), иначе последствия будут плохие. По статистическим данным, в русском языке встречаются меньше паремиологических единиц, которые относятся к этому этапу, чем в таджикском языке: 16% в русском языке, 25% в таджикском языке.

3 этап, имеющий тесную связь с духовностью и культурой, может противостоять разуму, и вопрос контроля над внутренним эмоциональным состоянием является основным. Ведь когда *сносит крышу/асаб вайрон шавад* или когда *кровь кипит/хун дар ҷӯш ояд* индивид может впасть в состояние аффекта, который, по словарю Д.Н. Ушакова, понимается, как «*состояние запальчивости и раздражения*» [Ушаков, 2014: 25]. Следовательно, самым опасным и губительным эмоциональным состоянием можно считать 3 этап проявления негативной эмоции, при котором индивид способен совершить

любые поступки и не помнить их. Данный этап насыщен иллюстративным материалом и в русской паремиологической системе встречается больше паремиологических единиц, которые относятся к этому этапу, чем в таджикском языке: 60% в русском языке, 50% в таджикском языке.

Как видим, в русской и таджикской паремиологических системах гнев имеет отрицательный характер, который приводит человека к негативным поступкам; это состояние непосредственно связано с нашим окружением, мы не в силах его контролировать, и гнев берет верх над разумом. Кроме того, в русской и таджикской языковой картине данная эмоция может иметь одинаковую вербализацию, однако паремиологические единицы, описывающие понятие *гнев* в русской языковой картине, количественно преобладают. Таджикский язык также обладает богатым фразеологическим запасом, который представляет большой интерес для дальнейших исследований.

Выводы по второй главе

В результате анализа было выявлено, что в состав номинативного поля концепта «Гнев» можно включить четыре наиболее значимые категории частей речи: существительное, прилагательное, глагол, наречие. По синтаксической роли в предложении слово *гнев* может выступать в функции всех членов предложения и способен сочетаться с местоимением, с существительным и выступать в качестве глагола, действие которого направлено на определенный объект, или совершается самим субъектом. Анализируемый концепт и состав деривационного поля могут выступать в роле всех членов предложения. Гнев имеет структурно-семантическую и лексико-грамматическую связь с такими понятиями, как: *гной, яд, желчь, сила, огонь* или *пламя* и др.

1. Ядро номинативного поля анализируемого концепта в русском языке можно описать посредством лексем *гнев* и *злость*, которые взаимодополняют друг друга, однако «*злость* в отличие от *гнева* не осложняется семантикой

обязательной высококогнитивной оценки и, как следствие, особой значимости каузатора эмоции. Об этом свидетельствуют невозможность употребления слова *гнев* в сочетании с животными (в противоположность злости – *собака злилась*) или в сочетании с «незначительным» каузатором (*гневатся за недосоленный суп, небольшое опоздание*)». В таджикском языке ядро номинативного поля реализовывается посредством концепта «Ғазаб».

2. По семантическим признакам концепт «Гнев» в русском и таджикском языках характеризуется как нежелательная эмоция, которая преобладает над разумом. Анализируемый концепт имеет причинно-следственные признаки, которые зависят от окружающей действительности, описывает абстрактно-теологическую категорию бытия, которая проявляется в культурно-нравственных и индивидуально-физиологических особенностях человека. Когда гнева проявляется, индивид произвольно становится сильнее.

3. Метафорические признаки гнева в паремиологическом фонде анализируемых языков репрезентируются в нескольких последовательных и взаимосвязанных этапах.

ГЛАВА 3. СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КОНЦЕПТА «ГНЕВ» В РУССКОМ И ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКАХ (ЗОНЫ БЛИЖНЕЙ, КРАЙНЕЙ И ДАЛЬНЕЙ ПЕРИФЕРИИ)

Глава посвящена анализу периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковой картине и лингвистической интерпретации средств и методов реализации данного эмоционального состояния в системе двух разноструктурных языков. В качестве иллюстративного материала для анализа периферийных лексем были использованы различные источники: толковые, этимологические, синонимические, словообразовательные словари.

Структурно-семантическое поле периферийных лексем концепта «Гнев» имеет несколько этапов эмоционального развития и может реализоваться посредством существительных, прилагательных, глаголов, наречий и причастий. Все этапы динамически реализовываются конкретными лексемами синонимического ряда, каждый из которых имеет свою семантическую особенность. К начальному этапу относятся понятия: *негодование, возмущение* в русской языковой картине, *хаши, қаҳр* в таджикской языковой картине, которые в большей степени имеют невербальную окраску, относятся к ближней периферийной системе и могут выражаться в жесте, мимике и т.д. Ко второму этапу относятся лексемы: *ярость, бешенство* в русской языковой картине, *оташинӣ, асабӣ/онӣ* в таджикской языковой картине, которые передают семантику плохого эмоционального состояния, относятся к крайней периферии и сопровождаются грубыми словами и непредсказуемыми действиями. Последний этап реализовывается в понятиях: *исступление, остервенение* в русской языковой картине, *чаҳл* в таджикской языковой картине, которые находятся в крайней периферийной системе и в большей степени описывают болезнь, которая поражает нервную систему человека и приводит к сбою в организме.

В номинативное поле исследуемого концепта можно включить и различные словообразовательные элементы, имеющие семантическую и морфологическую деривацию, а также синтаксические конструкции, объективирующие в своей семантике исследуемую эмоцию (злость, сердитость и др.). Данное исследование не может охватить всю языковую систему относительно понятия «Гнев», т.к. данный концепт имеет эмоционально-окрашенную семантику, и при его исследовании возникают сложности относительно границ эмоционального состояния. Кроме того, обширность исследуемой проблемы не даёт возможности провести комплексное исследование в рамках одного семантического анализа.

3.1. Структурно-семантический анализ концепта «Гнев» в лексической системе русского языка

Анализ структурно-семантических особенностей периферийной системы гнева строится на основе классификации З.Д. Поповой и И.А. Стернина, которые утверждают, что «периферийный статус того или иного концептуального признака вовсе не свидетельствует о его малозначности или маловажности в поле концепта, статус признака указывает на меру его удалённости от ядра по степени конкретности и наглядности образного представления [Попова, Стернин, 2001: 60]. Следовательно, периферийные лексемы необходимо выявлять на основе анализа синонимических и антонимических словарей, а также по частотности выражения лексем в толковых словарях. Выявленные периферийные лексемы анализируются на материале толковых словарей разного периода издания, что позволяет рассмотреть лингвокультурные особенности выражения гнева.

Реализация периферийной системы концепта «Гнев» в русской языковой картине основывается на анализе динамической системы выражения негативных эмоций. Интенсивность проявления эмоции зависит от особенностей окружающей среды и воздействия этой среды на психику индивида. Например, если человека раздражает шум, он начинает

возмущаться и *негодовать*, а если ответ на возмущение будет отрицательным, то индивид может впасть в состояние *ярости* и *бешенства*, конечным результатом которых может быть состояние *исступления* и *остервенения*. Таким образом, анализ материала словарей показал, что в русском языке гнев имеет три этапа развития, каждый из которых реализуется посредством конкретных лексических единиц ближней, дальней и крайней периферийной системы.

3.1.1. Структура и семантика лексем ближней периферии

негодование, возмущение

Лексическими единицами, входящими в состав ближней периферийной системы номинативного поля концепта, являются слова *возмущение* и *негодование*, которые в толковых словарях русского языка представляются как структурно-семантические составляющие компоненты концепта «Гнев» и выражают начальную стадию развития данной эмоции. Для выявления семантических особенностей эмоции *гнева* лексемы *возмущение* и *негодование* будут анализированы с позиции разных толковых словарей русского языка:

Лексема *возмущение* в словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой имеет 3 значения: 1. *Возмутить, -ся. (см.)* 2. *Сильное раздражение, негодование.* 3. *Восстание, мятеж*», и связана с народом в словосочетании «*Возмущение крестьян*» [Ожегов, Шведова, 2010: 93]. Однако, в словаре Д.Н. Ушакова семантическая особенность существительного *возмущение* заключается в деривационных лексемах, выраженных инфинитивами *возмутить* и *возмутиться*, т.к. само слово *возмущение* в данном словаре не анализируется. Данные лексемы имеют отношение к психическому состоянию самого индивида в момент гнева и выполняют функцию раздражителя по отношению к какому-нибудь человеку. Как видим, авторы связывают лексему *возмущение* с психическим состоянием, имеющим негативный характер, и относящимся и к отдельному индивиду, когда он

выходит из состояния покоя и начинает бушевать, и к группе лиц, когда поднимается бунт против какой-либо несправедливости.

В первом словаре даётся ссылка на глагол *возмутить*, *-ся*, который во втором словаре рассматривается отдельно. Инфинитив семантически выделяется тем, что в толковых словарях также интерпретируется двояко: 1. *Вывести из состояния покоя*; 2. *Привести в негодование, в возмущение* [Ушаков, 2014: 93], 1. *Вызвать у кого-нибудь чувство негодования, раздражения*; 2. *Поднять мятеж* [Ожегов, Шведова, 2010: 93]. Структурная особенность лексемы *возмутить* по словарной системе заключается в том, что глагол имеет совершенный и несовершенный вид, и от него можно образовать страдательное причастие прошедшего времени: «*Возмутить, -ущу, -утишь, -ущенный, (-ён, ена) // возмущать, -аю, -аешь* [Ожегов, Шведова, 2010: 92-93].

Семантические особенности лексемы *возмущение* по лексико-семантической сочетаемости выглядит следующим образом: «*Чувство возмущения. В крайнем возмущении кто-нибудь. Возмущение крестьян*» [Ожегов, Шведова, 2010: 93]. Как видим, лексема может согласоваться с прилагательным *крайнем*, что указывает на степень физиологического состояния индивида и может относиться, как к отдельному индивиду, так и к группе людей, но прежде всего возмущение является эмоциональным состоянием, связывающим нас с окружающим миром.

Следующая лексема ближней периферии – *негодование*. Данная лексема интерпретируется как форма проявления недовольства против внешних раздражителей, и в словарной структуре выглядит следующим образом: *возмущение, крайнее недовольство* [Ожегов, Шведова, 2010: 403]. Данная лексема в своей структуре имеет три разряда семантических слоёв – это само слово *негодование*, которое выражено именем существительным, глагол *негодовать* и причастие *негодующий*, который относится к высокому стилю языка.

Глагол *негодовать* в словарной системе имеет семантику относительности, так как эта эмоция связана с несогласием: *испытывать, проявлять негодование* [Ожегов, Шведова, - 2010: 403]. Данное эмоциональное состояние возникает в то время, когда индивид не может согласиться с действительностью и начинает в метафорическом значении *кипеть* от несправедливости. Для выявления структурных признаков исследуемого концепта необходимо определить категорию сочетаемости. Лексико-семантическая сочетаемость глагола *негодовать* с другими частями речи по словарю выглядит следующим образом: *негодовать на клеветника; негодовать против несправедливости* [Ожегов, Шведова, 2010: 403].

Причастие *негодующий* в современной русской языковой картине используется крайне редко. Это, прежде всего, связано с тем, что данная лексема относится к высокому стилю языка. В словаре семантические особенности причастия репрезентируются следующими лексемами: *полный негодования, выражающий негодование* [Ожегов, Шведова, 2010: 403]. Сочетаемость лексемы с другими частями речи: *негодующая речь; негодующий жест* [Ожегов, Шведова, 2010: 403]. Как видим, лексема может выражаться как вербально, так и невербально, т.е. негодующим может быть речь и жест. Данное слово имеет непосредственное отношение с психикой индивида и направлено против кого или чего-либо.

Следует отметить, что по словарю Д.Н. Ушакова номинативное поле концепта «Гнев» было обогащено одной лексической единицей *раздражение*, которое формально нами было включено в состав ближней периферии. Семантическая особенность лексемы заключается в его отношении к окружающей среде, т.к. причиной раздражения всегда является внешнее влияние на наше сознание. По словарю Д.Н. Ушакова лексему можно рассмотреть в 3 аспектах, это – «1) действие по глаголу *раздражать*; 2) состояние по глаголу *раздражиться*», а семантическая особенность гнева выражается в эмоциональном описании понятия *раздражение*, как «3)

чувство гнева, недовольства, озлобления, острого возбуждения» [Ушаков, 2014: 574].

Значит, возмущение, негодование и раздражение можно рассмотреть как негативное эмоциональное состояние, связанное с внутренним миром и чувством индивида. В них выражена полная семантика гнева, они могут быть выражены различными частями речи, и данные лексические единицы имеют семантику начальной формы проявления гнева. Следовательно, лексемы ближней периферийной системы концепта «Гнев» описывают действие, состояние и анализируют эмоциональное поведение индивида в этот момент.

3.1.2. Структура и семантика лексем крайней периферии *ярость, бешенство*

Следующие лексические единицы синонимического ряда, входящие в состав номинативного поля концепта «Гнев» являются лексемы *ярость* и *бешенство*. Данные лексемы находятся в крайней периферийной системе исследуемого концепта и выражают более нейтральную семантику гнева, т.е. индивид в гневе может от ярости попасть в состояние бешенства, которое имеет семантику болезни.

Лексема *ярость* имеет сложную семантическую структуру, потому что в толковых словарях приводятся разные семантические признаки данного слова. Например, в словаре под редакцией С.И. Ожегова 1973 года издания лексема *ярость* имеет два значения: 1. *Сильный гнев.* 2. *Напор, неукротимость* [Ожегов, 1973: 842]. В первом значении лексема имеет прямое отношение к концепту «Гнев», и относится к высшей форме его проявления, а во втором семантическая связь более подходит к природным или естественным явлениям. Данное суждение можно проанализировать на примере словосочетаний из словарной статьи: 1 *Прийти в ярость.* 2. *Ярость волн* [Ожегов, 1973: 842]. Однако, в более новом словаре современного русского языка под редакцией Д.Н. Ушакова семантика ярости реализуется тремя признаками: 1. *Сильный гнев, озлобление.* 2.

Неукротимость, крайняя устремлённость, напор. 3. У животных – возбуждённое состояние в период течки [Ушаков, 2014: 798]. В данных словарях в первом и во втором значениях схожая структурно-семантическая связь, за исключением лексемы *озлобление*, которая приводится в первом толковании Д.Н. Ушакова. Как видим, в третьем значении автор связывает ярость с животным миром, указывая на самый агрессивный период их жизни.

Лексема *озлобление*, извлечённая из словарной статьи Д.Н. Ушакова, является семантически-составляющим компонентом концепта «Гнев», т.к. описывает эмоциональное состояние индивида в момент гнева. В данном словаре лексема реализуется посредством 3 существительных: *злоба*, *злость*, *злорадство*, и 1 прилагательного *злой*. Существительные *злоба* и *злость* в своей семантике соотносятся друг с другом и выражают одну и ту же категорию: *злость – злое, полное раздражённой враждебности настроение; злоба – чувство гневного раздражения, недоброжелательства против кого-н.* [Ушаков, 2014: 175]. Лексема *злорадство* по семантическим параметрам имеет двоякую структуру, так как может отнестись к эмоциям радость и злость: *злорадная радость при несчастье другого* [Ушаков, 2014: 175]. По грамматическим особенностям данные существительные не имеют множественного числа, и чаще всего в словаре встречаются в сочетании с глаголами: *испытывать злобу, питать злобу; почувствовать прилив злости, зло берет меня* [Ушаков, 2014: 175].

Семантические признаки прилагательного *злой* являются разнообразными в структуре словаря С.И. Ожегова и Д.Н. Шведовой. В реализации данной лексемы используются 6 лексических значений, которые имеют следующую структурно-семантическую связь: *охваченный, проникнутый зло; дурной, недобрый, бедственный; исполненный злобы, злости; причиняющий боль, жестокий; выражающий злобу, злость* [Ушаков, 2014: 175]. По грамматическим признакам словарной статьи из прилагательного можно образовать наречие *зло*, которое имеет отношение к духовному миру людей. Кроме того, лексема может согласоваться с такими

абстрактными существительными как *дух, воля* и иметь невербальную форму проявления: *злой дух, злая сила, злая воля; злое лицо* [Ушаков, 2014: 175]. Таким же образом в словаре под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой лексема *злость* имеет множество лексических признаков, которые имеют различную структурно-семантическую окраску. Например, встречаются лексемы со словообразовательной основой наречия зло: *злоба, злобится, злободневный, злобствовать, зловецкий, зловоние, зловредный, злодей, злосчастный* [Ожегов, Шведова, 2010: 230-231]. Данные лексемы имеют свою особую лексико-семантическую характеристику в словарной системе и относятся к эмоциональной и духовной природе человека.

Вторая лексическая единица синонимического ряда *бешенство* относится к крайней периферийной системе концепта «Гнев», имеет семантическую связь с животным миром и относится к ментальной природе человека. В словарях приводятся разные интерпретации данной лексемы, но основное значение относится к острой заразной болезни животных и человека, передающейся укусом бешеного животного и сопровождающейся невозможностью глотать жидкость. Данная болезнь может передаваться не только укусом, но и при попадании слюны бешеного животного (собаки, волка, кошки) на открытую поверхность кожи. С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова в словаре интерпретируют лексему как: *вирусное заболевание, поражающее нервную систему* [Ожегов, Шведова, 2010: 47]. Значит, при соприкосновении с бешеным животным нервная система поражается, и это может привести к тому, что индивид потеряет контроль над своим разумом. В словаре во втором значении данная лексема имеет семантику силы, которая зависит от характера и волевых качеств индивида: *крайняя степень раздражения* [Ожегов, Шведова, 2010: 47].

Следовательно, бешенство можно рассмотреть, как некий сосуд, который наполнен горячей жидкостью, и когда индивид раздражён до предела, этот сосуд лопается и возникает невероятный прилив силы. Невозможно обуздать данную силу, потому что она контролируется

характерными особенностями того или иного этнического сообщества. В грамматическом плане лексема может быть выражена прилагательным *бешеный*, который также понимается, как: *необузданный, крайне раздражительный* [Ожегов, Шведова, 2010: 47].

Из этого следует, что лексема *бешенство* в первом значении может находиться в дальней периферийной системе концепта «Гнев». Во втором значении бешенство отражает семантику раздраженного, злого человека, и может быть выражено в понятиях: *неистовство, ярость, сумашествие* и др. Кроме того, бешенство в своей семантической системе может иметь значение большого, величавого предмета, и по лексико-фразеологической сочетаемости в словарной структуре рассматривается как мера ценности, и тем самым указывает на объём: *бешеные деньги, бешеные цены, бешеные скидки* [Ожегов, Шведова, 2010: 47].

Ярость и бешенство семантически связаны с концептом «Гнев» в когнитивном аспекте и относятся к описательным компонентам данного эмоционального состояния. Они находятся в системном отношении второй стадии проявления эмоции гнева, когда предел начальной стадии превышает стабильную норму.

3.1.3. Структура и семантика лексем дальней периферии

исступление, остервенение

Лексемы *исступление* и *остервенение* синонимического ряда номинативного поля концепта «Гнев» по своим семантическим признакам относятся к последней стадии проявления гнева, и находятся в дальней периферийной системе изучаемого концепта.

Исступление в толковых словарях имеет 2 семантических признака. Эти признаки заключены в значении самой лексемы *исступление*, которое выражено существительным, и в значении прилагательного *исступлённый*. В данном словаре анализируемая лексема имеет эмоционально-окрашенную семантику, и понимается как возбуждённое состояние организма, при

котором теряется контроль над разумом: *крайняя степень возбуждения, страсти* [Ожегов, Шведова, 2010: 772], а в словаре Д.Н. Ушакова существительное *исступление* рассматривается, как: *состояние крайнего возбуждения, при котором теряется самообладание* [Ушаков, 2014: 203]. Как видим, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова связывают данную лексему со значением *страсть*, в толковании: *крайняя степень возбуждения, страсти* [Ожегов, Шведова, 2010: 254]. Лексема *страсть* в данном словаре имеет семантику: *страх, ужас «до страсти перепугался»* [Ожегов, Шведова, 2010: 772]. Однако Д.Н. Ушаков связывает страсть с гневом в значении «*у спорящих разыгрались страсти*» [Ушаков, 2014: 658]. Из этого следует, что одни и те же лексические единицы в разных словарях имеют разную структурную и семантическую интерпретацию, что позволяет выявить их когнитивные признаки в языковой картине русского народа.

Прилагательное *исступленный* по словарю Д.Н. Ушакова имеет следующие значения: *Исступлённый – крайне возбуждённый, болезненно аффективный* [Ушаков, 2014: 203]. Семантическая связь лексемы *исступлённый* выражена и в толковании слова *аффект* в этом же словаре: *Аффект – состояние запальчивости и раздражения* [Ушаков, 2014: 25]. Лексема *запальчивость* имеет семантику огня и рассматривается как: 1. *Легко приходящий в раздражение, гнев.* 2. *Полный раздражения, гнева* [Ожегов, Шведова, 2010: 214], и может согласоваться с существительными *запальчивый – человек, нрав, характер*. Значит, прилагательное *исступлённый* понимается, как состояние, при котором индивид становится сильнее, и эта сила направлена против того, что вызвало данное состояние.

Существительное *остервенение* имеет лексико-грамматический дериват, выраженный глаголом *стервенеть*. В словаре лексема указывает на состояние индивида, когда он «*приходит в крайнюю ярость, возбуждение*» начинает «*свирепеть*» [Ожегов, Шведова, 2010: 767]. В данном толковании приводится новая лексическая единица *свирепеть*, которая указывает на состояние индивида, когда он «*становится свирепым*» или начинает

«*рассвирепеть*» [Ожегов, Шведова, 2010: 702]. По лексико-семантическим параметрам прилагательное *свирепый* относится к крайней периферийной системе понятия «Гнев», и реализуется посредством двух толкований: 1. *Зверский, жестокий, неукротимый*. 2. *Очень сильный, пагубный* [Ожегов, Шведова, 2010: 703]. Значит, в момент гнева индивид становится неуправляемым и неукротимым, а также лексема может иметь структурно-семантическую связь с понятием *сила*, которая, чаще всего, приносит вред и бывает пагубным для человека.

Следовательно, лексемы дальней периферии описывают гнев как одну из форм болезни человека или животного. Это значение можно рассмотреть в сочетании *взбешенный – слон, отец, муж* в женском роде *взбешенная – супруга, мать, собака* и др. Значит, по словарной структуре можно выявить семантическую категорию концепта «Гнев», понимаемую как болезнь, которая имеет определённый временной промежуток. В этом же значении можно рассмотреть семантику лексемы *буйный*, который понимается, как: *гневный, своевольный, непокорный* [Ушаков, 2014: 47].

3.2. Структурно-семантический анализ концепта «Ғазаб» в лексической системе таджикского языка

Как уже было отмечено выше, особенности структурно-семантической природы периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» строится на базе синонимических словарей. В таджикской языковой картине анализ словаря синонимов под редакцией М. Мухаммадиева показал, что реализация семантических особенностей анализируемого концепта строится на основе синонимического ряда лексемы ближней периферии *қаҳр*, потому что сам концепт «Ғазаб» в словаре не рассматривается. В словарной статье лексема *қаҳр* включает в свой состав следующий ряд лексических единиц *газаб, хаши, оташинӣ, шӯриш, чаҳл* [Мухаммадиев, 1975: 245], которые имеют те или иные семантические признаки. Анализ материала толковых словарей позволил выявить ещё одну лексему периферийной системы гнева –

асабӣ/онӣ, которая во втором значении указывает на *хаимгин*, *газабнок* [ФТЗТ, 2010: 85] и относится ко второй стадии развития анализируемого негативного эмоционального состояния. Кроме того, анализ толковых словарей позволил выявить место каждой лексемы в системе ближней, крайней и дальней периферии концепта, и определить их семантические признаки и структурные особенности.

В результате анализа периферийных лексем концепта «Гнев/Ғазаб» в структурно-семантической системе словарей разного периода издания было выявлено, что вербализация эмоционального состояния зависит от восприятия индивидом окружающей среды и влияния этой среды на его психику. Таким образом, лексические единицы *қаҳр* и *хаим* рассматриваются как репрезентанты ближней периферийной системы гнева, т.к. по семантическим признакам указывают на начальную стадию развития эмоции. К лексическим единицам крайней периферии по семантическим признакам и частотности употребления в словарях относятся понятия *асабӣ/онӣ* и *оташинӣ*, потому что по динамике развития эмоции гнева указывают на последующую стадию, т.е., когда наступает состояние *қаҳр* и *хаим*, нарушается нервная система индивида, он начинает нервничать, злиться и гореть как пламя (оташи Ғазаб/пламя гнева). Дальняя периферия концепта реализовывается в значении лексемы *чаҳл*, которая по своим семантическим особенностям и структурным признакам репрезентирует последнюю стадию развития эмоции гнева в таджикском языке. Рассмотрим все лексические единицы периферийной системы концепта «Ғазаб/Гнев» в лексико-семантической системе таджикского языка на основе материала толковых и переводных словарей.

3.2.1. Структура и семантика лексем ближней периферии

хаим, қаҳр

Структурно-семантическая особенность концепта «Ғазаб/Гнев» в лексической системе таджикского языка выражена в лексических единицах

ближней периферии *хаши* и *қаҳр*, которые являются семантически-составляющими компонентами концепта «Гнев/Ғазаб» в таджикской языковой картине. Особенность репрезентации данных лексем в толковых словарях реализовывает различные смысловые признаки и структурные категории изучаемого концепта и указывает на начальную стадию выражения эмоции гнева.

Семантическая категория лексемы *хаши* в таджикско-русском словаре реализовывается посредством понятий *гнев, ярость; злоба; раздражение* [Мирбобоев, 2006: 662], а в толковом словаре лексема понимается как *қаҳр, ғазаб, ҷаҳл* [ФТЗТ, 2008: 449]. Всего по структуре толкового словаря лексема *хаши* имеет 10 дериватов, выраженных различными категориями слов как: *хашимангез, хашимгин, хашимгинӣ, хашимгинона, хашимнок, хашимноқӣ, хашимовар, хашиمولуд, хаши-хаши* [ФТЗТ, 2010: 449]. Следует отметить, что в словаре более раннего издания лексема имеет и другую графическую и фонетическую форму *хаши//хиши – ғазаб, қаҳр* (раздражение – гнев, негодование). Кроме того, в словаре встречаются и другие деривационные лексемы, которые выражены именами прилагательными *хашимгир, хашимин, хашиمولуд, хашимтоб* [Шукуров, 1969: 473].

Особенности субъективной и объективной модальности лексико-семантического слоя ближней периферийной системы концепта «Ғазаб» по данным словарям выражаются именами прилагательными. По семантическим признакам прилагательные имеют ярко выраженную окраску и могут относиться и к самому индивиду, когда он приходит в состояние гнева, и могут быть направлены против кого-либо, чтобы его рассердить. Модальная особенность лексем зависит от окружающей действительности, когда кто-то или что-то раздражает человека, и он начинает злиться и сердиться. Лексема *хашимтоб* указывает на высшую степень гнева и в словаре понимается, как *касе, ки сахт ғазабнок мешавад* (тот, кто сильно разгневан) [Шукуров, 1969: 473]. Остальные лексемы описывают эмоциональное состояние индивида в момент гнева.

Прилагательное *хаимгин* по словарю имеет семантическую связь с понятием *огонь*: *хаимгин* – *оташин*, *газабнок*, *дар ҳолати хаим* (негодующий – огненный/горячий, разгневанный, в момент злости) [ФТЗТ, 2008: 433]. Понятие *оташин/огненный* относится к физиологической природе человека и понимается как эмоциональное состояние, при котором инстинкты берут верх над разумом. Например, лексема *хаимгинона* описывает состояние *дар ҳолати қаҳру газаб*, *бо қаҳру газаб*, *қаҳролуд* (в момент ярости и гнева, с яростью и гневом, разгневанный) [ФТЗТ, 2008: 433].

Анализ деривационных лексем относительно понятия *хаим* по структуре толковых словарей таджикского языка репрезентирует огромный пласт лексических единиц, описывающих эмоциональное состояние гнева. Наиболее ярко выраженную окраску имеют добавочные элементы с понятиями *бад* и *пур* (*бадхаим*, *пурхаим*). В таджикско-русском словаре лексема *бадхаим* понимается как *сердитый*, *раздраженный*, *гневный* [Калонтаров, 2008: 31], а по толковому словарю лексема *бадхаим* имеет 3 формы проявления эмоции гнева, это само слово *бадхаим* и *бадхаимӣ* (сердитость, злость), выраженные именем существительным и и наречие *бадхаимона* (сердито/рассерженно) [ФТЗТ, 2010: 122].

Лексема *пурхаим* по таджикско-русскому словарю понимается как *полный гнева*, *гневный* [Калонтаров, 2008: 219], а по толковому словарю имеет две формы проявления гнева, это само слово, выраженное именем существительным, и наречие *пурхаимона*. Каждая номинативная единица (*бад-*, *пур-*) имеет пересекаемую линию, которая реализуется в категориях состояния и действия. Например, прилагательное *пурхаим* указывает на напряженное эмоциональное состояние человека в момент гнева, а *пурхаимона* – на его действие. Таким же образом можно проанализировать семантику понятия *бадхаим* и *бадхаимона*, первый из которых указывает на состояние человека в момент гнева, а второй – на его действие.

Каждая лексическая единица имеет свою динамику развития, которая начинается с восприятия действительности, затем действительность

оказывает воздействие на сознание, в нашем случае негативное воздействие, в результате терпению приходит конец и индивид становится гневным/*бадхаим*, в конечном итоге все заканчивается в действиях, словесных или физических. К словесным действиям, по мнению Чоршамбиевой З.А., можно отнести «периферийные лексические единицы, выражающие проявление гнева: *дашном додан, хакорат кардан; муноқиша кардан, ба якдигар гап паронӣ кардан; чанчол кардан— ругаться; вайрон кардан, зарар расондан – пакостить*», а к физическим действиям автор относит «лексические единицы, выражающие вербальную и невербальную репрезентацию гнева: *занозанӣ, афту дарафт, даст ба гиребонӣ – драка; занозанӣ сар кардан – затеять драку; ба афту дарафт дармондан – лезть в драку; кор ба занозанӣ оид шуд – дело дошло до драки*» [Чоршамбиева, 2020: 114-115].

Лексико-семантическая сочетаемость существительного *хаим* с другими частями речи показала, что семантика эмоции гнева может выражаться посредством мимики *ало-ало нигоҳ кардан – бо норизоӣ ва хаимгинӣ нигоҳ кардан, бо назари бад нигаристан* (косо смотреть – с несогласием и гневом смотреть, недоброжелательный взгляд) [ФТЗТ, 2010: 56]; *қавоқу димоғ андохтан – бо ифодаи чеҳра ошкор сохтани хиратабъӣ ва баён кардани хаиму норозигӣ* (строить злое и обиженное лицо – по мимическим признакам показывать своё недовольство, выражать негодование и несогласие) [ФТЗТ, 2010: 652]. Кроме мимических признаков состояние гнева можно определить и по дыханию *хаи-хаи – хаимолуд нафас гирифтани, канда-канда бо овоз нафас кашидан* (гневно дышать, прерывисто со звуком выдыхать воздух) [ФТЗТ, 2010: 433] и в улыбке *неишанд – хандае, ки аз рӯи хаим ва асабоният мекунанд* (злорадство – радость, которая проявляется из-за гнева и злости) [ФТЗТ, 2010: 910].

Общая лексико-семантическая сочетаемость слова *хаим* по толковым словарям разного периода издания выглядит следующим образом: *дар сари хаим* (в момент гнева и злости), *хаим гирифтани* (разозлиться), *хаим кардан*

бар касе (гневаться или злиться на кого-либо), *ба хашим овардан* (разозлить или раздражать), *ба хашим омадан* (разозлиться или раздражаться), *хаширо фуру бурдан* (заглушить злость и раздражение) [ФТЗТ, 2010: 449]. Примером использования лексемы *хашим* может служить поговорка, приведенная в таджикско-русском словаре *хашим андешаро мебарад/досл. гнев лишает разум; гнев – кратковременное безумие* [Мирбобоев, 2006: 662]. Данный пример описывает состояние, которое в настоящее время реализуется посредством понятия *аффект*. Данное слово в русско-таджикском словаре понимается, как состояние *чунун, девонагӣ, бехудӣ* (сумасшествие, безумие, умопомешательство, бешенство) [Осими, 1985: 42].

Лексема *хашим* в зависимости от структуры предложения может выполнять разную функцию и выступать в роли разных членов предложения. Наиболее часто лексема выступает в качестве распространителей по отношению к предикативному центру, т.е. выступает в качестве второстепенных членов предложения, структурно замещая свою роль в тексте.

Особенности репрезентации структурного слоя лексем ближней периферии относительно концепта «Ғазаб» показал, что наиболее часто лексема *хашим* подвергается процессу субстантивации и адъективации, т.е. реализуется посредством существительных и прилагательных. Кроме того, лексема может быть выражена при помощи глагольных сочетаний, наречий и причастий. Структурная особенность по лексико-семантической сочетаемости показала, что лексема *хашим* может выступать как в роли главных, так и в роли второстепенных членов предложения и описывать, как душевное, психическое состояние, так и действие индивида в момент гнева.

Следующая лексема ближней периферии *қаҳр* относится к числу основных номинативных единиц, описывающих состояние индивида в момент гнева. Семантическая особенность лексемы *қаҳр* имеет непосредственное отношение с психическим состоянием индивида и выполняет функцию внешнего раздражителя, т.е. индивиду можно самому

қахр кардан – *сердиться, злиться, обижаться* или же он может *ба қахр овардан* – *рассердить, разозлить, обижать* кого-либо. В русском языке понятие *қахр* передается посредством лексем *гнев, раздражение, злость, обида* [Калонтаров, 2008: 153]. Структура лексемы по толковым словарям разного года издания реализуется посредством 3 значений, каждый из которых имеет свою семантическую особенность.

В одном из значений семантическая особенность лексемы определяется как *галаба, голибият*, во втором значении понятие *қахр* в том же словаре передается двумя новыми лексико-семантическими единицами *чабр* и *зулм*, каждая из которых частично реализовывает когнитивные признаки эмоции гнева в таджикском языке. Лексема *чабр* по структуре словаря 1969 года реализуется посредством 3 значений, первое из которых имеет семантическую связь с понятием гнев: *1. зӯрӣ, ситам, чавр, зулм* (насилие, притеснение, несправедливость, гнёт), это все то, что приводит человека в состояние гнева. [Шукуров, 1969: 763]. Следовательно, когда притесняют, угнетают и поступают несправедливо, в сознании индивида происходит процесс бифуркации, т.е. спокойный человек превращается в свирепого. Лексема *зулм* по толковому словарю нового периода издания понимается как *ситам, чабр, чафо; бедодӣ, ситамгарӣ, беадолатӣ; зулм кардан – ситам кардан, тааддӣ намудан, зӯрварӣ кардан* (притеснение, угнетение, мучение; совершение беззакония, притеснение, несправедливость; угнетать – притеснять, посягать, проявлять насилие) [ФТЗТ, 2010: 550]. Как видно, лексема *зулм* реализовывает семантику как индивидуального, так и национального характера, и приносит вред и тому, кто его совершает, и тому, над кем совершается это действие. Следовательно, лексему *зулм* можно понять как угнетение, насилие и посягательство, а *чабр* – это притеснение, несправедливость и обида.

В третьем значении по словарю 1969 года издания лексема *қахр* реализуется в понятиях *хаши, газаб*. Анализ иллюстративного материала показал, что лексема *қахр* вступает в лексико-семантическую связь с

глаголом *кард*, который можно передать одним понятием *рассердился*, *обиделся*, а в сочетании *бо қаҳр рондан* лексема выступает в качестве распространителя, выражая образ действия по отношению к основному признаку. Это связано с типологическими особенностями морфологической структуры слова в таджикском языке.

В словарной статье по лексической сочетаемости выражение *қаҳр кардан* имеет два значения а) *хашимгин шудан; хафа шудан* (злиться, рассердиться, обижаться); б) *нобуд кардан; зер кардан, галаба кардан* (уничтожить, переехать/переступить, победить) [Шукуров, 1969: 684]. Значит, лексеме можно понять в значениях *гнев* и *обида*, или *уничтожение* и *победа*.

В словаре 2010 года, изданного Институтом языка и литературы им. Рудаки Национальной академии наук Республики Таджикистан под общей редакцией С. Назарзода, А. Сангинова, С. Каримова, М.Х. Султона, лексема *қаҳр* имеет другой круг лексико-семантических единиц, которые описывают основные категории понятия «Гнев» в таджикской языковой картине. Данные категории реализуются в таких лексических единицах как *итоб* и *ситеза*, каждая из которых по-своему показывает динамику развития концепта «Гнев» в толковых словарях таджикского языка:

По словарю 1969 года выпуска лексема *итоб* имеет два структурно-семантических признака: 1. *сарзаниш, маломат, таъна; қаҳр, хашим, газаб* (порицание, упрек/попрёк, укор; сердитость, злость, гнев); 2. *ноз кардан; ноз* (кокетничать, капризничать; каприз, прихоть) [Шукуров, 1969: 509]. А в словаре 2010 года выпуска лексема *итоб* реализовывается в одном толковании: *маломат, коҳишу сарзаниш; сухани хашимолуд; қаҳр, газаб* (упрек/попрёк, упрек и порицание; сердитое слово; негодование, гнев). Однако в новом словаре приводятся примеры словарных статей-derivатов лексемы *итоб* – *итобкорона, итобомез*. Деривационная лексема *итобкорона* понимается, как состояние *маломатомез, бо қаҳру газаб* (с упреком, с негодованием и гневом), а лексема *итобомез* выражает состояние *бо хашиму*

маломат (с гневом и упреканием) [ФТЗТ, 2010: 588]. Следовательно, понятие *итоб* является периферийной лексемой ближней категории концепта «Гнев/Ғазаб».

Что же касается понятия *ситеза*, то лексема в таджикско-русском словаре Я. Калонтарова имеет семантическую связь со значением *упрямство*, а в таджикско-русском словаре А. Мирбобоева лексема дается в 4 значениях, каждая из которых реализовывает особенности динамики развития гнева в следующем порядке: 1. *раздор, ссора; распря*; 2. *вражда, ненависть*; 3. *гнев, злоба*; 4. *поступок, совершаемый наперекор, назло кому/чему-либо* [Мирбобоев, 2006: 559]. Значит, причиной гнева могут быть внешние раздражители, которые влияют на наше подсознание и психику, а вербальными признаками могут служить грубые слова и выражения, которые говорят во время ссор. В результате раздора возникает чувство ненависти, которое переходит в гнев и злобу. Структура понятия *ситеза* по толковому словарю имеет производную основу и реализуется в следующих грамматических категориях: *ситез, ситеза, ситезанда, ситезкор, ситезакорӣ, ситезарӯ(ӣ), ситезачӯ(ӣ), ситезидан* [ФТЗТ, 2010: 256-257].

Последняя стадия развития эмоции гнева реализовывается в третьем значении лексемы *қаҳр*, описывающая одну из категорий гнева, которая отдаляет людей друг от друга и имеет негативную семантику, т.е. эта последняя стадия гнева после ссор и разногласий 3. *Тарки рафтуомад ва гуфтугӯ, ноганӣ бо касе* (разрывать связь и не разговаривать с кем-либо, перестать общаться) [ФТЗТ, 2010: 707]. Следовательно, последствиями гнева можно считать то, что у людей появляется ненависть друг к другу.

Лексическая сочетаемость существительного *қаҳр* с другими частями речи дает возможность выявить структурно-семантические признаки концепта «Ғазаб» в таджикском языке и определить его периферийную систему: *дар сари қаҳру ғазаб, қаҳр кардан/ба қаҳр омадан, қаҳри касеро овардан/ба қаҳр овардан, қаҳри фалак, қаҳри касе дар нӯги биниаш будан, оташи қаҳри касе аланга задан* (в момент обиды/злости и гнева,

разгневаться/разозлиться, разгневать/разозлить кого-либо, гнев небосвода, чей-либо гнев висит на носу – о человеке, быстро приходящий в гнев, пламя гнева и ярости в ком-либо раздуваются) [ФТЗТ, 2010: 707-708]. По лексико-семантической сочетаемости понятия *қаҳр* можно определить модульную категорию, которая выражается в объективных и субъективных отношениях объекта или субъекта к явлениям действительности. Кроме того, можно определить семантическую связь анализируемой лексической единицы таджикской языковой семьи с такими языковыми категориями периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб», как *злость* и *обида*, проявление которых зависит от окружающей действительности. Следовательно, понятия *қаҳр кардан* и *ба қаҳр овардан* можно реализовать посредством глаголов *злиться/обидеться* и *разозлить/обидеть*.

Особенности деривационной системы лексем ближней периферии относительно понятия *қаҳр* описывается посредством семантических категорий, которые образованы при помощи флексии, находящей свою реализацию в субстантивации и адъективации существительных и прилагательных. Например, существительное *қаҳрӣ*, образованное при помощи добавления словообразовательного суффикса – *ӣ* в толковом словаре репрезентируется посредством следующих понятий: *ноган, ҷангӣ: қаҳрӣ будан/шудан* (обиженный, в разладе/ссоре: обидеться, не разговаривать) [ФТЗТ, 2010: 709]. Значит, одним из семантических признаков гнева является обида и ссора, о которых не раз упоминалось в работе З.А. Чоршамбиевой. Однако, если рассмотреть «Ядро второй рубрики *ғазаб*, который образуют лексемы с семантическим инвариантом «разгневанный слабее того, кто вызвал гнев»» [Чоршамбиева, 2020: 113], то *злость* и *обида* будут основными категориями выражения анализируемого эмоционального состояния.

Следующей деривационной лексемой семантической категории гнева является понятие *қаҳрнок*, которое реализуется посредством следующих номинативных единиц таджикского языка: *пурхаим, пурғазаб; музтариб,*

ошуфта (полный негодования и гнева; взволнованность, встревоженность) [ФТЗТ, 2010: 708-709]. Как видим, репрезентация прилагательного *қаҳрнок* выявляет новый круг лексических единиц (*музтариб*, *ошуфта*), которые описывают негативное эмоциональное состояние индивида в момент гнева. Понятие *музтариб* реализуется как состояние *ошуфта*, *парешон*, *мушавваш*; *бетоқат*, *беқарор* (встревоженный, потерянный, взволнованный; нетерпеливый, беспокойный) [Шукуров, 1969: 722]. Лексема *ошуфта* по структуре толкового словаря только в третьем значении имеет переносную семантику гнева, которая представлена в лексеме *хашимгин* [ФТЗТ, 2010: 49]. Следовательно, концепт «Гнев/Ғазаб» может быть реализован в семантических категориях таких лексических единиц, как *музтариб* и *мушавваш*, которые реализовываются в эмоциональных категориях недоброжелательного состояния, когда инстинкты берут верх над разумом, и когда невозможно контролировать свои действия, когда индивид вскипает, как лава внутри вулкана.

Структурная особенность следующей деривационной лексемы *қаҳролуд* представлена двумя семантическими признаками: 1. *хашимгин*, *газабнок*, *газаболуд* (злостный, гневный, разгневанный). Лексико-семантическая сочетаемость в первом значении указывает на мимические признаки проявления гнева, которые можно определить по выражениям: *чашимони/чехраи/нигоҳи газаболуд* (гневные глаза/взгляд, гневное лицо). Значит, признаки гнева можно определить по невербальным, мимическим особенностям. Во втором значении прилагательное *қаҳролуд* реализуется в понятиях *аз рӯи хашиму итоб*, *хашимгинона* (из-за гнева и упрека, рассержанно) [ФТЗТ, 2010: 708-709]. Материал словарной статьи относительно второго толкования приводит пример лексемы *итоб*, о которой упоминалось выше, как лексеме ближней периферийной категории.

Лексическая единица деривационной системы понятия *қаҳр*, образованная посредством добавления словоформы -ангез (*қаҳрангез*), в таджикско-русском словаре понимается, как состояние *вызывающий гнев*,

негодование, возмущающий [Мирбобоев, 2006: 310]. По толковому словарю лексема *қаҳрангез* реализуется в понятиях *хашимнона, газаболуд* (рассержанно, разгневанно), а лексико-семантическая сочетаемость вербализует гнев во взгляде: *нигоҳи қаҳрангез* (рассержанный взгляд) [ФТЗТ, 2010: 708-709].

Следующие лексические единицы деривационной системы понятия *қаҳр* реализовываются посредством добавления слов *бад-* и *зуд-* (*бадқаҳр, зудқаҳр*) к корню слова. О лексемах, образованных с помощью понятий *бад-*, уже упоминалась выше (*бадхашм*), что же касается понятия *зуд-*, то лексема имеет семантику интенсивности действия. В таджикско-русском словаре *бадқаҳр* понимается, как *вспыльчивый, раздражительный, гневный* [Калонтаров, 2008: 31]. В толковом словаре лексема реализуется в трех значениях *1. бадқаҳр; 2. бадқаҳрӣ; 3. бадқаҳрона:*

1. Лексема *бадқаҳр* представлена в понятиях *пурхашм, газабнок; бадчаҳл* (вспыльчивый, рассержанный, разгневанный, жестокий), а по лексико-семантической сочетаемости образует инфинитивную конструкцию в понятиях *бадқаҳр шудан – оташин шудан, хашимнон шудан, ба газаб омадан* (впасть в ярость, озлобляться – раздражаться, горячиться, сердиться, разгневаться).

2. Существительное *бадқаҳрӣ*, образованное посредством добавления словообразовательного суффикса – *ӣ*, вербализует свою семантику в понятиях *хашимнонӣ, оташинӣ* (вспыльчивость, возмущенность, горячность).

3. Лексема *бадқаҳрона*, выраженное именем прилагательным, репрезентируется в сочетаниях *дар ҳолати оташинӣ, бо хашму газаб* (яростно – в момент горячности, с негодованием и гневом) [ФТЗТ, 2010: 118].

Лексема *зудқаҳр* реализовывает семантику эмоционального состояния индивида, который не может контролировать свои чувства и быстро приходит в ярость и бешенство. По толковому словарю *зудқаҳр* понимается, как: *он, ки зуд ба газаб меояд* (тот, кто быстро впадает в состояние гнева и

ярости) [ФТЗТ, 2010: 550]. Причиной данного состояния может служить выражение *ба қитиқи касе расидан – ба касе сухани қаҳроварӣ гуфтан; гаши касеро овардан, бо сухане боиси асабонияти касе гардидан* (раздражать или бесить кого-либо – сказать кому-то те слова, которые его раздражают; злить/провоцировать кого-либо, нервировать кого-то разными словами) [ФТЗТ, 2010: 715]. Значит, понятие *зуд*- репрезентирует интенсивность действия, которому сопутствуют остальные признаки негативного эмоционального состояния.

Кроме того, семантические признаки лексемы *қаҳр* могут представлены в таких лексических категориях, как:

- *ароз – қаҳр кардани касе аз рӯи он, ки гӯё ба иззати нафсаи расида бошад* (обида – негодовать из-за того, что, якобы, кто-то задел его честь и достоинство) [ФТЗТ, 2010: 82];
- *олугда кит. қаҳролуд, хаимгин, қангара* (гневный *книж.*, сердитый, раздраженный, скандалист/драчун) [ФТЗТ, 2010: 26];
- *мақҳур – мавриди қаҳру хаим қарор гирифта, дучори қаҳру газабшуда* (испытывающий гнев – подвергнутый раздражению и негодованию/сердитый, оказаться в гневе и ярости) [ФТЗТ, 2010: 784].

Материалы словарных статей относительно лексемы ближней периферии *қаҳр* насыщены множеством номинативных единиц, которые были нами проанализированы. Иллюстративный материал показал, что в зависимости от структуры предложения лексема *хаим* может выступать в роли разных членов предложения, и она переводится посредством нескольких номинативных единиц. Например, в реализации понятия *мақҳур* наблюдается именно этот процесс, когда сочетание *қаҳр кардан* можно реализовать посредством трех значений: *раздражаться, сердиться, гневаться*.

Репрезентация лексических единиц ближней периферийной системы концепта «Газаб/Гнев» в таджикской языковой картине показала, что лексемы *хаим* и *қаҳр* могут вступать в семантические отношения с

глаголами *будан, шудан, кардан* и др., которые в русском языке выражаются одним словом (*гневаться, злиться, сердиться, обижаться* и др.). Лексемы *хаши* и *қахр* в зависимости от синтаксической роли могут выполнять морфологическую функцию глагола и слов категории состояния. Следовательно, анализируемые лексемы по структурно-семантическим признакам могут описывать действие и состояние индивида в момент гнева.

3.2.2. Структура и семантика лексем крайней периферии *асабӣ/онӣ, оташиинӣ*

Лексические единицы, относящиеся к крайней периферийной системе концепта «Гнев/Ғазаб» в таджикской языковой картине, являются *асабӣ* и *оташиинӣ*, которые входят в состав номинативного поля анализируемого концепта. Данные лексемы по структурным признакам и семантическим категориям описывают болезненно-аффективную стадию развития гнева, когда организм наполняется пылающей жидкостью, и она выплёскивается наружу. Этот процесс можно назвать второй стадией развития эмоционального состояния, когда формы проявления гнева находят свое отражение в конкретных действиях, представляющих собой взрыв в сознании индивида.

Лексема *асабӣ* образовано от существительного *асаб* посредством добавления словообразовательного суффикса – *ӣ*. Понятие *асаб* понимается как *най, торҳои борик, ки аз мағзи сар ба тамоми узвҳои бадан паҳн шудааст ва ҳиссу ҳаракати баданро таъмин мекунад* (нервные окончания, тонкие волокна, которые проходят от мозга ко всем частям тела и при их помощи человек ощущает и двигается) [Шукуров, 1969: 89]. Эта особенность указывает на то, что эмоциональное состояние гнева напрямую связана с физиологической природой человека и имеет свою особую семантику, проявляющуюся в действиях организма и тела. Однако, организм приходит в действие только тогда, когда что-либо негативно влияет на него. Например, *ба асаби касе расидан // ба торҳои асаби касе нохун задан, касеро асабӣ*

кардан (действовать на нервы, царапать нервные струны, разозлить кого-либо) [ФТЗТ, 2010: 85].

В словаре 1969 года интересующая нас лексема представлена в одном значении *асаби(й)ят*. Семантическая особенность лексемы реализуется посредством существительных *хашигинй*, *газабнокй* (сердитость, гневность), которые образованы посредством добавления словообразовательного суффикса – *й* и указывают на высокую степень проявления эмоции гнева. Например, *аз гояти асабият забон ба зайбаташ кушоданд* (по причине сильной нервозности и раздражительности начали клеветать) [Шукуров, 1969: 89]. Именно сочетание *гояти асабият* указывает на высшую степень репрезентации эмоции. Однако, по словарю 2010 года издания лексемы *асабй* и *асабонй* рассматриваются как отдельные номинативные единицы крайней периферийной системы концепта «Гнев/Газаб».

Семантические признаки лексемы *асабй* репрезентируются в двух структурных категориях: 1. *Зуд ба ҳаяҷон оянда, ноором, рухан норохат*. 2. *Хашигин, газабнок* (1. Быстро приходящий в удивление, беспокойный, духовно нестабильный. 2. Злостный, гневный) [ФТЗТ, 2010: 85]. По словарю в первом значении лексема имеет семантическую связь с физиологической природой человека, и указывает на душевное состояние индивида, когда он сильно рассержен. Словарная статья относительно первого толкования лексемы *асабй* репрезентируется в понятии *ҳаяҷон*, которое описывается как возбужденное эмоциональное состояние индивида в момент гнева. В словаре 1969 года издания лексема *ҳаяҷон* понимается, как *ошуфтагй*, *изтироб*, *ҷӯшу хурӯш*; *оташинишавй*, *барангехтагй* (взволнованность, растерянность, беспокойство, волнение; яростность, раздражительность) [Шукуров, 1969: 740]. А в словаре 2010 года издания понятие *ҳаяҷон* реализует свои семантические признаки в значении *ҷӯшиши даруни одамй аз шавқ, шоди ё газаби аз ҳад зиёд*; *ба ҷӯшу хурӯш омадан*, *ҳолати изтироб* (индивид вскипает изнутри из-за любопытства, радости или по причине сильного гнева; волнение, раздраженное и беспокойное состояние) [ФТЗТ, 2010: 525] По

семантическим признакам понятие *ҳаяҷон* репрезентируется такими новыми лексемами, как *ошуфтагӣ* и *изтироб*, а сочетание *ҷӯшу хурӯш* и *барангехтагӣ* в большей степени относится ко второй лексеме крайней периферии *оташинӣ*.

В толковом словоре 1969 года издания семантические признаки эмоции гнева реализовываются в 3 и 4 значениях лексемы *ошуфтагӣ* – 3. *девонагӣ*, *ҷунун*; 4. *хашму газаб*. (3. сумасшествие, бешенство; 4. гнев и злость) [Шукуров, 1969: 944]. Следовательно, когда индивид впадает в состояние гнева, он теряет контроль над собой и становится неуправляемым.

Лексема *изтироб* имеет семантику эмоционального состояния, при котором индивид начинает изнемогать от внутреннего волнения и переживания и понимается, как *ҳаяҷони сахт*, *беқарорӣ ва ошуфтагӣ* (сильнее удивление/волнение, беспокойство/возмущение и волнение) [Шукуров, 1969: 471].

Во втором значении лексема *асабӣ* имеет семантику гнева, которая выражается в понятиях *хашигин*, *газабнок*. Объективная модальность сочетания *асабӣ шудан* в словаре 2010 года издания имеет два значения: а) *ба сушти асаб дучор шудан*, *ба касали асаб дучор шудан*; б) *ба хаши омадан*, *газабнок гардидан* (а) податься соблазнам нашего сознания/стать неконтролируемым, прихватить болезнь нервозы; б) разозлиться, разгневаться) [ФТЗТ, 2010: 82].

Деривационная лексема *асабият* по толковому словарю 2010 года издания представлена в одном толковании и имеет значение: *ҳолати асабӣ будан*, *хашигинӣ*; *асабият гирифтан* - *дар асабият афтодан асабонӣ шудан*, *хашигин гардидан*, *дар газаб шудан* (быть в нервном состоянии, раздражаться; нервозность – впасть в нервозное состояние, нервничать, негодовать, гневаться) [ФТЗТ, 2010: 85]. Как видим, лексема *асабият* имеет негативную окраску и характеризует состояние крайней нестабильности психического состояния индивида. Данная лексема своими семантическими

признаками близка к понятию *аффект*, который понимается, как нервное состояние, при котором совершаются необдуманные, немислимые поступки.

Наиболее ярко выраженную окраску и полную структурно-семантическую репрезентацию концепта «Гнев/Газаб» в толковом словаре реализовывает лексема *асабонӣ*, которая имеет субъективную и объективную модальную окраску и является способом воздействия на сознание людей, посредством конкретных слов и выражений или действий. В толковом словаре лексема понимается как состояние *асабӣ, хаши, газаб* (нервность, негодование, гнев), а субъективную и объективную модальную окраску можно реализовать в понятиях *асабонӣ кардан – ба хаши овардан, газабнок намудан* (действовать на нервы/нервировать – раздражать, разгневать) и *асабонӣ шудан (гардидан) – хашигин шудан, газабнок гардидан, ҳолати таодули мизоҷи худро аз даст додан* (нервничать/злиться – негодовать, гневаться, момент потери равновесия/контроля над своим состоянием) [ФТЗТ, 2010: 85]. Другими словами, это то состояние аффекта, о котором упоминалось выше, т.е. когда индивид теряет контроль над своими действиями. Следовательно, можно самому нервничать, злиться, выходить из состояния покоя, взорваться и потерять контроль над разумом, или можно нервировать, злить и доводить до рукоприкладства грубыми словами и выражениями, чтобы довести индивида до состояния бешенства. Антонимичным выражением может послужить лексема *оромӣ/спокойствие*, которая в третьем значении понимается, как *таскинёбӣ, фуру нишастани изтироб, хаши ва асабияту чӯшу хуруш* (успокоение, успокоение внутреннего волнения, раздражения и нервного состояния) [ФТЗТ, 2010: 34].

Анализ толкований различных словарей показал, что в семантическую структуру понятия *асаб* можно включить огромный пласт лексико-семантических языковых элементов, которые имеют различную семантическую особенность. В этой связи, нами были отобраны только те лексические единицы, которые имеют и структурную и семантическую

принадлежность к концепту «Гнев/Газаб» в таджикском языке. Это такие лексемы, как: *асабиена – дар ҳолати асабонӣ, хашимнона, оташинона* (нервно, в состоянии нервоза, рассерженно, раздражённо, яростно); *асабимизоҷ – он ки мизоҷи ба андак сахтии рӯзгор тобнооваранда дорад; он ки ба ҳар чиз зуд асабонӣ мешавад, зудранҷ, тундмизоҷ* (нервостеник – тот кто при малейших жизненных затруднениях приходит в нервозность; тот кто, из-за каждой мелочи нервничает, быстро обижается, раздражается); *асабинамо – монанд ба асабонӣ, асабонишуда, хашигинишуда* (кажущийся нервным – схожий с нервным, пришедший в состояние нервозности, раздражённости) [ФТЗТ, 2010: 85].

Следующая семантическая единица крайней периферийной системы концепта «Гнев/Газаб» в таджикской языковой картине реализуется посредством лексем *оташинӣ*, которая, как упоминалось в начале главы, репрезентирует семантику огня, т.к. образована от слова *оташ/огонь* посредством добавления суффикса – *ӣ*. В толковом словаре 2010 года издания во втором значении понятие *оташ* имеет следующую семантику: *ҷӯшу хурӯш; сӯзу гудоз, эҳтироз* (подъем духа/энтузиазм; душевные муки/переживание, осторожность/воздержание). Лексико-семантическая сочетаемость указывает несколько категорий проявления гнева, например, на мимические признаки: *оташ боридан аз чаши – дар ҳолати хашиму газаб будан* (источать из глаз искры огня – быть в состоянии негодования и гнева); на формы проявления эмоции, выраженные в семантике метафоры: *ҷомааш оташи гирифт (маҷ.) – хашигин шудан, тез ва асабонӣ шудан* (пришёл в ярость (пер.), рассердиться, стать суровым и нервным); *оташи касеро доман задан (маҷ.) – касеро хашигин кардан, барангехтан* (подливать масло в огонь/подстрекать – рассердить кого-либо, возмутиться/вскипеть) [ФТЗТ, 2010: 38]. В словаре 1969 года понятие *оташ* также во втором значении имеет семантическую связь с анализируемым концептом, и понимается как состояние *тундӣ, тезӣ; газаб* (вспыльчивость, суровость/горячность; гнев), а по лексико-семантической сочетаемости реализуется в понятиях *оташ*

ангехтан – *ба чӯшу хурӯш овардан* (подстрекать/зажигать – возмутить, сильно воодушевить); *отаиш шудан* – *киноя аз хаимгин шудан, отаишин гаиштан* (вскипеть/прийти в ярость – в значении возмущаться/вспылить, сгорячиться/кипеть) [Шукуров, 1969: 931-933].

Лексема *отаишинӣ* в толковом словаре выражается посредством 2 значений 1. *бадқаҳрӣ, хаимнокӣ, ҳолати хаиму газаб, хаимгин будан; 2. пурҳароратӣ, пурҳаяҷонӣ* (сердитость, раздраженность, момент гнева и ярости, злиться; 2. вспыльчивость/горячий, возбуждённый/взволнованный) [ФТЗТ, 2010: 40]. Деривационные признаки лексемы имеют разнообразные семантические особенности, которые представлены в определённых грамматических категориях. Таким образом, прилагательное *отаишин* по семантическим признакам реализовывается в понятиях *огненный/пламенный*. Например, в толковом словаре лексема *отаишин* репрезентируется посредством трёх толкований 1. *мансуб ба отаиш; 2. (мач.) пурҳарорат, отаишбор, гарму чӯшон, ҳаяҷонангез; 3. хаимгин, қаҳролуд, газабнок* (1. то, что относится к огню; 2. (пер.) горячий, огненный, жаркий и кипящий, волнующий/возбуждающий; 3. раздраженно, злостно, гневно). Лексико-семантическая сочетаемость номинативной единицы *отаишин* выражает субъективную и объективную модальную категорию эмоции гнева в сочетаниях *отаишин кардан – боиси хаими касе гардидан, ба хаиму газаб овардан*, и *отаишин шудан – газабнок шудан, хаим гирифтан, дар қаҳр шудан* (рассердить/разгневать – стать причиной негодования в ком-либо, раздражать и разгневать; рассердиться/разгневаться – разгневаться, негодовать, быть раздражённым/обидеться) [ФТЗТ, 2010: 39-40].

Деривационная лексема *оташангез* во втором значении в переносном смысле выражает семантику гнева в понятии: *гӯяндаи суханони тезу тунд; хаимгин* (кто говорит грубые и оскорбительные слова; сердитый) [Шукуров, 1969: 933]. Как уже упоминалось выше, понятия *тез* и *тунд* по своим семантическим признакам описывают эмоциональную категорию гнева.

Семантическая особенность крайней периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» на основе толковых словарей относительно лексемы *оташинӣ* репрезентирует новый круг лексических единиц, которые в семантическом аспекте реализовывают значение гнева. Это такие лексемы, которые описывают эмоциональное состояние организма в стрессовой ситуации, посредством таких понятий, как: *ҷӯш*, *хурӯш*, *сӯз*, *гудоз*, *эхтироз*, *бар/ангехтан*.

Лексема *ҷӯш* имеет семантику сильного возмущения и в переносном смысле понимается как состояние: *хашигин шудан*, *ба ғазаб омадан* (возмущаться, разгневаться) [Шукуров, 1969: 797];

Лексема *хурӯш* реализовывает семантику негодования, когда индивид не может терпеть и начинается *бонги садо*, *фарёд*, *бонганӣ*; *гурриш*, *ғавго* (вопли голоса/тревога, крик, призывать; рычание, скандал/шум) [Шукуров, 1969: 510].

Эти лексические единицы описывают эмоциональную особенность перехода из одного состояния в другое, следовательно, переход из первой категории эмоционального состояния гнева во вторую происходит в сочетании этих лексических единиц *ҷӯшу хурӯш*, которое в таджикско-русском словаре понимается, как состояние *подъёма духа*, *сильное воодушевление*, *энтузиазм* [Мирбобоев, 2006: 783]. Значит, когда индивид приходит в состояние злости, у него сила духа повышается, возникает чувство азарта и подъёма физической силы.

Лексема *сӯз* понимается, как эмоциональное состояние, которое образовано от отглагольного существительного и обозначает состояние гореть/горевать. В переносном смысле лексема понимается, как: *дард*, *алам*, *андӯҳ* (боль, обида, печаль) [ФТЗТ, 2010: 286]. Глагол *сӯхтан* по толковому словарю имеет 8 значений, первое из которых имеет семантику гнева: *оташи гирифтан*, *даргирифтан* (воспламениться/гореть, вспыхнуть огнем) [ФТЗТ, 2010: 288];

Лексема *гудоз* в толковом словаре 2010 года издания имеет 2 значения: 1. *гудозиш, обшавӣ, гудохташавӣ*; 2. (маҷ.) *сӯзиш, дард, алам* (горение/грусть 1. плавка, растаевание, расплавление; 2. (пер.) горение, боль, обида) [ФТЗТ, 2010: 345]. А в толковом словаре 1969 года выпуска лексема *гудоз* реализуется посредством 3 семантических признаков: 1. *обшавӣ, гудохташавӣ, гудозиш*; 2. *сӯзиш, сӯз, дард*; 3. (маҷ.) *нобуд кардан, аз байн бурдан* (1. растаевание, расплавление, плавление; 2. горение, боль, страдание; 3. уничтожить, устранить/стереть) [Шукуров, 1969: 277].

Таким образом, данные лексические единицы в сочетании друг с другом *сӯзу гудоз* описывают последующую стадию развития эмоции гнева, которая указывает на состояние индивида после того, как на него обрушился чей-либо гнев. В таджикско-русском словаре сочетание *сӯзу гудоз* понимается, как: *душевные муки; сильное переживание* [Мирбобоев, 2006: 602].

Лексема *эхтироз* косвенно выражает семантику гнева и относит данное чувство к категориям нежелательных эмоций, с которыми следует обращаться с осторожностью, или вообще – воздержаться от данной негативной эмоции. Наиболее часто эмоция наблюдается у слабых людей, которые из-за страха и боязни не способны проявлять свой гнев. В толковом словаре 1969 года издания лексема описывается в двух значениях 1. *худдорӣ намудан, парҳез кардан, каноргирӣ*; 2. (маҷ.) *хавф, тарс, бим* (1. контролировать себя, воздержаться, оставаться в стороне; 2. боязнь, страх, опасение) [Шукуров, 1969: 622]. Следовательно, если человек слабее того, кто вызвал гнев, то он не сможет проявить данное чувство, т.к. страх и боязнь заставят его воздержаться от данной эмоции.

Семантика лексем крайней периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» *асабонӣ* и *оташинӣ* по своим структурным признакам описывает гнев, как: болезнь, которая поражает нервную систему человека. Анализ показал, что данные лексеммы имеют отрицательную характеристику и описывают гнев с разных позиций. Например, если мы рассмотрим лексему

нрав/фееъл в таджикской лингвокультуре, то связка лексемы с семантической составляющей отрицательного характера *бад* даёт нам новую лексику *бадфееъл*, которая реализуется посредством следующих номинативных единиц: *бадхӯ*; *дурушитмуомила*; *бадқаҳр*, *бадхаиш* (с плохим характером; грубый; раздраженный, рассержанный) [ФТЗТ, 2010: 122]. А понятие *бадхӯ* там же рассматривается, как: *бадхулқ*, *тундмиҷоз*; *ҷангара*, *ҷанҷолӣ* (злонравный, вспыльчивый характер; скандалист, забияка/задира). Лексема *бадхулқ* описывает нравственную категорию *грубого/дагал* человека, а понятие *тундмиҷоз* понимается как *бадрафторӣ*, *хаишгинӣ*, *бадфееълӣ*, *оташиинӣ* (дурное поведение, раздраженность, плохой нрав, вспыльчивость) [ФТЗТ, 2010: 368]. Как видим, лексемы, описывающие нравственную категорию гнева, имеют негативный и отрицательный оттенок, и реализовываются посредством добавления понятия *бад*, который по семантической структуре представляет значение *зла*. Следовательно, догматические признаки национальной специфики гнева и духовно-нравственные категории анализируемого концепта могут быть реализованы в значении понятия *зла*, которое можно отнести к темной стороне человеческой души.

3.2.3. Структура и семантика лексемы дальней периферии *чаҳл*

Структурно-семантические особенности лексемы дальней периферии концепта «Ғазаб» в таджикской языковой картине описываются посредством номинативной единицы *чаҳл*, которая имеет свою семантическую структуру. Семантические признаки лексемы указывает на эмоциональное состояние человека, при котором он не осознает свои действия, теряет контроль над своим разумом и совершает необдуманные поступки. Можно предположить, что особенности репрезентации лексической единицы *чаҳл* указывает на последнюю стадию развития эмоции гнева.

Лексема *чаҳл* относится к категориям лексем, которые имеют двойственную семантику. По таджикско-русскому словарю в первом

значении анализируемая лексема реализовывается посредством понятий *невежество, невежественность, неведение*, а во втором значении лексема репрезентируется в понятиях *гнев, злоба* [Мирбобоев, 2006: 770]. В толковом словаре 1969 года издания лексема *чаҳл* имеет 2 значения, которые напрямую не указывают на состояние гнева: 1. *нодонӣ, нодони мағрурона; беҳабарӣ, зафлат; беилмӣ*; 2. *беақлӣ, ахмақӣ; бетамизӣ* (1. незнание, невежественность/высокомерность; неведение, беспечность; необразованность/невежество; 2. неразумность/глупость, тупость; нерассудительность/невежливость) [Шукуров, 1969: 777]. Однако, в словаре 2010 года издания лексема *чаҳл* имеет иную интерпретацию: 1. *нодонӣ, чаҳолат, беилмӣ*; 2. *ғуфт. хаим, қаҳр, газаб* (1. незнание, невежество/некультурность, необразованность/неведение; 2. разг. раздражение, негодование, гнев) [ФТЗТ, 2010: 614]. Как видим, для реализации анализируемой лексемы в толковых словарях разного периода издания используются различные лексические единицы, которые указывают на семантическую связь гнева с духовно-культурной природой языка и народа. Например, *нодонӣ, беилмӣ, беақлӣ, бетамизӣ* и *қаҳр, газаб*, и др.

Следует отметить, что по лексико-семантической сочетаемости лексема *чаҳл* в толковом и таджикско-русском словарях имеет различные формы выражения значения концепта «Гнев/Газаб». Иллюстративный материал репрезентирует субъективную и объективную модальную характеристику эмоции гнева посредством следующих сочетаний: *чаҳли касеро овардан – касеро ба газаб овардан, хаимгин кардан; аз аспи чаҳл фурувардан – қаҳру газоби касеро паст кардан; ба аспи чаҳл савор шудан – газабнок шудан; гардани чаҳл шиканад! – дар мазаммати хаим барои паст кардани хаими касе ғуфта мешавад* (разозлить кого-либо – разгневать и раздражать кого-либо; успокоить гнев и злобу в ком-либо; разгневаться или прийти в ярость; пусть сломается шея невежества/злости – говориться для осуждения/порицания гнева, чтобы успокоить злость в ком-либо) [ФТЗТ, 2010: 614]; *чаҳл кардан – приходиться в гнев, проявлять сильное раздражение,*

злость; *чаҳли касеро хезондан* – обозлить кого-либо; *аз (асти) чаҳл фуромадан* – успокоиться, перестать гневаться [Мирбобоев, 2006: 770]. Следовательно, лексема *чаҳл* имеет субъективную и объективную модальную категорию, которая проявляется в таких сочетаниях, как: *чаҳл кардан*, *чаҳли касеро хезондан/овардан*, а сочетание *асти чаҳл* реализовывает семантику сильной злости, сердитости и ярости.

Производные от лексем *чаҳл* образовались посредством добавления понятия *бад/зло*:

1. *Бадчаҳл* – *одами зуд оташишааванда, бадқаҳр* (злой – вспыльчивый человек, гневный/яростный);
2. *Бадчаҳлӣ* – *бадчаҳл будан, оташишӣ* (злость – злиться/гневаться, вспыльчивость);
3. *Бадчаҳлона* – *бадқаҳрона, бо қаҳру газаб* (злобно – гневно/сердито, с гневом) [ФТЗТ, 2010: 123].

Номинативная категория *бад* в сочетании с анализируемой лексемой репрезентирует основные признаки гнева, как высшей формы проявления данной эмоции.

Лексема *чаҳломез* реализовывает динамику развития эмоции гнева, когда терпение лопается, и индивид уже не властен над собой. В толковом словаре понятие *чаҳломез* описывается посредством лексем ближней периферии *хашмомез, богазаб, қаҳролуд* (раздражённо, с гневом/гневно, сердито/злостно) [ФТЗТ, 2010: 614]. Следовательно, *чаҳл* выражает последнюю стадию реализации эмоции гнева.

Семантические признаки лексем *чаҳл* могут быть реализованы в значении лексических единиц *ганда* и *девонафегъл*, которые указывают на негативную эмоциональную категорию гнева. Лексема *ганда* понимается как плохой или скверный, и в толковом словаре во втором значении объясняется посредством понятий *бад, зишт; одами чаҳлаш ганда – одами бадчаҳл, шахси зудхаим, тез оташишааванда* (плохой, безобразный; человек со злым характером – злостный человек, быстро приходящий в негодование, быстро

сердящийся человек, быстро гневающийся/запальчивый) [ФТЗТ, 2010: 309]. Понятие *демонафеъл* имеет семантическую категорию сумасшествия, когда эмоции берут верх над разумом. В толковом словаре лексема *демонафеъл* толкуется посредством лексем *чаъл, бадхӯ, бадфеъл; бад; телба* (злоба, плохой/дурной, злохарактерный/сварливый; злой/плохой; беспокойный/помешанный) [ФТЗТ, 2010: 455]. Следовательно, лексема *чаъл* в репрезентации понятий *ганда* и *демонафеъл* понимается как негативная эмоциональная категория гнева, которая является нежелательной и вредной.

Лексическая единица дальней периферийной системы концепта «Ғазаб» реализовывает эмоциональные признаки негативного состояния с его лингвокультурной позиции, т.к. описывает состояние, которое является несвойственным для современной социальной коммуникации. Гнев, как феномен культуры в реализации понятия *чаъл*, следует рассматривать с позиции его национальной специфики, потому что эта лексема дальней периферии указывает на особенности его национального проявления.

Выводы по третьей главе

Язык является основным инструментом, реализующим когнитивные признаки человеческого сознания, посредством исследования языка становится возможным объективировать, классифицировать и структурировать картину реальности. При использовании различных стилистически-окрашенных лексических единиц языка можно влиять на сознание человека и манипулировать им, в результате становится возможным моделировать определённую эмоцию в вербальной форме. Посредством языка формируется эмоциональная картина мира той языковой группы, которая подвергается анализу.

Гнев относится к основным эмоциям наряду со страхом, радостью, печалью, болью и др. В нем имеются вербальные и невербальные формы проявления. Периферийная система гнева в русском языке реализовывается посредством 6 лексем синонимического ряда, а в таджикском языке

посредством 5 лексем, которые делятся на три лексико-семантические группы: 1 уровень реализуется в лексемах *негодование* и *возмущение* в русском, *хаши* и *қаҳр* в таджикском языковых картинах, которые по семантическим признакам указывают на начальную стадию гнева; 2 уровень представлен в значениях лексем *ярость* и *бешенство* в русском, *оташинӣ* и *асабӣ/онӣ* в таджикском языковых картинах, которые указывают на семантику заразной болезни и состояния высокой эмоциональной напряжённости; 3 уровень выражает свою семантику посредством лексем *исступление* и *остервенение* в русском, *чаҳл* в таджикском языковых картинах, указывающие на психическое состояние индивида, когда эмоции берут верх над разумом, и он не в состоянии контролировать свои действия. Каждая лексическая единица периферийной системы имеет свой круг деривационных признаков и семантических свойств.

Состав номинативного поля и система периферийных лексем концепта «Гнев/Ғазаб» в русском и таджикском языковых картинах проиллюстрированы в **Приложении 1 и 2.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный в диссертационном исследовании анализ структурно-семантических особенностей концепта «Гнев/Ғазаб» показал, что анализируемый концепт и лексико-семантические единицы периферийной системы в русском и таджикском языковом сознании имеют как общие, так и отличительные признаки, которые проявляются в национальной культуре данных этносов. Как известно, национально-культурная особенность находит свою реализацию в манере поведения, в менталитете, в образе жизни, и все эти особенности находят свою вербализацию в национальном языке народа.

Гнев относится к эмоциональным концептам, и в рамках проводимого исследования его описание считается особенно важным, поскольку в национальном языке русского и таджикского народов гнев имеет свое особое место в системе эмоциональных категорий (относится к базовым эмоциям).

Все языки могут иметь соотношение с конкретной системой концептов, которые носитель языка осознает, систематизирует и репрезентирует. Эти концептуальные категории знаний представляют собой поток информации, которая познается индивидом посредством восприятия окружающей действительности.

Анализ теоретического материала в репрезентации понятия *концепт* показал, что полевая структура концепта находит свою вербализацию в совокупности языковых кодов, которые реализовываются в ядре, ближней, дальней и крайней периферии. В ядре концепта можно четко проследить языковую объективацию базисных понятий, которые описываются лексическими единицами семантической системы анализируемого концепта, а периферия – это расстояние определенных понятий от ядра по степени их образного представления, которые образуют разнообразные слои семантических признаков.

Лексико-фразеологическая система языка является основным источником в исследовании и анализе структурно-семантических признаков концепта, потому что именно в лексикографических источниках можно

выявить и систематизировать интересующий нас концепт и проследить особенности проявления той или иной эмоции в языковой вербализации. Иллюстративный материал, собранный из различных лексикографических источников, репрезентирует следующие лингвокогнитивные особенности концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковых картинах:

1. Природная основа анализируемого концепта имеет сложную систему и многоплановую характеристику, а его особенность проявляется в том, что, когда терпение лопается, гнев начинает доминировать над разумом, индивид становится сильнее в этот момент, в конечном итоге нарушается психика и негативная эмоция начинает управлять разумом и действиями индивида. В результате анализа лексикографических и паремиологических единиц русского и таджикского языков было выявлено, что:

- анализируемый концепт может иметь субъективную и объективную модальную особенность, которая в анализируемых языках отличается друг от друга в структурном плане (*разгневаться/рассердиться; ба газаб/хаши мoadан*);
- семантическая особенность гнева может иметь как индивидуальный, так и национальный характер (*гневаться/гнев народа, восстание; газабнок/хаши му газабни халқ, шӯриш*);
- деривативная система гнева в русском языке репрезентируется в морфологических признаках глагола *гневаться*, который реализовывается посредством приставок *за-, о-, по-, про-, раз-* и прилагательного *гневный*, который осуществляется посредством суффиксов *-н-, -лив-*;
- деривационная система лексемы *газаб* в таджикском языке реализовывается посредством приставок *дар-, нур-, бо-* и суффиксов *-ангез, -овар, -бор, -олуд, -нок, -омез*;
- концепт «Гнев/Ғазаб» имеет тесную семантическую связь с таким природным явлением, как *огонь (пламя гнева, оташи газаб)*.

2. Особенности репрезентации ближней, крайней и дальней периферии концепта «Гнев/Ғазаб» в русском и таджикском языках систематизируются по принципу семантической плотности лексем в поле негативных эмоций. Принцип определения периферийных групп заключается в том, что каждая лексическая единица отражает ту семантическую особенность языка, которая репрезентирована в лексикографических источниках анализируемых языков (по синонимическому словарю выявляются лексемы периферийной системы, по толковым и другим словарям определяется структура и семантика гнева). Однако, структурно-семантические признаки анализируемых единиц языка зависят от синтаксической роли лексем в контексте словосочетания и предложения.

В определении полевой структуры гнева в русском языке были задействованы 6 лексических единиц, а в таджикском языке 5 лексических единиц, которые распределены по периферийным группам. Каждая периферийная группа в русском языке реализуется посредством 2 лексем, а в таджикском языке дальняя периферия выражается посредством 1 лексемы. Все лексемы ближней, крайней и дальней периферии отобраны по семантическим признакам эмоционального состояния и представлены в следующем последовательном порядке:

- ближняя периферия концепта репрезентируется в понятиях *негодование, возмущение* в русском и *қаҳр, хаши* в таджикском языковых картинах;
- крайняя периферия реализуется в понятиях *ярость, бешенство* в русском и *оташинӣ, асабонӣ* в таджикском языковых картинах;
- дальняя периферия находит свою вербализацию в понятиях *исступление, остервенение* в русском и *ҷаҳл* в таджикском языковых картинах.

Как видно, лексические единицы периферийной системы концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковых картинах имеют свои

семантические признаки и структурные особенности, которые указывают на переход от одного эмоционального состояния в другое.

3. Эмоция гнева представляет собой состояние внутренней тревоги, беспокойства, волнения, раздражения, негодования и др. Гнев репрезентирует негативное психическое состояние индивида и проявляется только в том случае, когда чаша терпения переполняется, и индивид начинает кипеть, как лава и взрывается, как вулкан. В русском и таджикском языковом сознании анализируемый концепт может иметь метафорическое представление, которое не называет эмоцию напрямую, а косвенно передает семантику гнева, например: *метать громы и молнии/оташи газаб афрухтан* (раздувание пламени гнева и ярости).

В результате анализа иллюстративного материала было выявлено, что метафора гнева имеет три стадии развития, каждая из которых представляет собой переход от одного эмоционального состояния в другое. Каждая стадия развития негативной эмоции взаимосвязана между собой и взаимодополняет друг друга. Например:

- начальная стадия имеет невербальную форму и определяется по мимике, индивид краснеет, глаза горят, брови сдвинуты друг к другу и др. (*действовать на нервы-играть на нервах; касеро асабонӣ кардан-ба торҳои асаби касе нохун задан*);
- вторая стадия выявляется в грубых словах и выражениях, когда кто-то или что-то действует на нервы, индивид теряет контроль над собой, и в этот момент находиться рядом с ним опасно (*попасть под горячую руку; ба асти ҷаҳл савор шудан*);
- третья стадия находит свою вербализацию в конкретном действии или эмоциональном состоянии, которое может закончиться состоянием аффекта (*кровь кипит/хун дар ҷӯш омад*).

Таким образом, было выявлено, что метафорические признаки гнева в языковом фонде русского и таджикского этноса репрезентируются в нескольких последовательных и динамически развивающихся этапах,

динамика проявления которых указывает на невербальную форму, на грубые слова и выражения и на конкретные действия, когда находиться рядом с индивидом опасно. В итоге индивид полностью теряет контроль над разумом и совершает необдуманные и ужасные поступки.

4. Семантические признаки концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской лингвокультурах могут иметь религиозно-метафизический оттенок, в них нашли отражение средневековые абстрактно-идеологические представления. Эти выражения имеют непосредственную связь с духовностью и религией, что обостряет их культурологическую особенность. В связи с этим, в русском и таджикском языковых сознаниях эмоция гнева соприкасается с понятием наказание, т.е. с божественной карой за те или иные прегрешения: *«Живет, хлеб жует, небо коптит да Бога гневит»* (о бездельнике); *«Нечего бога гневить, надо правду говорить»* (об обманщике); *«На это плакаться, только напрасно Бога гневить»* (о пустяке); *«Аз газаби Худо тарсидан»* (бояться гнева Господа), *«Ба газаби Худо гирифтор шудан»* (навлечь на себя гнев Божий) и др. Кроме того, метафизическую связь можно проследить и в примере фразеологизма *оташи газаб* (пламя гнева), который имеет семантику огня, а огонь в мусульманстве (большая часть носителей таджикского языка) и в христианстве (большая часть носителей русского языка) является наказанием в аду за грехи. Что же касается понятия гнев, то данная эмоция в православном мире является одним из 7 видов смертного греха и стоит в третьем месте после гордыни и зависти, а в мусульманстве говорится, что *«поистине, гнев – от шайтана (сатаны) и, поистине, шайтан (сатана) сотворен из огня, и если кто-нибудь из вас охвачен гневом, пусть он совершит омовение»* (Абу-Ҷурайра, Абу Дауд) [Ан-навави, 16 хадис]. Следовательно, гнев и огонь в русской и таджикской языковых картинах имеют тесную связь в семантическом аспекте, т.к. в момент гнева человек начинает изнутри пылать огнем, а его кожа начинает краснеть. На это еще указывает лексема периферийной системы концепта «Гнев»

оташинӣ, которая переводиться, как состояние *гнева* и *негодования* или *горячность* [Клонтаров, 2008; с. 205].

5. Фразеологическая и паремиологическая система концепта «Гнев/Ғазаб» в русской и таджикской языковых картинах характеризуется с отрицательной позиции и имеет как вербальные, так и невербальные признаки. В результате анализа лексического материала были выявлены следующие структурно-семантические группы фразеологических и паремиологических единиц, которые объективируют различные особенности концепта «Гнев/Ғазаб» в анализируемых языках:

- *гнев/разум – ғазаб/ақл* (при проявлении негативной эмоции разум затуманивается, и нетрезво оценивается ситуация):

В русском языковом сознании: *гнев гасит лампу разума и разогревает кулак; гнев – начало безумия; следуй голосу ума, а не гнева; у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев глупого – в его словах, гнев умного – в его делах; гнев – враг, разум – друг; гнев шагает впереди, ум – сзади;*

В таджикском языковом сознании: *хаши м андешаро мебарад* (гнев уносит мысли, т.е. разум); *ақл дуст, ҷаҳл душман* (разум – друг, гнев – враг); *ҷаҳл ақдро кунд мекунад* (гнев притупляет разум); *ҷаҳл ояд, - ақл мегурезад* (когда приходит гнев – уходит разум);

- *гнев/правда-истина* (имеет отношение с абстрактной природой физического и духовного восприятия мира всеми людьми):

В русской языковой картине вербализация анализируемого концепта указывает на причинно-следственные признаки, которые всецело зависят от окружающей действительности: *правдивое слово бога радует, а человека гневит; правдою жить – от людей отбить, неправдою жить – бога прогневить; нечего бога гневить, надо правду говорить; когда человек сердится – он неправ;*

В таджикской языковой картине данный процесс не был обнаружен.

- *связь гнева с культурным и абстрактно-теологическим миром людей:*

В русской лингвокультуре: *не гневи бога ропотом, молись ему*

шепотом; гнев божий – бедствие, постигающее человека, но пожар от грозы – божья милость; живет, хлеб жует, небо коптит да бога гневит; на это плакаться, только напрасно бога гневить, бога прогневишь – и смерти не даст; богу молись, а черта не гневи.

В таджикской лингвокультуре: *аз газаби худо тарсидан (бояться гнева господня); ба газаби худо гирифтор шудан (навлечь на себя гнев божий); қарздорӣ қаҳри худо (долги – гнев божий)*

- *гнев и огонь*, как взаимодополняющие компоненты:

В русском языке: *у огня не бывает прохлады, у гнева – рассудка; гнев разжигает фантазии, да так, что можно обжечься; в гневе ты – как огонь, а в любви – как вода;*

В таджикском языковом сознании: *ба оташи қаҳри касе равган рехтан (подливать масло в огонь) в значении – болои сӯхта намакоб; ба деги газаб оби сард рехтан (залить холодной водой пламя гнева); чаҳли касеро овардан (довести до белого каления) в значении - касеро оташин кардан, оташи газаб афрухтан (раздувать пламя гнева);*

- *гнев и сила*, которая возникает в момент проявления негативной эмоции:

В русском языке: *в бессилии гнев очень сильный; гнев – оружие бессилия; на сердитых воду возят; во гневу не наказывай/не карай во гневу; кто гнев свой одолевает, тот крепок бывает; господин гневу своему, господин всему; истинно могуч тот, кто побеждает самого себя;*

В таджикском языке: *зӯр касест, ки дар вақти чаҳл худдорӣ кунад (силен тот, кто в гневе сумеет сдержать себя); давои газаб – хомушӣ (лекарство от гнев – молчание); қаҳрат (чаҳлат) ояд, биниатро газ (если ты сердисься, укуси свой нос); худро ба даст гирифтан (держат себя в руках/сохранять самообладание).*

В результате анализа лексикографических, фразеологических и паремиологических источников относительно концепта «Гнев/Газаб» в русской и таджикской языковых картинах было выявлено, что

анализируемый концепт и лексические единицы периферийной системы имеют как универсальные, так и национальные признаки, которые представлены в ментальной и культурно-нравственной системе познания носителей анализируемых этнических групп.

Гнев, как феномен культуры, был исследован в лексикографических и паремиологических источниках русского и таджикского языков, что позволило выявить симптомические выражения его семантического поля. Проанализировав иллюстративный материал с позиции развития негативной эмоции, нами были приведены примеры словарных статей и паремиологических единиц в двух языках, ярко отображающие языковую картину этих народов. Кроме того, собранный материал был систематизирован, начиная с возникновения гнева, заканчивая последней стадией его проявления. Проведенный анализ позволил прийти к выводу, что русский язык располагает большим количеством лексического материала, и способен репрезентировать динамику развития эмоции гнева с момента его зарождения, заканчивая самыми ужасными его последствиями. Таджикский язык также обладает богатым иллюстративным фондом, который представляет интерес для последующих исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания / Ю.Д. Апресян // Вопросы языкознания. – 1995. – №1. – С. 37 – 68.
2. Арутюнова, Н.Д. Введение // Логический анализ языка. Ментальные действия / Н.Д. Арутюнова. – М.: 1993. – 176 с.
3. Аскольдов С.А. Концепт и слово / В.П. Нерознак // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. – М.: Academia, 1997. – 297 с.
4. Бабушкин, А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета, 1996. – 104 с.
5. Бабушкин, А.П. Концепты разных типов в лексике и фразеологии и методика их выявления // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / А.П. Бабушкин. – Воронеж, 2001. – С. 52-57.
6. Бельчиков, Ю.А. Проблемы соотношения языка и культуры в русской филологической традиции / Ю.А. Бельчиков // Вестник Московского ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 1998. – № 2. – С. 95-106.
7. Бойматова, Н.К. Семантическое поле концепта «красота» в таджикской и английской лингвокультурах: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Бойматова Нигора Камолиддиновна. – Душанбе, 2019. – 174 с.
8. Бочкарев, А.Е. О способах и средствах выражения гнева в русской языковой картине мира / Е.А. Бочкарев. – М.: Studia Slavica Hung. 62/1. – 2017. – С. 59-68.
9. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М.: Мысль, 1985. – 412 с.
10. Вежбицкая, А. Лексикография и концептуальный анализ / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 200 с.

11. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
12. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
13. Вежбицкая, А. Сопоставление культур через посредство лексики и прагматики / А. Вежбицкая. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 272 с.
14. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
15. Виноградов, В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Лексикология и лексикография: избранные труды / В.В. Виноградов. – М., 1977. – С.140-161.
16. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Лингвострановедческая теория слова / Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. – М.: Русск. язык, 1980. – 320 с.
17. Верещагин, Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – 192 с.
18. Воркачѳв, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев. – Филологические науки, 2001. № 1. – С. 64-72.
19. Воркачев, С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа: монография / С.Г. Воркачев. – Краснодар, 2002. – 142 с.
20. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт: монография / С.Г.Воркачев. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
21. Вотякова, И.А. Словообразовательное поле концепта «Гнев» // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2016. – Т. 26, вып. 6. – С. 46-49.
22. Вотякова, И.А. Некоторые замечания о концепте «гнев» в русском языке // Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология. – 2015. – Т. 25, вып. 6. – С. 5-9.

23. Гайдарова, Д.Г. Специфика актуализации концепта «гнев» в лезгинской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Гайдарова Диана Гайдаровна. – Махачкала, 2011. – 19 с.
24. Головкин, Ж.С. Культура и язык: аспекты взаимосвязи. // Научные ведомости БелГУ №12 (52), 2008. – С. 174-179.
25. Гулова, З.А. Концепт «Еда» в русском и польском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Гулова Зевар Ахлидиновна. – Душанбе, 2015. – 178 с.
26. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию / В.Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
27. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры / В.Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1985.-451с.
28. Гуревич, А.Я. Категория средневековой культуры. I / А.Я. Гуревич. – М., 1972. –138 с.
29. Давлатмирова, М.Б. Универсальное и этноспецифичное в языковой репрезентации макроконцепта «Судьба» (на материале таджикского, арабского и шугнано-рушанской группы языков): дис. д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Давлатмирова Мнижа Бораковна. – Душанбе, 2019. – 388 с.
30. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику / А.А. Залевская. – М.: Рос. гос. гуманит. ун–т, 1999. – 382 с.
31. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблемам концепта / А.А. Залевская // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж, 2001. – С. 36-44.
32. Зализняк, А.А., Левонтина, И.Б., Шмелев, А.Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира / А.Д. Шмелев // Можно ли понять русскую культуру через ключевые слова русского языка?. Сб. ст. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 17-25.
33. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX и XX вв. в очерках и извлечениях / В.А. Звегинцев – М.: «Просвещение», 1964. – Ч.1. – 466 с.

34. Имомзода, М.М. Национальная специфика языковой объективации концепта «Семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системе таджикского и китайского языков: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Имомзода Махина Махмадюсуф. – Душанбе, 2017. – 192 с.
35. Искандарова, Д.М. Исследование толерантности в молодежной среде Таджикистана (лингвистические аспекты): монография / Д.М. Искандарова, З.А. Гулова, М.Б. Давлатмирова, Н.И. Каримова, З.М. Мухторов, А.Ю. Фомин. – М.: РАЕ, 2015. – 130 с.
36. Кандратьева, О.Н. Методика описания концептов в древних текстах // Вестник НГУ. Серия Лингвистика и межкультурная коммуникация., 2006. – Т.4, вып. 2. – С. 135-140.
37. Карасик, В. И., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования / под. ред. И.А. Стернина // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: ВорГУ, 2001. – С. 75-79.
38. Карасик, В.И., Стернин, И.А. Антология концептов / Е.Ю. Балашова: Концепт *любовь* и *ненависть*. – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т.1. – С. 150-174.
39. Карасик, В.И., Стернин, И.А. Антология концептов / Ю.В. Крылов: концепт *злость*. – Волгоград: Парадигма, 2007. – Т. 5. – С. 52-67.
40. Карасик, В.И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия ВГПУ. – 2009. – С. 4-11.
41. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 476 с.
42. Каримова, Н.И. Вербализация концепта «Пространство» в русской, польской и таджикской национально-культурных картинах мира: монография / Н.И. Каримова. – Душанбе: РТСУ, 2020. – 173 с.
43. Кизюкевич, А. Современное состояние и перспективы когнитивной лингвистики / А. Кизюкевич, И. Горбач–Пазэра // Русское слово в мировой культуре. – СПб.: Политехника, 2003. – Ч. 2. – С. 239–243.

44. Комаров, Е.В. Сопоставительное корпусное исследование метафоры как способ концептуализации эмоции гнева в английском и русском языках [Электронный ресурс] / Е.А. Комаров // Электронный научный журнал «APRIORI» серия: гуманитарные науки. – 2005. - №1 – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/sopostavitelnoe-korpusnoe-issledovanie-metafory-kak-sposoba-kontseptualizatsii-emotsii-gnevav-angliyskom-i-russkom-yazykah/viewer>
45. Конькова, Е.Н. Концепт, понятие и значение как важнейшие единицы в исследовании языковых сущностей / Е.Н. Берестова // Разноуровневые характеристики лексических единиц: сборник статей. Часть 1. Лексика и фразеология. Терминология. – Смоленск: СГПУ, 2001. – С. 3-7.
46. Корнеева, А.Ю. О становлении когнитивной лингвистики как самостоятельной научной дисциплины // Русское слово в мировой культуре. – СПб.: Политехника, 2003. – Ч. 1. – С. 250-256.
47. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
48. Красавский, Н.А. Динамика эмоциональных концептов в немецкой и русской лингвокультурах: автореф. д-ра. филол. наук: 10.02.20 / Красавский Николай Алексеевич. – Волгоград, 2001. – 40 с.
49. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / Красных В.В. – М.: Гнозис, 2003. – 375 с.
50. Красных, В.В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология / В.В. Карасных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
51. Крылов, Ю.В. Статус слов «гнев»/«злость» в семантическом поле эмоций // Сибирский филологический журнал: языкознание и литературоведение. – 2006. – №4. – С. 96-99.
52. Крылова, Ю.В. Эмотивный концепт «злость» в русской языковой картине мира: идентификация и разграничение ментальных и языковых структур: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Крылов Юрий Владимирович. – Новосибирск, 2007. – 23 с.

53. Кубрякова, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е.С. Кубрякова // журнал Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. № 1. С. 6 – 17.
54. Кубрякова, Е.С. В поисках сущности языка: когнитивные исследования / Е.С. Кубрякова. – М.: Знак, 2012. – 203 с.
55. Кубрякова, Е.С. Язык и знание / Е.С. Кубрякова // На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.
56. Кубрякова, Е.С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира / Е.С. Кубрякова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 141–173.
57. Купчик, Е.В. ГНЕВ в русских поэтических текстах: метафорические модели / Е.В. Купчик // Новая Россия: традиции и инновации на языке и в науке о языке. – М.: Екатеринбург, 2016. – С 141-149
58. Курбанова, Х.Х. Национально-специфические особенности концепта «Сабр» (терпение) в таджикской и русской этнолингвокультурах: дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Курбанова Хафиза Халимовна. – Душанбе, 2019. – 197 с.
59. Лакофф, Дж. Когнитивное моделирование: (из книги «Женщины, огонь и опасные предметы») / Дж. Лакофф // Язык и интеллект. – М., 1995. – 148 с.
60. Лакофф, Дж. Мышление в зеркале классификаторов / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 12-52.
61. Лакофф, Дж., Джонсон, М. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Едиториал, 2004. – 256 с.
62. Лихачёв, Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачёв // Русская словесность: Антология. – М.: Academia, 1997. – 505 с.
63. Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН Сер.лит.яз. – М., 1993. – Т. 52, №1. – С. 3-9.

64. Любимова, О.Ю. Методика изучения эмоциональной метафоры (на примере концепта «гнев») / О.Ю. Любимова // Вестник МГЛУ. – 2015. – Вып. 27 (738). – с. 93-102.
65. Любимова, О.Ю. Метафорическая концептуализация эмоционального состояния «гнева» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.20 // Любимова Ольга Юрьевна. – М., 2021. – 21 с.
66. Мазаева, Н.Ю. Языковая и концептуальная картины мира (к теории вопроса) / Н.Ю. Мазаева // Известия вузов. Северо-кавказский регион. – 2006. – С. 14-16.
67. Маркина, М.В. Лингвокультурологическая специфика эмоционального концепта «гнев» в русской и английской языковых картинах мира: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.19 / Маркина Марина Викторовна. – Томбов, 2003. – 24 с.
68. Маслова, В. А. Лингвокультурология: учебное пособие для студентов высш. учебных заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
69. Маслова, В.А. Введение в лингвокультурологию / В.А.Маслова. М.: Наследие, 1997. – 207 с.
70. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику / В.А.Маслова – М.: Флинта, 2008. – 296 с.
71. Маслова, В.А. Когнитивная лингвистика / В.А. Маслова. – Минск: 2008. – 272 с.
72. Маъсуми, Н.А. Очеркҳо оид ба инкишофи забони адабии тоҷик / Н.А. Маъсуми – Душанбе, 2011. – 390 с.
73. Мирзоева, З.Д. Концепт «хлеб/нон» в русском и таджикском языках: дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Мирзоева Зарангез Джумахоновна. – Душанбе, 2016. – 168 с.
74. Никитина, И.Я. Понятие концепта «гнев» в современном английском языке / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов // Язык, сознание,

- коммуникация: Сб. статей. – М.: МАКС Пресс, 2003. – Вып. 23. – С. 33-37.
75. Орлянская, Т.Г. Национальная культура через призму пословиц и поговорок / Т.Г. Орлянская // ВМУ, серия 19, № 3, 2003. – С. 27-51.
76. Павленис, Р.И. Проблемы смысла: современный логико-функциональный анализ языка / Р.И. Павленис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.
77. Павленис, Р.И. Понимание речи и философия языка Р.И. Павленис // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. – М.: Прогресс, 1986. – С. 380-389.
78. Пименова, М.В. Предисловие // Введение в когнитивную лингвистику / М.В. Пименова. – Кемерово, 2004. – Вып. 4. – 208 с.
79. Пименова, М.В. Душа и дух: особенности концептуализации: монография / М.В. Пименова // Серия: Концептуальные исследования. – Кемерово: ИПК «Графика», 2004. – Вып. 3. – 386 с.
80. Пименова, М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины мира внутреннего мира человека / М.В. Пименова. – Кемерово: Кузбассвузиздат; Landua: Verlag Empirische Padagogik, 1999. – 262 с.
81. Пищальникова, В.А., Стриженко, А.А. Аспекты исследования картины мира / В.А. Пищальникова, А.А. Стриженко. – Барнаул: АлтГТУ, 2003. – 299 с.
82. Погосова, К.О. Концепты эмоций в английской и русской языковых картинах мира: автореф. дис. канд. филол. наук: 10.02.01 // Погосова Кристина Олеговна. – Владикавказ, 2007. – 22 с.
83. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Язык и национальная картина мира / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2003. – 61 с.
84. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – М.: АСТ «Восток-Запад», 2007. – 226 с.
85. Попова, З.Д., Стернин, И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж, 2001. – 191 с.

86. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Семантико-когнитивный анализ языка / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2007. – 250 с.
87. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Язык и национальное сознание / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Вопросы теории и методологии. – Воронеж: ВГУ, 2002. – 314 с.
88. Попова, Л. В. Подходы к определению концепта / Л. В. Попова // Вестник ЮУрГГПУ. – 2013. – С. 311-315.
89. Рублёва, В. В. Особенности воспроизведения фразеологизмов с концептом «гнев» в арабском, английском и русском языках / В. В. Рублева // Научный вестник Крыма, Таврическая академия им. В. И. Вернадского, 2016. Вып. №2 (2). – 278 с.
90. Русакова, И. Б. Концепт «счастье» - «несчастье» в лингвокультурном содержании русских пословиц: автореф. канд. филол. наук: 10.02.01 // Русакова Ирина Борисовна. – М., 2007. – 24 с.
91. Серебренников, Б. А. Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б. А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – 216 с.
92. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: Лингвокультурологические концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г. Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
93. Стернин, И. А. Язык и национальная картина мира / И. А. Стернин – Воронеж: «Истоки», 2002. – 318 с.
94. Стернин, И. А. Методика исследования структуры концепта / И. А. Стернин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 2001. – С. 58-65.
95. Сулейменова, Э. Д. Понятие смысла в современной лингвистике / Э. Д. Сулейменова. – Алма-Ата: Мектеп, 1989. – 160 с.
96. Тахохов, Б. А. Фразеологические единицы русского и таджикского языков / Б. А. Тахохов. – Душанбе, 1988. – 100 с.
97. Телия, В. Н. Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках / В. Н. Телия. – М.: Язык славянской культуры, 2004, – 340 с.

98. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 173-203.
99. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты // В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
100. Типологическое и сопоставительное языкознание: учебное пособие / Д.М. Искандарова. – Душанбе: РТСУ, 2013. – 308 с.
101. Фазылова, Ш.К. Концепт «Богатство» в английской, русской и таджикской лингвокультурах (на материале фразеологических единиц, пословиц и поговорок): дис. канд. филол. наук: 10.02.20 / Фазилова Шахло Комилджоновна. – Душанбе, 2019. – 211 с.
102. Фрумкина, Р.М. Психоллингвистика / Р.М. Фрумкина. – М.: Академия, 2001. – 320 с.
103. Фрумкина, Р.М. Концепт, категория, прототип / Р.М. Фрумкина // Лингвистическая и экстралингвистическая семантика: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН, 1992. – С. 28-43.
104. Чоршамбиева, З.А. Лексико-семантическое поле «отрицательные эмоции» в английском и таджикском языках: когнитивно-прагматический аспект: дис. кандидат. филол. наук: 10.02.01 // Чоршамбиева Зайнабхон Ашуровна. – Душанбе, 2007. – 146 с.
105. Шамбезода, Х.Дж. Русский язык – важнейший компонент языковой политики Таджикистана / Х.Дж. Шамбезода // Вестник университета. - 2014. - №4 (47). – С. 205-209.
106. Шоназарова, Д.С. Семантический анализ концепта «Лень» в таджикском, русском и английском языках: дис. кандидат. филол. наук: 10.02.20 / Шоназарова Дилора Субхонназаровна. – Душанбе, 2020. – 144 с.

107. Fauconnier, G., Turner, M. Mental spaces: conceptual integration networks // Cognitive linguistics: basic readings / edited by Dirk Geeraerts. Wilted de Gruyter GmbH & Co. KG, 2006. – P. 371.
108. Lakoff, G., Johnson, M. Metaphors we live by. Chicago; London, 1980. – P. 247.
109. Langacker, R.W. Introduction to Concept, Image, and Symbol. Cognitive grammar in Cognitive Linguistics: Basic Reading / edited bu D. Geeraerts. Berlin, New-York. Mouton de Gruyter, 2006. – P. 562.

Справочные издания и словари:

110. Александрова, З.Е. Словарь синонимов русского языка / З.Е. Александрова. - 11-е изд. – М.: «Русский язык», 2001. – 568 с.
111. Александров, И.А. Школьный русско-таджикский фразеологический словарь / И.А. Александров. – Душанбе: «Маориф», 1984. – 128 с.
112. Бархударов, С.Г. Русский семантический словарь / С.Г. Бархударов. – М.: «Наука», 1983. – 568с.
113. Бозори, Т. Чароғи дониш. Луғати мухтасари синонимҳо / Бозори Тилозод. – Душанбе: «Деваштич», 2006. – 190 с.
114. Быстрова, Е.А. Учебный фразеологический словарь русского языка / Е.А. Быстрова, А.П. Окунева, Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1984. – 264 с.
115. Гиёс-ул-луғот: Иборат аз се чилд. – Душанбе: «Адиб» / Чилди 2. Сод – Ё. 1988. – 416 с.
116. Даль, В.И. Пословицы русского народа: сборник / В.И. Даль. – 4-е изд. – М.: Русский язык, 2009. – 814 с.
117. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб.: ТОО Диамант, 1882. – 784 с. – 2 т.
118. Добровольский, Д.О., Караулов, Ю.Н. Ассоциативный фразеологический словарь русского языка / Д.О. Добровольский, Ю.Н.

- Караулов. - РАН, Ин-т русского языка. – М.: Помовский и партнёры, 1994. – 120 с.
119. Евгеньева, А.П. Словарь русского языка: 2-е изд., в 4 т. / А.П. Евгеньева, – М.: Русский язык, 1983. – 750 с.
120. Евгеньева, А.П. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. / А.П. Евгеньева, – М.: Астрель, АСТ, 2001. – 856 с.
121. Евгеньева, А.П. Словарь синонимов русского языка / А.П. Евгеньева. – Ленинград: Наука, 1970. – 680 с. – 1 т.
122. Калонтаров, Я.И. Мудрость трех народов – Панду хикмати се халк – Уч халкнинг хикматларн / Б. Тилавов, Я.И. Калонтаров. - Душанбе: Адиб, 1989. – 432 с.
123. Калонтаров, Я.И. Таджикские пословицы и поговорки в аналогии с русским / Я.И. Калонтаров. – Душанбе: «Ирфон», 1965. – 534 с.
124. Калонтаров, Я.И. Фарҳанги нави тоҷикӣ-русӣ. Новый таджикско-русский словарь / Я.И. Калонтаров. – Душанбе, 2008. – 320 с.
125. Колесников, Н.П. Словарь антонимов. / Под ред. Н.М. Шанского. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1972. – 316 с.
126. Крылов, Г.А. Этимологический словарь русского языка / Г.А. Крылов – Санкт-Петербург: «Полиграфсервис», 2005. – 432 с.
127. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина. – М.: Филол. ф-т. МГУ, 1996. – 245 с.
128. Мирбобоев, А. Фарҳанги тоҷики-русӣ / А. Мирбобоев. – Душанбе: Пажӯишгоҳи фарҳанги форсӣ-тоҷикӣ, 2006. – 804 с.
129. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / Л. А. Войнова, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. И. Федоров. – М.: Советская энциклопедия, 1987. – 543 с.
130. Мухаммадиев, М. Луғати мухтасари синонимҳои забони тоҷикӣ / М. Мухаммадиев. – Душанбе: «Маориф», 1975. – 256 с.

131. Мухаммадхусайни, Б. Бурҳони қотеъ: 4 ҷилд / М. Бурхон. – Душанбе: «Адиб», 1993. – 416 с. – 1 ҷ.
132. Назарзода, С., Сангинов, А., Каримов, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: 2 ҷ. / С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов, М.Ҳ. Султон. – Душанбе, 2008. – 1894 с.
133. Назарзода, С., Сангинов, А., Каримов, С. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ: 2 ҷ. / С. Назарзода, А. Сангинов, С. Каримов., М.Ҳ. Султон. – Душанбе, 2010. – 2091 с.
134. Новикова, Л.А. Словарь антонимов русского языка. / Л.А. Новикова. – М.: Русский язык, 1988. – 384 с.
135. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. - 4-е изд. – М., 2010 г. – 874 с.
136. Ожегов, С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Издательство «Советская энциклопедия», 1973 г. – 846 с.
137. Осими, М.С. Русско-таджикский словарь. Луғати русӣ-тоҷикӣ / М.С. Осими. – М.: Русский язык, 1985. - 1280с.
138. Прохоров, Ю.Е. Большой лингвистический словарь / Ю.Е. Прохоров. – М.: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 737 с.
139. Раковский, М. Пословицы, поговорки и мудрые мысли / М. Раковский. – Душанбе: «Ирфон», 1969. – 356 с.
140. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования /Ю.С. Степанов. – М.: языки русской культуры, 1997. – 824 с.
141. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанова, 2-е изд. – М.: Академический Проект, 2001. – 197 с.
142. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М.: «Русский язык», 1985. – 856 с. – 1 т.
143. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь русского языка: в 4 т. / Д.Н. Ушаков. – М.: ТЕРРА, 1996. – 520 с.

144. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2014 г. – 800 с.
145. Фазилов, М. Фразеологический словарь современного таджикского языка: в 2 т. / М. Фазилов. – Душанбе: «Ирфон», 1964. – 802 с.
146. Фазилов, М. Фарҳанги зарбулмасал, мақол ва афоризмҳои тоҷикию форсӣ / М. Фазилов. – Душанбе: «Ирфон», 1975. – 367 с.
147. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер, О.Н. Трубачев. – М.: «Прогресс», 1986. – 576 с. – 2 т.
148. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер, О.Н. Трубачев. – М.: «Прогресс», 1987. – 832 с. – 3 т.
149. Федосов, И.В., Лапицкий, А.Н. Фразеологический словарь русского языка / И.В. Федосов, А.Н. Лапицкий. – М.: «Юнвес», 2003. – 608с.
150. Шанский, Н.М. Краткий этимологический словарь русского языка / Н.М. Шанский, В.В. Иванов, Т.В. Шанская, С.Г. Бархударов, 3-е изд. – М., 1971. – 542 с.
151. Шанский, Н.М. 700 фразеологических оборотов русского языка (для говорящих на таджикском языке) / Шанский Н.М., Быстрова Е.А., Салихов С. – М.: «Русский язык», 1982. – 115 с.
152. Шукуров, М.Ш. Фарҳанги забони тоҷикӣ: 2 ҷ. / М.Ш. Шукуров, В.А. Капранова, Р. Хашима, Н.А. Масуми. – М.: Сов. энциклопедия, 1969. – 1910 с.

